

ВАРВАРА ДУХОВСКАЯ

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Что пройдетъ, то будетъ мило.

1913.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

1. Назначеніе мужа Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ.

Мужъ мой, Сергѣй Михайловичъ Духовской, въ бытность свою генералъ-губернаторомъ Приамурскаго края, былъ вызванъ весною 1897 г. изъ Хабаровска въ Петербургъ по дѣламъ службы. Я страшно обрадовалась возможности провести нѣсколько мѣсяцевъ на берегахъ Невы. Но это былъ лишь сонъ! Счастье это, увы, продолжалось недолго. Мужъ совершенно неожиданно получилъ назначеніе на высокій и отвѣтственный постъ Туркестанскаго генералъ-губернатора. Прощай, столь лелѣянное въ моихъ мечтахъ безпечальное житье въ Питерѣ! Достаточно побродили мы по бѣлу свѣту, изъѣздивъ почти весь земной шаръ, и вотъ опять надо ѣхать за тридевять земель, на другую окраину обширной Россійской Имперіи. Повидимому, страстное мое желаніе поселиться въ Петербургѣ должно быть отнесено къ числу отдаленныхъ мечтаній будущаго.

Въ одной изъ древнѣйшихъ книгъ „Зендъ-Авесты" (200 лѣтъ до Р. Х.) говорится, что Туркестанъ—это одна изъ самыхъ старыхъ колыбелей человѣчества. Этотъ край по обширности равняется двумъ Франціямъ. Въ сравненіи съ Сибирью онъ густо населенъ: во всемъ Приамурьѣ одинъ милліонъ жителей, а въ Туркестанѣ 8 милліоновъ; въ Хабаровскѣ вмѣстѣ съ войсками 14 тысячъ жителей, а въ Ташкентѣ 100 тысячъ.

Въ 1863 г. водворилась русская власть въ Туркестанѣ, а въ 1867 г. учреждено Туркестанское генералъ-губернаторство. Первымъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ фонъ Кауфманъ.

Эмиръ Бухарскій, Саидъ-Абдулъ-Ульахадъ-ханъ, прислалъ мужу поздравительную телеграмму съ новымъ назначеніемъ, и сообщилъ ему, что онъ самъ на дняхъ прибудетъ въ Петербургъ.

Эмиръ былъ у насъ съ визитомъ, въ сопровожденіи большой свиты. Бухарскій властелинъ показался мнѣ прямо великолѣпенъ въ своемъ парчевомъ халатѣ и въ чалмѣ, усѣянной драгоцѣнными камнями; на груди у него красовалось большое количество орденовъ. Когда кончился обмѣнъ оффиціальныхъ привѣтствій съ этими любопытными образчиками жителей Востока, настала моя очередь занимать Эмира. Я усиленно изобрѣтала, черезъ переводчика, темы для разговора, и въ смущеніи чуть было не заговорила о погодѣ. Эмиръ пожаловалъ мужу самый высшій бухарскій орденъ, осыпанный бриллiантами. На другой день онъ мнѣ прислалъ въ подарокъ золотой ларецъ бухарскаго издѣлія, а въ немъ массивное ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней.

Намъ приходится ускорить отъѣздъ, благодаря безпорядкамъ въ Андижанѣ (Ферганской области). Въ ночь съ 17 на 18 мая тамъ вспыхнуло возстаніе. Передъ самымъ разсвѣтомъ, со стороны селенія Донъ-Кишлака, прилегающаго къ нашему лагерю, шайка мусульманъ около 2000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Мань-Тобинскаго ишана Магомета-Али-Халифа, пользуясь темнотой, подкралась въ полной тишинѣ въ лагерь къ крайнему бараку, въ которомъ мирно спали солдаты 20-го Туркестанскаго линейнаго баталіона,—спереди конные, сзади пѣшіе, и, вдохновленные фанатизмомъ, начали рѣзать спящихъ солдатъ при дикомъ рычаніи „уръ!“. Дневальные и дежурные въ ротѣ были убиты первыми. Поднялась невыразимая суматоха; въ сосѣдней ротѣ забили тревогу. Солдаты засуетились, какъ муравьи въ потревоженномъ муравейникѣ; внезапно разбуженные, они стали отбиваться штыками и прикладами, другіе, успѣвшіе получить патроны, бросились на мятежниковъ въ штыки. Туземцы отбивались шашками, кинжалами, копьями, серпами, и начали, отстрѣливаясь, отступать. Убитъ былъ ихъ мулла, который стоялъ окруженный неистовыми фанатиками и громко читалъ имъ коранъ. Убитые и раненые туземцы быстро увозились отступавшими мятежниками. Отъ начала нападенія до бѣгства прошло не болѣе четверти часа. Туземцамъ пришлось убѣдиться, что торжественное обѣщаніе ишана о томъ, что русскія пули будутъ отскакивать отъ ихъ груди и убивать самихъ же русскихъ, лишь плодъ больной фантазіи. Наканунѣ этого нападенія, въ Андижанѣ зарѣзаны два русскихъ путешественника, ѣхавшіе въ Маргеланъ.

Убили также джигита, посланнаго къ нимъ военнымъ начальникомъ; ему отрубили голову, перерѣзали уши и, привязавъ изуродованный трупъ къ сѣдлу, привезли его къ ишану,—главному предводителю возстанія, а въ сосѣднемъ аулѣ, туземецъ, волостной старшина, отрубилъ голову своему писарю (русскому) и также торжественно вручилъ ее ишану. Все русское населеніе Андижана въ паническомъ страхѣ. Женщины и дѣти на слѣдующій день нападенія были отосланы въ крѣпость, гдѣ находился гарнизонъ. Про ишана ходятъ легенды; говорятъ, что къ нему явился выходецъ изъ Константинополя, который передалъ ему волосы и бороду Пророка, и богатый халатъ въ подарокъ отъ султана, съ разрѣшеніемъ начать „газаватъ“ (священную войну) противъ невѣрныхъ. Въ лагерѣ было во время нападенія всего лишь 160 солдатъ, и несмотря на это, наши храбрые воины съ торжествомъ вышли изъ коварной ловушки. Нападая на Андижанскій гарнизонъ, мусульмане составили сатанинскій планъ, овладѣвъ крѣпостью, покончить съ остальнымъ русскимъ населеніемъ. Посланы войска для усмиренія. Ишанъ съ большимъ трудомъ захваченъ; военный судъ приговорилъ его и шесть главныхъ мятежниковъ къ повѣшенію, 500 туземцевъ ссылаются въ Сибирь и на Сахалинъ. Послѣ казни ишана, его зеленое и красное знамя было сожжено передъ войсками. Туземное населеніе Ферганы, покоренное недавно, нѣсколько разъ уже пыталось поднять вооруженное возстаніе противъ русскихъ, питая къ нимъ непримиримую ненависть. Мужу придется принять самыя энергичныя мѣры для прекращенія смуты, начатой до его назначенія генералъ-губернаторомъ. Надо торопиться съ отъѣздомъ.

2. Дорога въ Ташкентъ.

26 Мая двинулись мы въ дальній путь. Ѣхать намъ придется безъ малаго четыре тысячи верстъ, цифра почтенная! Я рѣшила отправиться въ Ташкентъ лишь на короткое время, вернусь въ Петербургъ въ первыхъ числахъ Сентября, чтобы заняться окончаніемъ „Моихъ Воспоминаній“, которыя хочу печатать въ пользу Ташкентской женской гимназіи.

На вокзалѣ открыли для насъ парадныя комнаты. Собралась масса провожающихъ, чтобы пожелать намъ счастливаго пути;

я расточала на право и на лѣво рукопожатія. Между провожавшими находился министръ финансовъ эмира, Астанакулъ-Диванъ-Беги, который поднесъ мнѣ огромный букетъ. Я получила также цвѣты отъ амурцевъ, находившихся въ это время въ Петербургѣ. Передъ вагономъ, который предоставленъ въ наше распоряженіе до Ростова, стояла толпа любопытныхъ. Въ сосѣднемъ вагонѣ помѣстилась свита мужа. Время ѣхать. Поѣздъ трогается, провожающіе усердно машутъ намъ шапками и платками.

30 Мая. Утромъ прибыли въ Петровскъ. Вагонъ нашъ подкатили прямо къ пристани. Для насъ приготовленъ пароходъ „Алексѣй" общества „Кавказъ и Меркурій", который долженъ доставить насъ въ Баку. Мнѣ отвели общую дамскую каюту. Пока мы стояли на мѣстѣ, меня уже начало мутить и я, въ ожиданіи морской болѣзни, стала ожесточенно сосать лимонъ. Во время завтрака, мы снялись съ якоря. Море совершенно гладкое, спокойное. Къ вечеру нѣсколько засвѣжѣло, какъ говорятъ моряки, и меня порядочно-таки укачало. Уснуть бы скорѣе! но я задремала лишь на разсвѣтѣ.

31 Мая. Восемь часовъ утра. Подходимъ къ Баку. Издали бѣлѣютъ снѣговыя горы. Хотя мы находимся еще на Кавказскомъ берегу, но мужа встрѣтили здѣсь съ большимъ почетомъ всѣ городскія власти. Пристань усѣяна пестрой толпой; какихъ только нѣтъ національностей: грузины, персы, татары, армяне. Хаосъ языковъ представляетъ настоящее Вавилонское столпотвореніе.

Мужу и его спутникамъ не сидѣлось на мѣстѣ и они отправились на нефтяныя озера осматривать опрѣснитель морской воды и фабрику льда, очень важную для Баку ввиду нестерпимой здѣсь жары. Затѣмъ поѣхали они въ *Черный городъ*, гдѣ разрабатывается нефть. Происхожденіе нефти спорное: болѣе новая теорія состоитъ въ томъ, что нефть — продуктъ разложенія животныхъ и морскихъ растеній. Случается, что до залежей нефти добираются лишь послѣ двухлѣтняго буренія, тогда только забьетъ фонтанъ. Самый крупный владѣлецъ нефтяныхъ залежей въ настоящее время Нобель, а затѣмъ Ротшильдъ.

Препротивный городъ Баку! полное отсутствіе зелени придаетъ ему мрачный колоритъ. Все небо черное отъ угля и дыма. Вечеромъ мы двинулись въ дальнѣйшій путь.

1 Іюня. Переплываемъ Каспійское море, которое почти никогда не бываетъ спокойно. Качка отчаянная. Всѣ наши спутники попрятались и улеглись, я раньше всѣхъ.

2 Іюня. На разсвѣтѣ показался Азіатскій берегъ. Въ семь часовъ утра мы вошли въ Красноводскую гавань, разукрашенную флагами. Пароходъ подошелъ прямо къ пристани, на которой толпилось много народа: сарты, киргизы, туркмены. Вотъ мы и въ Закаспійской области!

Колоритъ Красноводска желто-сѣрый; нѣтъ совсѣмъ зелени, кругомъ ни одного деревца. Скучная картина! На пристани воздвигнута тріумфальная арка, увѣшанная гирляндами зелени, а по серединѣ наши иниціалы съ надписью: „Добро пожаловать!". Мужъ былъ встрѣченъ всей городской и уѣздной администраціей, во главѣ съ княземъ Тумановымъ, исполнявшимъ должность начальника Закаспійской области, которую раньше занималъ военный министръ, генералъ Куропаткинъ. Князь Тумановъ преподнесъ мнѣ великолѣпный букетъ. Военный оркестръ встрѣтилъ насъ маршемъ.

Къ пристани подали намъ экстренный поѣздъ; къ нему прицѣпленъ вагонъ-буфетъ и вагонъ съ водой, которую привезли сюда за сто верстъ. Поѣзда „водянки" Закаспійской области, въ чанахъ развозятъ воду по линіи, для надобности желѣзной дороги. Всѣ вагоны здѣсь выкрашены въ бѣлый цвѣтъ. Я заняла вагонъ, помѣченный литерой „Д", очень просторный и удобный, съ гостиной, спальней и ванной.

Мужъ поѣхалъ въ городъ съ княземъ Тумановымъ, а меня подкатили ко вновь построенному роскошному вокзалу, замѣчательно красивой архитектуры, въ Мавританскомъ стилѣ, весь разукрашенный флагами. Вагонъ мой остановился у подножія широкой лѣстницы, покрытой краснымъ сукномъ. Масса народа толпилась на дебаркадерѣ въ ожиданіи возвращенія мужа изъ города. Въ пестрой толпѣ выдѣлялись военные въ парадныхъ мундирахъ и много дамъ въ нарядныхъ костюмахъ. Передъ моимъ вагономъ на широкомъ тротуарѣ игралъ военный хоръ. Смѣнили его бродячіе музыканты, перебравшіеся сюда съ Кавказа, услаждавшіе мой слухъ игрою на зурнѣ. Сѣдовласый солистъ затянулъ дикую мелодію; жаль стало мнѣ стараго трубадура!

День удушливо жаркій, на небѣ ни облачка, все залито потокомъ солнечнаго свѣта. Термометръ въ вагонѣ показываетъ двадцать шесть градусовъ. Я совсѣмъ раскисла отъ жары.

Пріѣхалъ, наконецъ, мужъ, и отъѣздъ нашъ совершился очень торжественно; поѣздъ отошелъ подъ звуки музыки.

Отъ Красноводска до Ташкента 1750 верстъ, путь не ближній! На всемъ протяженіи нашего слѣдованія туземцы и мѣстные жители привѣтствуютъ мужа. На станціяхъ ждутъ массы любопытныхъ.

Поѣздъ идетъ по самому берегу моря; тихо плещутъ волны почти у самаго вагона. Исчезъ Каспій; ѣдемъ теперь по голой степи, поросшей кустами саксаула (деревцо карликъ).

Однообразнѣе и печальнѣе этой мѣстности нельзя себѣ ничего представить. Песокъ отъ вѣтра въ степи колышется и вздымается буграми. Все кругомъ спитъ непробуднымъ сномъ, точно заколдованное песчаное царство. Жизнь здѣсь остановилась, какъ незаведенные часы, ни человѣка, ни птицы, ни звѣря, ни травки, ни даже кустика полыни на пути; справа и слѣва только хаосъ песка и много, много солнца. Тишина кругомъ глубокая, нарушаетъ ее лишь свистъ нашего паровоза. Жилья никакого. Станціи стоятъ одиноко посреди пустыни. Жить здѣсь должно быть не сладко!

Поѣздъ нашъ можетъ взять рекордъ медленности, тащимся по черепашьему. Сопровождаетъ насъ до Самарканда князь Тумановъ, строитель Средне-Азіатской желѣзной дороги—Урсати, и цѣлый штатъ инженеровъ. Мужъ пригласилъ ихъ всѣхъ къ завтраку въ мой вагонъ. Пыль клубами вваливается въ окна, раскрытыя по случаю невыносимой жары; къ довершенію всѣхъ прелестей, мухи одолѣваютъ, кусаютъ ужасно больно. Я страшно злюсь на нихъ, на жару, на пыль, на все!

Послѣ завтрака я поспѣшила надѣть капотъ. Лежу на кушеткѣ и вздыхаю, но это нисколько не тревожитъ моихъ спутниковъ; напротивъ того, еслибъ я перестала вздыхать, то они пришли бы посмотрѣть, что со мною.

Пустынные виды изъ оконъ навѣваютъ лютую тоску и скуку. Мы видимъ все ту же картину: пески уныло тянутся верста за верстой съ обѣихъ сторонъ полотна. Въ вагонѣ томительно жарко, дышать положительно нечѣмъ. Термометръ поднимается

по-тропически, начинаетъ уже показывать за тридцать и выше. Закаспійская область одна изъ самыхъ жаркихъ мѣстъ на земномъ шарѣ; въ другихъ странахъ все, что накаляется отъ дневного зноя, остываетъ по крайней мѣрѣ ночью, здѣсь же и ночью ни къ чему нельзя прикоснуться, все накалено, стѣны, постель, всѣ вещи, и когда, наконецъ, къ утру начинаетъ дѣлаться чуточку свѣжѣе, то подымается солнце, и опять та же исторія.

3 Іюня. Ночью, вслѣдствіе духоты, невозможно было заснуть. Я задремала только, когда солнце уже встало и немного повѣяло холодкомъ. Въ Кизилъ-Арватъ прибыли мы въ восемь часовъ утра. На платформѣ хоръ музыки дожидался пробужденія мужа, чтобы грянуть ему привѣтственный маршъ. Передъ вокзаломъ группа деревьевъ носитъ громкое названіе „сада". Не садъ, а такъ,—недоразумѣніе какое-то! Близъ станціи находится домикъ Скобелева, въ которомъ вся обстановка осталась неизмѣненной.

Двигаемся дальше. Это „дальше" становится уже несноснымъ. Чувствую себя ужасно измученной и утомленной. Кругомъ меня все постныя лица, всѣ вялы, никому не охота говорить. Въ такую духоту не только шевелить языкомъ, но и думать не хочется.

Кое-гдѣ показывается зелень. Проѣзжаемъ Ахалъ-Текинскій оазисъ; вдали пасется большое стадо верблюдовъ. Солнце уже садилось, когда мы подошли къ Геокъ-Тепе. Поѣздъ остановился у общей могилы убитыхъ русскихъ воиновъ при штурмѣ Геокъ-Тепе. Сколько крови здѣсь было пролито! У могилы совершена была панихида. Изъ окна вагона видны развалины крѣпости, прославленной мѣсячной геройской защитой. На нѣсколько верстъ тянутся ея стѣны. У входа въ крѣпость, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи, находится небольшое зданіе военноисторическаго музея, съ разными воспоминаніями Текинскаго похода.

Въ полдень мы въ Асхабадѣ. Послѣ завоеванія генераломъ Скобелевымъ Ахалъ-Теке, Главнокомандующій Кавказскою арміей, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, предложилъ моему дядѣ генералу Рербергу, начальнику Кавказской гренадерской дивизіи, занять должность начальника Закаспійской области и командующаго въ ней войсками,—не для продолженія военныхъ дѣйствій, которыя были закончены генераломъ Скобелевымъ, а для установленія мирнаго порядка во вновь завоеванномъ краѣ.

Генералъ Рербергъ разсказываетъ, что 2 Марта 1881 г. въ Тифлисѣ было получено извѣстіе объ ужасномъ горѣ, постигшемъ Россію—смерти Императора Александра II. 3 Марта войска и народъ въ Тифлисѣ присягнули Императору Александру III, а на другой жё день ген. Рербергъ выѣхалъ въ Закаспійскій край, получивъ предписаніе отправиться въ мѣстечко Асхабадъ.

Никакого правильно-организованнаго гражданскаго управленія въ Асхабадѣ не было, такъ же, какъ и судебныхъ учрежденій и генералу Рербергу пришлось управлять краемъ на правахъ „хана".

При такихъ условіяхъ ему выпало на долю положить основаніе городу Асхабаду. Первое дѣло по части устройства города было правильное распредѣленіе воды между тэкинцами-кочевниками, войсками и русскими жителями. Онъ установилъ также правильныя раздачи участковъ для построекъ и распланировалъ городъ *).

Желѣзнодорожную станцію окружаетъ тѣнистый садъ съ широкими аллеями пирамидальныхъ тополей и бѣлой акаціи. Во всю длину платформы стоятъ власти, встрѣчающія мужа, много дамъ и масса туземцевъ-халатниковъ. У вагона мужа поставлено двое часовыхъ; играетъ хоръ музыки. Черезъ щелочку опущенной деревянной шторы, я наблюдала, невидимкой, за всѣмъ происходящимъ на платформѣ. Но вотъ, раздается звонокъ. Пора ѣхать! Солдаты кричатъ намъ „ура", туземцы отвѣшиваютъ низкіе поклоны.

Пейзажъ однообразный, вдали тянется невысокая, совершенно голая степь Копетъ-Дага. Вечеромъ повѣяло освѣжающимъ вѣтеркомъ, а ночью стало такъ холодно, что я должна была прибѣгнуть къ теплому одѣялу.

*) Черезъ тридцать лѣтъ послѣ основанія Асхабада, въ 1911 г. генералъ Рербергъ посѣтилъ этотъ городъ и совершенно не узналъ его. Въ настоящее время онъ вполнѣ благоустроенъ. Жителей въ немъ 47.000, не считая тэкинцевъ-кочевниковъ. Имѣется здѣсь классическая гимназія, женская гимназія, желѣзнодорожное училище и нѣсколько православныхъ храмовъ. Генералъ Рербергъ съ трудомъ отыскалъ остатки начатковъ города, въ томъ числѣ глиняный домикъ, гдѣ онъ жилъ, и который стоилъ казнѣ всего лишь три тысячи рублей.

4 Іюня. Рано утромъ мы пріѣхали въ Мервъ. Опять повтореніе вчерашней торжественной встрѣчи, плюсъ подношенія хлѣба-соли. Близь Мерва находится кишлакъ (деревня), гдѣ живетъ извѣстная престарѣлая текинка „Нуръ-Верди", пользующаяся большимъ вліяніемъ у туземцевъ,—уговорившая Мервъ сдаться. Въ домикѣ этой текинки одна комната отдѣлана въ старомъ русскомъ стилѣ, для русскихъ гостей, которые ее посѣщаютъ довольно часто.

Мервскій оазисъ считается центромъ пагубной маляріи. Скорѣе бы проѣхать это мѣсто! Пейзажъ здѣсь очень не привлекателенъ, опять потянулась длинная, безконечная степь, какъ огромное песчаное море. Съ обѣихъ сторонъ полотна желѣзной дороги возвышаются песчаные бугры (барханы); подъ напоромъ вѣтра они двигаются и засыпаютъ желѣзнодорожный путь. Закаспійская дорога въ постоянной борьбѣ съ этими сыпучими песками; приходится обсаживать полотно единственными ростущими въ этихъ пескахъ растеніями-саксаулами.

Отъ Мерва въ одной верстѣ отъ станціи находится имѣніе Государя „Мургабъ", площадь котораго около 104 тысячъ десятинъ. Тянется это имѣніе до самой персидской границы; по площади оно больше многихъ германскихъ государствъ. Управляющій Мургаба поднесъ мнѣ чудный букетъ.

Возлѣ слѣдующей станціи „Байрамъ-Али" находятся развалины стараго Мерва, жалкіе остатки прежняго величія, около ста лѣтъ уже прекратившаго свое существованіе. Въ этихъ мѣстахъ бываютъ обманчивые миражи „*Fata morgana*". Вмѣсто ожидаемыхъ, судя по разсказамъ, фантастическихъ картинъ, на горизонтѣ рисуется всегда вода и на ея фонѣ нѣсколько деревьевъ.

Солнце уже садилось, когда мы подъѣхали къ границѣ Бухарскаго ханства. Группа туземныхъ мальчишекъ въ пестрыхъ халатикахъ и разноцвѣтныхъ ермолкахъ глазѣли на нашъ поѣздъ съ широко разинутыми ртами. На слѣдующей станціи „Аму-Дарья" были выстроены русскія войска въ красныхъ шароварахъ (чимбары) изъ красной кожи, которыя носятъ здѣсь всѣ мѣстныя войска. Дирижировалъ хоромъ военной музыки капельмейстеръ итальянецъ, во фракѣ, съ бухарской звѣздой.

Къ нашему поѣзду здѣсь прицѣпили открытый вагонъ для удобнаго лицезрѣнія красивыхъ видовъ. Приближаемся къ станціи „Фарабъ“, гдѣ мужъ осматривалъ опытную ферму для разводки всевозможныхъ полезныхъ растеній. Черезъ широкую рѣку Аму-Дарью устанавливается въ кессонахъ грандіозный желѣзный мостъ художественной архитектуры, длиною около двухъ верстъ; противуположный берегъ едва виденъ. До окончанія моста, черезъ рѣку перекинутъ временный деревянный мостъ. Русло Аму-Дарьи очень измѣнчиво и потому постройка постояннаго моста сопряжена съ большими трудностями и стоитъ громадныхъ суммъ. Теперешній мостъ отчаянный, поминутно грозитъ опасность его разрушенія; онъ, кажется, по счету уже третій, кстати онъ и по длинѣ третій во всемъ мірѣ. Первый мостъ по длинѣ находится въ Шотландіи, около Эдинбурга, а второй, Бруклинскій, въ Нью-Іоркѣ. Аму-Дарья разлилась въ цѣлое море; когда смотришь изъ оконъ на бурлившій внизу потокъ воды, слышишь скрипъ деревянныхъ балокъ и чувствуешь, какъ подъ тяжестью поѣзда мостъ колеблется, становится очень жутко, и я, признаться сказать, порядочно таки трусила; глаза зажмурила и сидѣла ни жива, ни мертва, употребляя геройскія усилія, чтобы не вскрикнуть, а мужъ мой возмутительно спокоенъ и съ удручающимъ хладнокровіемъ еще подшучиваетъ надъ моими страхами. Благополучно миновали мостъ. На русскомъ берегу Аму-Дарьи находится городъ Чарджуй, извѣстный тѣмъ, что въ свое время въ немъ была штабъ-квартира генерала Анненкова, строителя Закаспійской желѣзной дороги. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ рѣки, начинается опять безотрадная степь, среди которой извивается широкой лентой Аму-Дарья. Скучно, однообразно, куда ни посмотришь—песокъ и песокъ. Эта степь продолжается почти до центра Бухары, до городка Кермине (лѣтняя резиденція Эмира), гдѣ рѣка Заравшанъ опять превращаетъ на время степь въ цвѣтущую долину. Эта рѣка замѣчательна тѣмъ, что никуда не вливается; она исчерпывается арыками, прорытыми для искусственнаго орошенія полей.

Миновали послѣдніе пески. Мѣстность все болѣе и болѣе измѣняетъ свой видъ степной равнины; всюду густая растительность: рощи персиковыхъ деревьевъ, виноградники, цѣлыя поля

дынь, арбузовъ. Желѣзнодорожныя станціи кокетливо выглядываютъ изъ-за массы зелени. Мы, наконецъ, въ царствѣ человѣка, всюду движеніе и жизнь. Вотъ скачетъ туркменъ на породистомъ скакунѣ, а на встрѣчу ему плетется комичный толстый бухарецъ верхомъ на маленькомъ ишакѣ (ослѣ).

Вотъ въѣхали мы „*заграницу*“ и поздно вечеромъ подкатили къ станціи Новая Бухара. Старая Бухара отстоитъ въ двѣнадцати верстахъ отъ вокзала. Эта древняя столица, нѣкогда великаго средне-азіатскаго царства, всегда считалась центромъ правовѣрной мусульманской учености, несмотря на то, что правители ея давно уже уступили первенствующую политическую роль великихъ калифовъ турецкому султану. Нравы въ Бухарскомъ ханствѣ во многомъ напоминаютъ еще доисторическіе періоды. Здѣсь звѣрски происходитъ смертная казнь: за бороду откидываютъ голову приговореннаго, перерѣзываютъ ему горло, какъ барану, и потомъ вѣшаютъ туловище на три дня. Въ городѣ находится тюрьма, главная часть которой состоитъ изъ трехъ глубокихъ ямъ, вырытыхъ въ землѣ; на днѣ ихъ копошатся, въ перемежку, старики и дѣти, здоровые и больные, сумасшедшіе и умирающіе. Ну и народецъ!

Въ Новой Бухарѣ остановка долгая; не доѣзжая еще до вокзала, мы увидѣли безчисленный рядъ яркихъ костровъ, освѣщающихъ два батальона видныхъ бухарскихъ солдатъ, выстроенныхъ вдоль полотна желѣзной дороги, затянутыхъ въ мундиры русскаго покроя. Въ полумракѣ можно было подумать, что это русское войско, особенно когда изъ этой массы солдатъ раздалось громкое „ура“, при появленіи мужа у окна вагона. Дежурный офицеръ бѣгалъ вдоль строя, озабоченно посматривая на солдатъ: „Смирно!“ скомандовалъ онъ зычнымъ голосомъ, сдѣлавъ мужу подъ козырекъ, и, страшно скосивъ глаза, крикнулъ по русски: „Батальонъ, новому *Превосходительству* ура!“. Войска отвѣчали также по русски на привѣтствія мужа.

На платформѣ столпилась такая масса публики, что мужъ съ трудомъ добрался до почетнаго караула отъ бухарскихъ войскъ. Во главѣ караула стояли три бухарскихъ сановника, присланные въ качествѣ представителей отсутствующаго Эмира: мѣстный губернаторъ города Бухары и два министра, въ богатыхъ парчевыхъ халатахъ. Вокзалъ украшенъ флагами и освѣ-

щенъ множествомъ разноцвѣтныхъ фонарей. Во дворѣ вокзала былъ приготовленъ „дастарханъ“ (мѣстное угощеніе) въ огромномъ шатрѣ съ поднятыми боками, обитымъ внутри богатыми шелковыми матеріями. Накрытые бѣлыми скатертями, длинные столы напоминали что-то европейское, но тысячи людей въ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ, окружавшіе шатеръ, расшитые золотомъ костюмы мѣстныхъ сановниковъ и своеобразные звуки туземной музыки—все это указывало, что мы далеко отъ Европы, въ гостяхъ у азіатскаго властелина. Въ ночной темнотѣ ярко вспыхивали костры, заливая краснымъ свѣтомъ лица столпившихся бухарцевъ; у многихъ въ рукахъ зажженные фонари. Вся эта обстановка перенесла меня въ сказочный міръ тысячи и одной ночи. Вся русская колонія была въ сборѣ; многіе становились на цыпочки, дамы влѣзали даже на скамейки.

Вагонъ мой былъ погруженъ въ темноту, дабы я могла наблюдать за всѣмъ происходившимъ, оставаясь невидимкой.

Депутація отъ нашей колоніи поднесла мужу хлѣбъ-соль на чудномъ серебряномъ блюдѣ, съ пожертвованіемъ 500 рублей въ пользу семействъ убитыхъ солдатъ въ Андижанѣ, а также адресъ по случаю вступленія мужа въ объединенный край. Поздоровавшись съ бухарскими войсками, мужъ вошелъ въ шатеръ и сѣлъ за столъ, имѣя по обѣимъ сторонамъ, на благородной дистанціи, бухарскаго губернатора и одного изъ министровъ. Сзади стула мужа стоялъ переводчикъ; мужъ подчеркнулъ черезъ него въ своей рѣчи, близкую связь обоихъ народовъ, указывая на интересное совпаденіе, что какъ разъ въ ту минуту, когда онъ находится въ сердцѣ ислама отъ имени русскаго Царя, правитель Бухары находится въ сердцѣ Россіи—въ Москвѣ.

Мнѣ также досталась частичка „дастархана“; слуги-бухарцы принесли мнѣ разныхъ сластей и не захотѣли брать обратно блюда, сказавъ: „Бей убьетъ!“.

Передъ отъѣздомъ мужъ послалъ со станціи телеграмму Эмиру съ благодарностью за теплый пріемъ. Представители Эмира поѣхали провожать мужа до Самарканда; къ нимъ присоединился русскій военный агентъ Игнатьевъ.

5 Іюня. Когда мы подъѣзжали къ изукрашенному вокзалу Катта-Кургана, былъ уже полдень. Черезъ часъ двинулись дальше. Поѣздъ идетъ среди роскошнаго густо заросшаго лѣса.

Еще задолго до Самарканда начались многочисленные сады гигантскихъ тутовыхъ деревьевъ и пашни. Туркмены въ огромныхъ бараньихъ папахахъ работаютъ въ поляхъ. Здѣсь занимаются болѣе всего разведеніемъ хлопка. Жгучее солнце даетъ два урожая въ лѣто; почва удивительная, способная взращивать все, что угодно, была бы только вода. Ахъ, какъ хорошо здѣсь послѣ песковъ Закаспійской области и части Бухарскаго ханства!

Самаркандъ—это громадный лѣсъ гигантскихъ деревьевъ, съ разбросанными низенькими сѣрыми домиками и большимъ количествомъ башенъ и мечетей. Присоединенъ онъ къ Россіи послѣ разгрома Бухары въ 1868 году. Самое интересное въ Самаркандѣ это остатки древней старины и полуразрушенный, съ изъѣденными временемъ стѣнами, дворецъ Великаго Тамерлана, величайшаго царя этого края, царствовавшаго въ XV столѣтіи. Развалины эти по грандіозности превышаютъ Римскія и Греческія, уступаютъ онѣ только Египетскимъ; не такъ древни онѣ, но ими нужно еще больше дорожить, такъ какъ частыя землетрясенія въ Самаркандѣ разрушаютъ ихъ понемногу, не говоря уже о *культурныхъ варварахъ*, которые, болѣе чѣмъ безцеремонно, ихъ расхищаютъ. На одной изъ улицъ Самарканда есть домикъ, всю керамическую облицовку котораго владѣлецъ-варваръ „*позаимствовалъ*“ изъ развалинъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ мечетей.

На вокзалѣ собрались встрѣтить мужа всѣ горожане, войска и туземное населеніе. Буквально не было, гдѣ яблоку упасть. Вокзалъ разукрашенъ флагами, зеленью, коврами; платформа постлана краснымъ сукномъ. Залъ перваго класса превращенъ въ роскошную гостиную. Когда мужъ вышелъ на платформу, навстрѣчу ему грянула музыка. Самаркандскій губернаторъ, генералъ Федоровъ, представилъ мужу депутацію отъ туземнаго населенія въ богатыхъ халатахъ, украшенныхъ медалями и портретами Государя. Мужу было доложено, что жители Самарканда просятъ вѣрить въ ихъ вѣрноподданническія чувства Царю и въ то, что они возмущены до глубины души злодѣйскимъ убіеніемъ нашихъ солдатъ въ Андижанѣ, въ доказательство чего они открыли подписку въ пользу семействъ убитыхъ. Мужъ поблагодарилъ депутатовъ, пожелавъ населенію богатѣть, занимаясь мирно своимъ трудомъ, но прибавилъ, что онъ строго

будетъ слѣдить, чтобы обѣщанія ихъ исполнялись на дѣлѣ. Не такъ-то легко прельстить мужа вкрадчивыми фразами! Жители-евреи поднесли также хлѣбъ-соль, т. е. не хлѣбъ, а плоскія лепешки.

На площади, сзади вокзала, былъ выстроенъ весь Самаркандскій гарнизонъ. Мужъ пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ и, поблагодаривъ ихъ за молодецкую службу, провозгласилъ „ура" за Государя Императора, подхваченное сотнями голосовъ, что, видимо, произвело большое впечатлѣніе на тысячную толпу.

Тщетно повели на меня атаку, прося зайти въ гостиную на чашку чая. Желая избѣгнуть обычныхъ церемоній, которыя я ненавижу отъ всего сердца, я сослалась на головную боль, къ тому же я еще не успѣла переодѣться до Самарканда и не хотѣлось мнѣ показываться въ такомъ неблагопристойномъ видѣ. Такая жарища, до церемоній ли тутъ! Но все-таки, принявъ человѣческій обликъ, я попросила къ себѣ супругу губернатора съ двумя дочерьми. Надѣлили онѣ меня цвѣтами и угостили на славу, велѣвъ принести въ вагонъ чаю, фруктовъ и мороженнаго. Когда поѣздъ тронулся, я быстро переодѣлась въ капотъ, излюбленный мой костюмъ, и, растянувшись на кушеткѣ, начала подремывать.

Изъ Самарканда до Ташкента офиціальное движеніе по желѣзной дорогѣ еще не открыто и ѣхать по ней страшновато. Дорога эта строится желѣзнодорожнымъ батальономъ; станціонные начальники все офицеры, а кондукторскія обязанности исполняются солдатами. Поѣздъ тащится очень медленно. На всемъ разстояніи до самаго Ташкента патрули охраняютъ полотно желѣзной дороги, такъ какъ здѣсь часто повторяются случаи порчи пути туземцами.

На границѣ Ташкентской губерніи встрѣтилъ насъ Ташкентскій губернаторъ генералъ Корольковъ, товарищъ мужа по академіи генеральнаго штаба.

6 Іюня. Ночью мы проѣхали через *Голодную Степь.* Пустыня прорѣзана арыками (оросительными каналами). На этой, судьбой обиженной землѣ, Великій Князь Николай Константиновичъ, который много лѣтъ уже живетъ въ Туркестанѣ, производитъ грандіозныя оросительныя работы, которыя, по его проекту, должны превратить *Голодную Степь* въ плодотворныя нивы. Конечно, замыселъ по идеѣ блестящій, но откуда взять для этого требуемое количество воды?

На утро ранехонько, съ восходомъ солнца, мы подошли къ строящемуся мосту черезъ рѣку Сыръ-Дарью. Проснувшись, я къ ужасу моему увидала, что проѣзжаю безъ мужа этотъ мостъ: онъ, оказывается, прошелъ его пѣшкомъ для осмотра работъ. Я была уже готова на ходу выскочить изъ вагона, въ которомъ царило сонное царство. Принялась будить мою горничную Мину, которая крѣпко спала, свернувшись калачикомъ, и задавала *храповицкаго;* она только сладко зѣвнула и опять погрузилась въ дремоту. Марія Михайловна Титова, моя компаніонка, также спала крѣпкимъ сномъ и не желала просыпаться.

Тихо полземъ; мостъ подъ тяжелымъ поѣздомъ поскрипываетъ. Ухъ, какъ страшно! Хотя я и не робкаго десятка, а мурашки пробѣгали-таки по моей спинѣ. Движеніе по этому неоконченному мосту безусловно опасно; онъ держится пока исключительно милостью судебъ.

Чѣмъ ближе къ Ташкенту, тѣмъ оживленнѣе становятся равнины. Кругомъ рисовыя поля, хлопковыя плантаціи. Скоро будемъ на мѣстѣ.

Подъѣзжая къ Ташкенту, мы увидѣли большую массу народа, двигающуюся вдоль полотна желѣзной дороги; жители толпами устремились навстрѣчу намъ. Ровно въ 10 часовъ утра, согласно расписанію, поѣздъ нашъ подошелъ къ Ташкентскому вокзалу, богато декорированному растеніями и цвѣтами. Народъ толпится на площади передъ вокзаломъ; масса восточныхъ людей: сарты въ пестрыхъ халатахъ, туркмены въ короткихъ бешметахъ, туземные евреи въ черныхъ шапочкахъ, кого-кого только тутъ нѣтъ! Весь дворъ полонъ экипажами. Всѣ, находящіеся въ Ташкентѣ, генералы и офицеры собрались въ полной парадной формѣ. Полицеймейстеръ первымъ дѣломъ доложилъ мужу, что въ Андижанѣ опять неспокойно. Тревожная вѣсть эта испортила все наше хорошее настроеніе.

Пріѣзда моего здѣсь не ждали, и я инкогнито добралась до нашей коляски, заложенной чудной парой гнѣдыхъ рысаковъ; на козлахъ сидѣлъ красавецъ урядникъ, Оренбургскій казакъ. Я велѣла ѣхать шагомъ пока мужъ обходилъ войска. Окончивъ

обходъ, мужъ сѣлъ въ коляску, и мы быстро понеслись по широкимъ Ташкентскимъ улицамъ, сопровождаемые огромнымъ конвоемъ; впереди несутся *чапары* (конные туземные городовые) въ длинныхъ коломянковыхъ халатахъ и мерлушковыхъ папахахъ, на граціозныхъ мѣстныхъ лошадкахъ; по бокамъ и позади нашего экипажа скачутъ туземцы въ парадныхъ халатахъ, на породистыхъ скакунахъ. Ѣдемъ чинаровыми аллеями; дома тонутъ въ зелени садовъ, растительность богатѣйшая. Въ продолженіи всего пути, отъ вокзала до нашего дома, двигаются по улицамъ сплошной массой принаряженные обыватели и туземцы. Во всемъ городѣ царитъ необыкновенное оживленіе. Ташкентъ сдѣлалъ огромныя приготовленія для встрѣчи мужа, все разукрашено флагами, вензелями, гирляндами, цвѣтами. Толпа любопытныхъ стоитъ на тротуарахъ; все время приходится раскланиваться направо и налѣво.

Мы подъѣхали къ Спасо-Преображенскому собору, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ нѣсколькими священниками и дьяконами. Хоръ громко провозгласилъ долголѣтіе мужу, послѣ чего протоіерей, отецъ Богородецкій, сказалъ привѣтственную рѣчь; упомянулъ онъ въ ней, между прочимъ, о томъ, что мужъ мой по служебной должности своей находится теперь уже на третьей азіатской окраинѣ.

Направились мы изъ собора пѣшкомъ къ нашему дому или „дворцу", какъ его здѣсь называютъ. Я ждала на крыльцѣ, пока мужъ здоровался съ почетнымъ карауломъ, и дѣлалъ смотръ стрѣлковому батальону и сотнѣ Оренбургскихъ казаковъ-удальцовъ.

Черезъ часъ послѣ нашего прибытія, пока я отдыхала съ дороги, Великій Князь Николай Константиновичъ навѣстилъ мужа и просилъ его передать мнѣ букетъ изъ розъ, сорванный имъ самимъ въ его саду; букетъ обвязанъ лентой песочнаго цвѣта—эмблема песковъ Голодной Степи, привѣтствующей меня. Великій Князь проводитъ бóльшую часть года въ Голодной Степи, занимаясь ея орошеніемъ. На прорытіе арыковъ Его Высочество потратилъ въ продолженіе семнадцати лѣтъ болѣе милліона.

7 Іюня. Какъ я уже сказала раньше, пріѣздъ мой не ожидался въ Ташкентѣ, и я сегодня утромъ прочитала въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ" слѣдующее: „Извѣстіе о прибытіи Варвары Федоровны съ ея супругомъ стало извѣстнымъ лишь на вокзалѣ, когда начали съѣзжаться для встрѣчи. Позднее извѣстіе это лишило нашихъ дамъ возможности привѣтствовать Варвару Федоровну".

Въ 10 часовъ утра сегодня, въ большомъ залѣ, представлялись мужу горожане и туземцы: городской голова, члены городской управы, члены думы, представители купечества и мѣщанскихъ обществъ, городскіе старшины, имамы и другіе почетные представители населенія азіатской части города, а также колонія индусовъ, одѣтыхъ въ узкіе длиннополые сюртуки, наглухо застегнутые, вродѣ *лапсердаковъ* старомодныхъ евреевъ, на головѣ у нихъ черная бархатная шапочка. Желтолицые индусы эти занимаются здѣсь исключительно ростовщичествомъ. Живутъ они всѣ вмѣстѣ, отказывая себѣ во всемъ; мебели въ ихъ жилищѣ нѣтъ никакой, кромѣ сундуковъ, на которыхъ они спятъ подобно Пушкинскому „*Скупому Рыцарю*". Получилась картина двора восточныхъ властелиновъ, на которую я смотрѣла изъ-за портьеры гостиной. Въ залѣ находилось еще все управленіе канцеляріи мужа: вице-губернаторъ, начальникъ города, оба полицеймейстера. Мужъ вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, чиновниковъ и губернатора, генерала Королькова. Въ залѣ собралось до двухсотъ человѣкъ; стоялъ оглушительный шумъ. Мужъ привѣтствовалъ сначала горожанъ, затѣмъ новый начальникъ города, полковникъ Ладыженскій, бывшій Рижскій полицеймейстеръ, представилъ мужу депутацію почетныхъ туземцевъ, принесшихъ собранныя населеніемъ деньги въ пользу вдовъ и сиротъ убитыхъ солдатъ въ Андижанѣ, около пяти тысячъ, все золотыми монетами, которыя одинъ изъ Ташкентскихъ старшинъ поднесъ мужу на подносѣ. Старшины эти похожи на библейскихъ патріарховъ; удивительно типичныя лица, на картинахъ пишутъ такихъ. Обращаясь къ туземцамъ, мужъ сказалъ имъ, что онъ передастъ Государю выраженное ими чувство вѣрноподданности. Туземцы рычаніемъ выразили свое удовольствіе по этому поводу, но мужъ немного расхолодилъ ихъ, прибавивъ, что у *Бѣлаго Царя* около 150 милліоновъ подданныхъ, и что, еслибъ случилась въ этомъ надобность, онъ могъ бы прислать въ Туркестанъ столько войскъ, что въ каждой волости помѣстилось бы по одному батальону.

Послѣ пріема мужъ поѣхалъ осматривать „Старый Ташкентъ“, находившійся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ „Новаго Ташкента“. Навѣстилъ онъ тамъ стотрехлѣтняго аборигена, муллу Сали-Мухамедъ-Али-Дамулаева, имѣвшаго сто человѣкъ прямого потомства. Мужъ роздалъ свои портреты, въ память своего посѣщенія Стараго Ташкента, нѣсколькимъ почетнымъ сартамъ, которые сказали ему, что у нихъ до сей поры было два большихъ праздника въ году: *байрамъ* и *рамазанъ*, а теперь, послѣ посѣщенія мужа, будетъ третій. (Ужъ на льстивыя рѣчи восточные люди первые въ мірѣ мастера)! На обратномъ пути мужа провожали цѣлыя тучи верховыхъ туземцевъ.

Нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда дождь лилъ безъ перерыва самымъ возмутительнымъ образомъ; на немощенныхъ улицахъ Ташкента такая грязь, что не пройти и не проѣхать. Когда немного пообсохло, мужъ повезъ меня обозрѣвать городъ; сопровождалъ насъ взводъ казаковъ съ офицеромъ. Лихая тройка вороныхъ помчала насъ по широкимъ Ташкентскимъ улицамъ, обсаженнымъ съ обѣихъ сторонъ громадными пирамидальными тополями и могучими *карагачами*, производящими впечатлѣніе широкихъ аллей парка; тамъ и сямъ проглядываютъ домики, окруженные, вмѣсто заборовъ, камышевыми плетенками. Попадаются и большія, т. е. длинныя зданія: театръ, военное собраніе и три гимназіи—женская, классическая и реальная. Строить высокихъ домовъ здѣсь нельзя, ввиду частыхъ землетрясеній. Въ Туркестанскомъ краѣ разрушались неоднократно цѣлые города, какъ, напримѣръ, „Вѣрный“ въ Семирѣченской области. Въ Ташкентѣ находится одна изъ самыхъ знаменитыхъ обсерваторій въ Россіи, съ телескопомъ не хуже Пулковскаго. Обсерваторіей завѣдуетъ извѣстный астрофизикъ Стратоновъ, который своими трудами обратилъ на себя вниманіе ученаго міра. Въ обсерваторіи имѣется также сейсмографическое отдѣленіе для измѣренія колебанія почвы.

Ташкентскіе жители запираются въ своихъ жилищахъ отъ 12 до 4-хъ часовъ. Въ эту жаркую пору на улицахъ не видно не души, весь городъ погруженъ въ дремоту, но теперь былъ уже шестой часъ, жара немного спала и сонное царство пробудилось. На улицахъ большое движеніе, особенно въ туземныхъ кварталахъ „Стараго Ташкента“, гдѣ находится любопытный сартовскій базаръ. Пробирались мы тамъ узкими улицами-корридорами въ два аршина шириной, крытыми сверху рогожами. Специфическій въ нихъ запахъ Востока; пахнетъ въ воздухѣ прянностями и бараниной. Ѣдемъ среди „дувановъ“, высокіе глинянные заборы, отдѣлявшіе жилища сартовъ отъ улицы, за которыми домашняя жизнь туземцевъ скрывается отъ посторонняго глаза; мѣстами пробиты въ нихъ калитки. Особенность „Стараго Ташкента“ составляютъ пересѣкающіе его по всѣмъ направленіямъ арыки. Туземные кварталы полны жизни и красокъ, Любопытными глазами озиралась я во всѣ стороны. Мы очутились среди самой разнообразной толпы. Вотъ идутъ намъ на встрѣчу „*дувана*“ (монахи блаженные), въ длинныхъ халатахъ и остроконечныхъ шапкахъ, черезъ плечо у нихъ перекинута фляга изъ тыквы. Длиннобородый старецъ въ бѣлой чалмѣ стоитъ, опираясь на посохъ, и что-то оживленно разсказываетъ, это—„*маддахъ*“, уличный разсказчикъ. По улицамъ расхаживаютъ замаскированныя чучелами сартянки, тщательно укутанныя въ свои безобразные сѣрые мѣшки „*фераджи*“, со спущенными на лицо частыми сѣтками изъ чернаго волоса. Соблюдаютъ онѣ болѣе другихъ дочерей Востока правила мусульманскаго благочестія, заставляющее женщинъ ходить съ закрытыми лицами. Въ Константинополѣ я видѣла турчанокъ, правда, подъ вуалью, но настолько прозрачной, что онѣ, въ сущности, ничѣмъ не отличались отъ нашихъ дамъ подъ вуалью. Въ Каирѣ вуали гуще, но зато женщины тамъ оставляютъ совершенно открытыми глаза. Мусульманки Индіи совсѣмъ не закрываются, такъ-же, какъ и наши кочевыя киргизки. Въ „чайханахъ“ (чайныя лавки) сарты сидятъ, поджавши ноги, на крытыхъ цыновками нарахъ, подъ легкимъ навѣсомъ, попиваютъ чай и курятъ кальянъ. Старые сарты дѣлаютъ намъ „*селямъ*“, проведя рукою по лицу и по бородѣ,—символъ, что ихъ чувства относительно насъ такъ-же чисты, какъ омытое лицо. Въ цирюльняхъ туземцы на виду у всѣхъ брѣютъ головы.

Аборигены Туркестана любятъ музыку; почти въ каждой юртѣ номада, почти въ каждомъ „хауль“ (домѣ) осѣдлаго туземца можно встрѣтить двухструнные музыкальные инструменты „*дубру*“ и „*дутара*“. Даже къ скрипучей своей арбѣ сарты пристраиваютъ палку такъ, чтобы она задѣвала за спицы колеса

и производила барабанный бой своеобразнаго ритма; подъ этотъ аккомпаниментъ сартъ тянетъ высокимъ фальцетомъ свою монотонную мелодію. (Пѣть басомъ считается неприличнымъ). Арбы эти, на двухъ неимовѣрной величины колесахъ, запряжены въ одну лошадь; сартъ правитъ сидя верхомъ, ноги его на оглобляхъ. На его лошади часто еще сидятъ два или три туземца. Сарты никогда не смазываютъ колесъ, и вѣчно раздающійся на улицахъ скрипъ арбы составляетъ одинъ изъ аккордовъ Туркестанской симфоніи, прерываемой пронзительнымъ ревомъ верблюдовъ и воемъ бездомныхъ скитающихся собакъ.

Какъ и всѣ южные народы, сарты очень равнодушны къ перемѣнамъ температуры; лѣтняя жара не особенно ихъ безпокоитъ, въ зимніе-же морозы они тоже живутъ почти подъ открытымъ небомъ; въ ихъ дырявыхъ лачужкахъ нѣтъ совсѣмъ печей, по серединѣ ихъ разводится огонь, на полу, не столько для отопленія, сколько для варки обѣда, и, конечно, отъ него больше дыма и угара, чѣмъ тепла.

Вернувшись домой въ „Новый Ташкентъ", мы зашли въ городской садъ посмотрѣть памятникъ русскому солдату, поставленный въ память павшихъ героевъ при взятіи Ташкента: солдатъ со знаменемъ взлѣзаетъ на груду наваленныхъ кирпичей. Работа эта скульптора Микѣшина,—прекрасное произведеніе, но, къ сожалѣнію, по недостатку средствъ, остающееся въ видѣ гипсовой модели покрытой масляной краской.

При здѣшней жарѣ, во избѣжаніе пыли, приходится поливать улицы нѣсколько разъ въ день; поливальщики при этомъ такъ усердствуютъ, что на улицахъ стоитъ почти всегда липкая грязь, въ которой тонутъ колеса. Извозчики въ Ташкентѣ прекрасные, запряженные парою лошадей фаетоны, но колеса ихъ вѣчно въ грязи. Это поливаніе способствуетъ относительной прохладѣ, но также и разводкѣ комаровъ, а съ ними и всякимъ маляріямъ. Какъ привяжется болотная лихорадка, такъ и не отстанетъ пока не измучитъ вконецъ человѣка. Другая мѣстная болѣзнь „*пендинка*" или „*сартовская болѣзнь*", еще непріятнѣе: кромѣ всѣхъ другихъ пагубныхъ послѣдствій, она обезображиваетъ лицо. Климатъ вообще здѣсь очень вредный. Съ закатомъ солнца наступаетъ рѣзкая сырость; вечеромъ не безопасно сидѣть на верандѣ, и я часто силою вытаскиваю

оттуда мужа, излюбившаго уголокъ на террасѣ для своихъ вечернихъ занятій.

Въ Іюнѣ Ташкентъ переживаетъ самую жаркую пору, термометръ доходитъ до 38 градусовъ. Солнце весь день льетъ палящіе лучи, небо безоблачно. Въ воздухѣ совершенная неподвижность; во время иллюминацій свѣчи ставятъ прямо на карнизы и на крыши, такъ какъ вѣтеръ ихъ не можетъ опрокинуть, пламя горитъ и не колышется. А тутъ еще москиты-кровопійцы свирѣпо меня кусаютъ; мошкары также видимо-невидимо. Однимъ изъ главныхъ бѣдствій Ташкента считаются эти, почти невидимыя простымъ глазомъ, мошки, укусы которыхъ вызываютъ нестерпимый зудъ и воспаленіе. Такія же мучительныя твари составляютъ одну изъ бѣдъ Венеціи, гдѣ ихъ называютъ „*Zanzari*". Поразительно, что въ то время, когда въ иностранныхъ государствахъ люди всячески спасаются отъ зловредныхъ москитовъ и мошкары, наши туркестанцы только жалуются на послѣдствіе ихъ укусовъ—малярію, да почесываютъ искусанныя мѣста.

Ташкентскій зной дѣйствуетъ на меня угнетающе; послѣднее время я чувствую себя—охъ, какъ скверно! Плохо ѣмъ, плохо сплю, цѣлый день меня лихорадитъ. Ужъ не малярія-ли? Кутаюсь въ большой платокъ и приваливаюсь ежеминутно на кушетку. Пробую взяться за какое-нибудь дѣло, и снова тянетъ прилечь. Я такъ похудѣла и поблѣднѣла, что боюсь смотрѣть на себя въ зеркало. Врагъ человѣчества мнѣ нашептываетъ, что лучшимъ исцѣлителемъ былъ бы для меня Петербургъ, но я твердо рѣшила не поддаваться соблазну и прибѣгнуть лучше къ помощи врача.

Домъ нашъ—длинное, скрытое за деревьями, одноэтажное зданіе; еслибъ не часовые у подъѣзда, то никто не замѣтилъ бы его. Обстановка у насъ дворцовая, цѣлая анфилада парадныхъ комнатъ съ очень высокими потолками: двѣ громадныя залы, нѣсколько гостиныхъ, одна изъ нихъ въ сартовскомъ стилѣ, стѣны и потолокъ лѣпные, разноцвѣтной работы, очень художественно исполненной, сдѣланной изъ алебастра, выкрашеннаго въ пестромъ туземномъ вкусѣ, работы мѣстныхъ мастеровъ-художниковъ. Въ стѣнахъ продѣланы ниши, уставленныя туземной утварью. Огромный кабинетъ мужа также весь лѣпной. Въ маломъ залѣ и въ красной гостиной висятъ портреты во весь

ростъ нашихъ Государей и Императрицъ, начиная съ Императора Александра II. Въ читальнѣ—длинный залъ заваленъ всевозможными журналами и газетами. Середина дома подъ стекляннымъ куполомъ обращена въ роскошный зимній садъ съ мостиками, горками, фонтанами и множествомъ экзотическихъ растеній. Вечеромъ, при освѣщеніи многочисленными фонариками, зимній садъ прямо фееричень. Домъ нашъ окруженъ чуднымъ тѣнистымъ садомъ, раскинутымъ на четырехъ десятинахъ; на его содержаніе казна отпускаетъ ежегодно 6.000 рублей. Садъ этотъ—настоящій лабиринтъ; совершая въ немъ въ первый разъ прогулку верхомъ, на своемъ бѣломъ киргизѣ, мужъ заблудился и съ трудомъ нашелъ дорогу къ дому. Длинныя аллеи такъ тѣнисты, что въ самую сильную жару тамъ бываетъ прохладно. Въ саду имѣются всѣ породы туркестанскихъ растеній; разнообразятъ его искусственныя развалины, гроты, и причудливые мостики, перекинутые черезъ огромный, извилистый, какъ рѣка, арыкъ, въ которомъ плаваютъ лебеди. Цвѣтовъ масса, кусты розъ разрастаются цѣлыми деревцами. Каждое утро главный садовникъ разставляетъ роскошные букеты по всѣмъ комнатамъ. Передъ домомъ бьетъ высокій фонтанъ съ несмолкаемымъ журчаніемъ и водопадъ, вышиною въ два аршина, продѣланный въ искусственной скалѣ, падаетъ по пяти желѣзнымъ ступенямъ въ широкій мраморный бассейнъ. Въ виду изнурительной лѣтней жары, самой существенной принадлежностью всякаго жилья считается здѣсь купальня. У насъ въ саду цементный бассейнъ, въ которомъ черезъ фильтръ пропускается вода изъ перерѣзывающихъ садъ арыковъ; вода въ нихъ течетъ настолько быстро, что, несмотря на жару, она сохраняетъ прохладную температуру своихъ горныхъ источниковъ. Въ саду большое изобиліе всевозможныхъ фруктовъ и ягодъ, до которыхъ я большая охотница. Упавшія съ деревьевъ огромныя красныя яблоки валяются кучами, никто ихъ не подбираетъ. Свиней здѣсь кормятъ персиками и абрикосами. Плоды Туркестанскіе, а въ особенности изъ нѣкоторыхъ частей Ферганы, не уступаютъ самымъ роскошнымъ фруктамъ Калифорніи, Ривьеры и Крыма. Персики и груши до того сочны, что ихъ пьютъ, а не ѣдятъ, арбузы и дыни—одно объѣденіе. Фрукты здѣсь дешевы до невозможности, пудъ вишенъ стоитъ 40 копѣекъ,

фунтъ винограда 1 коп. Ташкентская конфектная фабрика „Акъ-Курганъ" изготовляетъ, главнымъ образомъ, засахаренные фрукты, которые экспортируются въ Москву и въ Петербургъ, гдѣ они продаются дешевле, чѣмъ засахаренные фрукты Крымскихъ и Кіевскихъ фабрикъ. Цѣны и на другіе продукты очень дешевы, фунтъ мяса стоитъ 6 коп., пара цыплятъ 25 коп. Туземцы питаются скудно, вся пища сарта и туркмена состоитъ изъ лепешекъ и горсточки риса; разъ въ недѣлю, только по пятницамъ (праздничный день), они ѣдятъ баранину. Урюки (мѣстные абрикосы) играютъ большую роль въ пищѣ туземца. Русскія уроженки Ташкента носятъ здѣсь названіе „*урючницъ*". Этотъ эпитетъ объясняется тѣмъ, что когда грудной младенецъ (сартенокъ) заплачетъ, ему для успокоенія кладутъ въ ротъ урюкъ. Сарты считаются большими мастерами фальсификацій разнаго рода, которыя иному алхимику и въ голову не пришли-бы; хорошій сортъ сливочнаго масла, напримѣръ, фабрикуется изъ снятаго молока и бараньихъ мозговъ. Бррр!..

Въ саду у насъ цѣлый звѣринецъ. Въ большой ямѣ, въ которой находились прежде медвѣди, помѣщается теперь нѣсколько десятковъ лисицъ. Цѣлая стая оленей пасется въ саду; на ночь они запираются въ загородку. Въ огромной клѣткѣ живутъ павлины, которые будятъ меня по утрамъ рѣзкимъ крикомъ. Подъ верандой дома, за желѣзной рѣшеткой, когда-то содержались тигры, но вслѣдствіе непріятнаго запаха, ихъ принуждены были выселить. Съ одной стороны садъ примыкаетъ къ крѣпости, отъ которой отдѣляется стѣной, а съ другой стороны находится сартовскій туземный городъ, изъ котораго по вечерамъ доносится протяжный крикъ *муэдзина*, взобравшагося на верхушку минарета и призывающаго правовѣрныхъ на вечерній *намазъ* (молитву).

Кромѣ „дворца" въ городѣ, полагается еще генералъ-губернаторская дача, прохладный пріютъ на время лѣтней жары. Дача эта находится въ горахъ, въ 80 верстахъ отъ Ташкента, близь лѣтняго лагеря и санаторной станціи, куда посылаются выздоравливающіе солдаты на поправку. Дачная мѣстность эта называется „Чимганъ". Живутъ тамъ въ настоящее время 150 семействъ Ташкентскихъ чиновниковъ и офицеровъ.

Я совсѣмъ не касаюсь здѣсь хозяйства, живу, какъ въ гостяхъ, и чувствую себя въ чужомъ гнѣздѣ. Многочисленная при-

слуга въ нашемъ домѣ космополитная: нѣмцы, поляки, татары, сарты, оренбургскіе казаки. Управляющій домомъ, Богдановъ, очень важная особа; во время парадныхъ обѣдовъ онъ прислуживаетъ за столомъ во фракѣ съ бухарской звѣздой. Сервировка стола роскошная; посуда съ Туркестанскими гербами имѣется на 300 человѣкъ. Передъ нашимъ пріѣздомъ куплено столоваго бѣлья на 2.000 рублей.

Ровно въ 12 часовъ изъ крѣпости раздается пушечный выстрѣлъ и Богдановъ въ ту-же минуту является доложить, что завтракъ поданъ. Завтракаю я почти всегда у себя. Ежедневно обѣдаютъ у насъ всѣ адъютанты и чиновники мужа, большая часть которыхъ перевелась сюда изъ Хабаровска.

Первые дни моего пребыванія въ Ташкентѣ такая тоска на меня напала,—сбѣжать хотѣлось. Потомъ попривыкла, и черезъ недѣлю я вошла въ колею новой жизни. Тѣмъ не менѣе, мнѣ казалось, что я сижу въ заключеніи, въ волшебномъ замкѣ. Продолжаю сильно вздыхать по Петербургу. Ахъ, какая здѣсь тоска! Дни длинные, предлинные; отъ скуки я хоть поссориться съ мужемъ хотѣла, но его невозмутимо-спокойный нравъ служилъ этому препятствіемъ. Мужъ такъ поглощенъ дѣлами, что я его почти весь день не вижу, не вхожу въ его кабинетъ, боясь помѣшать его занятіямъ, а занятъ онъ съ утра до ночи. Чтобы убить какъ-нибудь время, я строго распредѣлила часы: читаю, пишу „Мои воспоминанія" и много музицирую. Это главное мое удовольствіе; любовь къ музыкѣ унаслѣдовала я отъ отца моего, князя Ѳеодора Григорьевича Голицына, прекраснаго музыканта. Онъ написалъ нѣсколько прелестныхъ романсовъ; самый красивый изъ нихъ *„Бѣлѣетъ парусъ одинокій"* на слова Лермонтова. Мой пылъ къ мандолинѣ совсѣмъ охладѣлъ, пристрастилась я теперь къ игрѣ на англійскомъ концертино, и ретиво занялась изученіемъ этого мелодичнаго инструмента, допускающаго художественную передачу всей обширной скрипичной литературы.

Громадная спальня наша выходитъ окнами въ садъ. Люблю сидѣть поздно вечеромъ у открытаго окна,—а тамъ *„и ночь и луна"* и все такое! Особенно хорошо думается мнѣ по ночамъ на моемъ балконѣ; развалившись удобно въ качалкѣ и слегка убаюкиваемая однообразнымъ журчаніемъ фонтана, я мысленно уношусь далеко, далеко, въ любимый Петербургъ. Не хочется

уходить спать. Тихо вокругъ, мѣсяцъ залилъ серебристымъ свѣтомъ весь садъ, легкій вѣтерокъ играетъ верхушками высокихъ деревьевъ и приноситъ ароматъ геліотроповъ, которые цвѣтутъ подъ балкономъ. Внизу ходитъ мѣрными шагами часовой; по временамъ его провѣряетъ дежурный по караулу офицеръ. У насъ въ домѣ, въ отдѣльномъ флигелѣ, стоитъ караулъ, состоящій изъ 12 солдатъ и офицера.

Спимъ мы съ открытыми окнами. Разъ, поздно ночью, я была разбужена неистовымъ крикомъ, доносившимся изъ сада. Я вскочила съ постели и побѣжала къ окну, но въ безлунномъ мракѣ трудно было что-нибудь различить. Мужъ, несмотря на мои протесты, выбѣжалъ въ садъ, чтобы узнать причину этой кутерьмы. Оказалось, что я была главной виновницей всего этого переполоха. Наканунѣ вечеромъ, гуляя въ саду, я не замѣтила, какъ выпустила изъ ограды одного изъ оленей. Часовой, еврейчикъ, видя среди ночной тишины скачущее на него рогатое существо, принялъ его за Вельзевула и сталъ отчаянно вопить: „вай, вай!" призывая на помощь. Преуморительно объяснялъ онъ потомъ всю эту исторію мужу, говоря: „*Испужался* я страсть какъ, бѣжать нельзя, а *рогатина* такъ на меня и *скакаетъ*".

Ежедневно въ 7 часовъ утра раздается гудокъ со спиртнаго завода богача купца Иванова. На этомъ заводѣ имѣется машина для производства искусственнаго льда, но какая польза отъ одной только машины на все многочисленное Ташкентское населеніе? Нельзя себѣ представить англійскаго или американскаго города безъ фабрикаціи льда; въ Аденѣ на Красномъ морѣ, который мы проѣзжали нѣсколько разъ по дорогѣ изъ Хабаровска въ Петербургъ, существуетъ даже искусственный опрѣснитель морской воды, а у насъ въ Ташкентѣ всѣ жалуются на невыносимую жару, а подписаться на полученіе льда съ завода Иванова, кромѣ насъ, не оказывается охотниковъ.

Газеты посвящаютъ мнѣ очень много вниманія. Нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда, въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ" было напечатано: „Въ воскресенье 28 Іюня, отъ 2-хъ до 3-хъ, супруга главнаго начальника края въ первый разъ принимаетъ у себя лицъ, желающихъ ее видѣть. Мы слышали, что въ послѣдующія воскресенія, въ тѣ же часы, у Варвары Ѳеодоровны будутъ происходить такіе же пріемы".

Въ первое воскресеніе былъ у меня Великій Князь и опять съ букетомъ. Онъ очаровалъ меня простотой своего обращенія; милъ и любезенъ донельзя, разговоръ его блещетъ остроуміемъ и юморомъ. Я показывала Его Высочеству телеграмму, только что полученную отъ Великой Княгини Александры Іосифовны, въ которой она спрашиваетъ о здоровіи сына.

Были у меня также всѣ члены благотворительнаго общества, которое находится подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Θеодоровны. По уставу этого общества, предсѣдательницей должна быть выбрана жена генералъ-губернатора. Такъ какъ я предполагаю поѣхать осенью въ Петербургъ, мужъ передалъ комитету отъ моего имени, что во время моего отсутствія, я поручаю ему замѣнять меня въ засѣданіяхъ. Визитеровъ была масса, однихъ членовъ комитета благотворительнаго общества было болѣе шестидесяти человѣкъ. Подъ конецъ языкъ мой отъ усталости не повиновался мысли и я вмѣсто слова: *„здравствуйте“* сказала входящему посѣтителю, къ великому его изумленію: *„до свиданья“*. Прощаясь со мной, Великій Князь пригласилъ меня на слѣдующій день на чашку шоколада. Въ Ташкентѣ у Великаго Князя чудный дворецъ; черезъ рѣшетку его двора видны бюсты Черняева и Скобелева. Его Высочество въ подробности показывалъ мнѣ всю огромную массу собранныхъ у него рѣдкостныхъ вещей. Между прочимъ находятся у него карманные часы, ходящіе безъ завода, приводящіеся въ движеніе походкою человѣка; достаточно положить ихъ въ карманъ и походить нѣсколько минутъ, чтобы они шли цѣлыя сутки. Изобрѣтатель „Бреге“ сдѣлалъ лишь два экземпляра такихъ часовъ, оцѣнивъ ихъ по 10 тысячъ франковъ; другой экземпляръ часовъ находился у Императора Александра II. Въ картинной галлереѣ Великаго Князя собраны портреты всѣхъ нашихъ царей. Я обратила вниманіе, что болѣе всего у него портретовъ Императора Павла.

Два раза въ недѣлю у мужа бываетъ пріемъ просителей. Явились какъ-то къ нему два сына Кокандскаго хана, лишеннаго престола. Одинъ изъ нихъ типичный азіатъ въ халатѣ и чалмѣ, а другой одѣтъ по-европейски и служитъ въ областной канцеляріи; сынъ его воспитывается въ Ташкентской гимназіи.

Засѣданія главнаго комитета благотворительнаго общества

происходятъ у насъ въ голубой гостиной, участвуютъ въ нихъ нѣсколько дамъ-попечительницъ, прокуроръ Ильинъ, управляющій контрольной палатой — Уреніусъ, соборный протоіерей, священникъ женской гимназіи, женщина-врачъ Коръ-Де-Ласъ (жена извѣстнаго въ свое время піаниста и дирижера оркестра), и прочіе многіе. На первомъ засѣданіи на меня напалъ припадокъ застѣнчивости; все время замирало сердце отъ боязни, что мнѣ придется много говорить. Я приготовила цѣлую рѣчь, но отъ страха все забыла. Засѣданіе длилось до поздней ночи, шли горячія пренія; стоялъ вопросъ о томъ, чтобы при первой возможности, какъ только позволятъ средства, выстроить новый домъ подъ городской пріютъ. Это заявленіе было принято самымъ шумнымъ одобреніемъ; для собиранія средствъ на постройку рѣшено устроить гуляніе съ лотереей-аллегри въ городскомъ саду. Я подписала до семисотъ писемъ-воззваній къ разнымъ лицамъ, съ тонкимъ намекомъ на счетъ пожертвованій для этой цѣли.

Въ числѣ благотворительныхъ учрежденій имѣется здѣсь хорошо устроенная богадѣльня. Съ большимъ торжествомъ отпразднованъ юбилей этой богадѣльни. Попечительница Е. Р. Смирнова, вмѣстѣ со всѣми чинами благотворительнаго комитета, встрѣтила меня съ букетомъ у подножія лѣстницы. Прошли мы прямо въ домовую церковь богадѣльни, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ тремя священниками и голосистымъ дьякономъ; пѣли соборные пѣвчіе въ нарядныхъ кафтанахъ. Церковь была биткомъ набита; какъ только мы вошли, на насъ съ разныхъ сторонъ устремились любопытные взгляды и я чувствовала, что меня разбираютъ по косточкамъ. Послѣ окончанія молебна, попечительница подробно показывала намъ богадѣльню. Въ настоящее время находятся въ ней тридцать старухъ и пятнадцать стариковъ, которые помѣщаются въ баракахъ въ саду, по случаю лѣтняго времени. Въ отдѣльной комнатѣ живетъ полупомѣшанная дѣвица лѣтъ тридцати, но на видъ ей всѣ шестьдесятъ; одѣвается она по модѣ сороковыхъ годовъ и цѣлый день бродитъ въ одиночествѣ по аллеямъ сада, смотря себѣ подъ ноги. Несчастная эта, окончивъ высшіе курсы въ Петербургѣ, заболѣла отъ переутомленія и пріѣхала въ Ташкентъ на поправку къ своему отцу, отставному полковнику. Она сошла съ ума,

когда ея жениха, замѣшаннаго въ политическихъ дѣлахъ, сослали въ Сибирь.

Наканунѣ юбилейнаго праздника, случилась въ богадѣльнѣ пренепріятная исторія; старикъ схимникъ, жившій въ клѣтушкѣ въ концѣ сада, внезапно помѣшался, бросился на сторожа съ ножомъ, крича: „Ты за моей душой пришелъ?.. Не отдамъ!..“ Его въ этотъ-же день отвезли въ госпиталь.

При нашемъ посѣщеніи Кауфмановскаго сиротскаго пріюта, дежурная дѣвочка поднесла намъ хлѣбъ-соль, при чемъ хоръ воспитанницъ пропѣлъ намъ привѣтственную кантату. Пріютъ этотъ содержится въ образцовомъ порядкѣ. Дѣвочки получаютъ здѣсь элементарное образованіе и обучаются разнымъ рукодѣліямъ; въ пріютѣ принимаются заказы на платья и бѣлье. Воспитанницъ содержатъ до восемнадцати лѣтъ, а принимаютъ иногда съ пеленокъ. Сейчасъ въ пріютѣ находится грудной младенецъ; мать ходитъ кормить его четыре раза въ день. Помѣщеніе пріюта громадное, хозяйство образцовое. Имѣется обширный огородъ, птичій и скотный дворъ; въ саду гигантскіе шаги, гимнастика, качели.

Посѣтили мы также военный госпиталь. Больные лежатъ въ лѣтнихъ помѣстительныхъ баракахъ; уходъ за ними идеальный, пища превосходная. Изъ госпиталя отправились въ психіатрическую больницу. Не безъ внутренняго трепета вошла я въ домъ умалишенныхъ. Встрѣтилъ насъ весь медицинскій персоналъ, цѣлый ареопагъ врачей, съ докторомъ Тицкевичемъ во главѣ; завѣдуетъ онъ лечебницей душевно-больныхъ и извѣстенъ своимъ отеческимъ отношеніемъ къ несчастнымъ безумнымъ. При входѣ, я прежде всего замѣтила висѣвшее на стѣнѣ правило, гласящее всѣмъ военнымъ оставлять въ передней оружіе; мнѣ объяснили, что бывали случаи, когда больные выхватывали оружіе и кололи имъ ихъ же владѣльцевъ. Зданіе больницы громадное; насъ повели сначала въ женское отдѣленіе. Въ саду гуляло нѣсколько тихихъ съумасшедшихъ, которые съ любопытствомъ насъ осматривали. Видъ этихъ больныхъ, не проявляющихъ ничего ненормальнаго, нѣсколько успокоилъ меня. Къ намъ подошла пожилая, неблагообразная особа, та самая просительница, которая нѣсколько дней тому назадъ приходила къ мужу съ просьбой разрѣшить ей принять

магометанство. Имѣя зубокъ противъ одного изъ вліятельныхъ жителей Ташкента, она написала ему письмо, призывая всѣ громы небесные на него и на его семью. Кончила она тѣмъ, что отправилась покупать револьверъ и... угодила сюда на испытаніе. Стала она умолять мужа выпустить ее на родину въ Казань, повторяя, что она совершенно здорова, но что если она еще одну ночь переночуетъ въ этомъ домѣ, то дѣйствительно сойдетъ съума и никогда болѣе не выйдетъ отсюда. Умоляла она лучше предать ее суду, но не держать среди безумныхъ. Некрасивая дѣвица съ тощей косичкой и съ папиросой въ зубахъ, стала приставать, чтобы и я закурила. Прибѣжала другая больная, существо крайне непривлекательное; идіотски улыбаясь, суетъ она всѣмъ руку, вдругъ, скрививъ ротъ, захохотала она самымъ страшнымъ образомъ и понесла разную галиматью. Незамѣтно подкралась ко мнѣ съ другой стороны другая больная, уставилась на меня далеко недоброжелательнымъ взглядомъ и назвавъ меня „*дѣвицей съ Невскаго*“, стала упрекать меня, что я присвоила себѣ ея платье. Я и такъ, и этакъ, не отстаетъ отъ меня, да и только! Подойдя къ буйному отдѣленію, мы услышали издали вой и ревъ. За окномъ съ желѣзной рѣшеткой, сидѣла стриженная женщина съ такой злющей, ехидной физіономіей, что позавидовалъ-бы самъ сатана. Воображаетъ она себя мущиной и, дѣйствительно, утратила она всякое представленіе о женской стыдливости—донельзя цинична. Стала она осыпать насъ самой отборной бранью, дѣлая дьявольскія гримасы. Я вся дрожала отъ страха, а уходить не хотѣлось, мужъ силою оттащилъ меня, взявъ подъ руку, и повелъ въ мужское отдѣленіе. Впечатлѣніе и здѣсь въ высшей степени мрачное. Сидитъ молодой сартъ на своей койкѣ, впился руками въ волосы и молча смотритъ въ одну точку, какимъ-то скрытымъ, загадочнымъ взглядомъ. Онъ совсѣмъ забылъ говорить на своемъ родномъ языкѣ и лишь время отъ времени произноситъ какіе-то члено-раздѣльные звуки. Сосѣдъ его все плачетъ безпомощнымъ, дѣтскимъ плачемъ; состояніе его постоянно угнетенное. Много лѣтъ тому назадъ, отца его сослали на каторгу, и онъ съ горя лишился разсудка и попалъ въ этотъ міръ безумія. Другой больной сошелъ съума на томъ, что не можетъ чихнуть; съ застывшей на лицѣ ужасной гримасой, онъ все

время морщится, какъ будто только что проглотилъ горькое лекарство. Другой больной мнитъ себя Петромъ Великимъ, становится въ позу и уничтожающе на всѣхъ смотритъ. Сосѣдъ его—галлюцинантъ, все разговариваетъ съ духами, которыхъ видитъ на своихъ дверяхъ; онъ мнѣ сказалъ, чтобы я ихъ не боялась, что никакого вреда не сдѣлаютъ мнѣ жители загробнаго міра. Больной маніей преслѣдованія помѣщенъ въ отдѣльной комнатѣ; онъ, какъ огня, боится своей кровати и лежитъ на полу, поперекъ комнаты, у самой двери, чтобы никто не могъ къ нему войти. Сосѣдъ его также никого къ себѣ не впускаетъ, стоитъ у двери съ распростертыми руками, и добродушно улыбаясь, говоритъ намъ: „Извините, господа, я никакъ не могу васъ впустить, никакъ не могу!" Рядомъ съ нимъ помѣщается самый интересный больной, помѣшательство котораго заключается въ томъ, что онъ считаетъ себя пророкомъ; сидитъ у стола и съ блуждающей, безумной улыбкой что-то пишетъ карандашемъ на клочкахъ бумаги. Увидя насъ, онъ, сильно жестикулируя, сталъ нести невозможную чепуху, говоритъ, что скоро настанетъ полное затменіе солнца и съ неба посыпятся громы и молніи: „Всѣхъ убьетъ, а Духовской добрый, въ него не попадетъ!"—сказалъ онъ, указывая пальцемъ на мужа и пытливо смотря ему въ глаза. (Врядъ-ли можно заподозрить этого несчастнаго безумца въ льстивости). Нѣкоторые больные очень возбуждены. Туземецъ, похожій на дикую звѣрюгу, вскочилъ при насъ на свою койку и сталъ кричать: „Яманъ законъ!" (дурной законъ),—повторяя эти слова все громче и громче, какъ извѣстный драматическій артистъ Орленевъ, выкрикивающій въ трагедіи „Феодоръ Іоанновичъ": „*Я царь или не царь*!". Никакихъ другихъ словъ онъ не говоритъ. Интересно знать, какая душевная драма привела несчастнаго къ этому единственному восклицанію. Въ офицерскомъ отдѣленіи лежитъ отставной чиновникъ въ прогрессивномъ параличѣ, съ застывшимъ, совершенно безучастнымъ лицомъ. Когда я его спросила, навѣщаетъ-ли его кто-нибудь, онъ отвѣтилъ, что и сейчасъ его жена лежитъ подъ кроватью; а до этихъ поръ больной совершенно нормально разговаривалъ съ нами. Сосѣдъ его, офицеръ генеральнаго штаба, сошелъ съ ума, получивъ отказъ отъ горячо любимой дѣвушки; онъ считаетъ

себя теперь покорителемъ всѣхъ женскихъ сердецъ; ему кажется, что всѣ въ него влюблены, даже сама Императрица, которой онъ пишетъ письма, пышущія страстью, и сердится на всѣхъ окружающихъ, обвиняя ихъ въ томъ, что письма не посылаются по назначенію. Когда мужъ къ нему подошелъ, онъ свирѣпо посмотрѣлъ на него и быстро повернулся къ стѣнѣ, уткнувъ лицо въ подушку и бормоча сердито что-то неразборчивое. Перешли мы черезъ дворъ въ криминальное отдѣленіе. Въ большой комнатѣ помѣщаются нѣсколько убійцъ, находящихся въ лечебницѣ на испытаніи, преимущественно все сарты. Одинъ изъ нихъ убилъ свою мать; страшный такой, смотритъ на насъ дикимъ взглядомъ. Сосѣдъ его по койкѣ, 19-ти лѣтній русскій парень, зарѣзалъ свою сожительницу и вслѣдъ затѣмъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ; до сихъ поръ у него остался знакъ огнестрѣльной раны на вискѣ. Свободно вздохнула я, когда мы вышли изъ дома умалишенныхъ. Очень тяжелое впечатлѣніе произвело на меня это посѣщеніе.

Какими скучными кажутся мнѣ пріемные дни и всѣ эти салонные разговоры и переливаніе изъ пустаго въ порожнее; несимпатиченъ мнѣ вообще такъ называемый „*Большой Свѣтъ*" съ его лицемѣріемъ и пустотой. Величіе само по себѣ довольно таки скучная штука; такъ томительно стоять на пьедесталѣ и вѣчно маскировать свои настоящія чувства, расточая банальныя и шаблонныя фразы. Вотъ она отрицательная сторона генералъ-губернаторской жизни—эта обязанность быть всегда любезной и скрывать свои чувства подъ улыбкой! Знакомыхъ у меня здѣсь много, но пріятельницъ, съ которыми я могла бы душу отвести, совсѣмъ нѣтъ; у всѣхъ преувеличенно почтительное отношеніе ко мнѣ, всѣ такъ церемонно вѣжливы. Какъ хорошо-бы вернуться въ Петербургъ вмѣстѣ съ мужемъ и зажить тамъ просто, по душѣ, безъ парадовъ, этикета и пріемовъ! Устроится-ли когда-нибудь моя жизнь такъ, какъ я о томъ мечтаю?

По субботамъ въ военномъ собраніи бываютъ музыкальные вечера; играетъ хоръ военной музыки подъ управленіемъ капельмейстера Лейсека (чеха), исполняющій такія трудныя вещи, какъ, напримѣръ: „*Вторая рапсодія Листа*". На одномъ изъ этихъ концертовъ былъ сыгранъ маршъ „*Духовской*"—сочиненіе

Лейсека; публика единодушно потребовала повторенія. Въ первый разъ, когда я появилась на одномъ изъ этихъ вечеровъ, я стала центромъ общаго вниманія; оглядывали меня съ ногъ до головы, а болѣе безцеремонные наводили даже бинокли; каждое мое движеніе замѣчалось, каждое слово комментировалось. Я стойко выдержала эту пытку, хотя придумывала какъ-бы мнѣ незамѣтно улизнуть, но бѣгство, увы, было немыслимо!

Четыре раза въ недѣлю въ военномъ собраніи, въ большомъ залѣ въ два свѣта, устраиваются танцовальные вечера для учащейся молодежи, на которыхъ великовозрастные гимназисты дирижируютъ танцами съ бо̀льшимъ азартомъ, нежели умѣніемъ.

По вечерамъ на велосипедномъ трекѣ масса катающихся; велодромъ не хуже Петербургскаго. Я поѣхала разъ съ мужемъ на состязаніе велосипедистовъ; раздавались призы за наиболѣе оригинальное убранство стальныхъ коней. Одинъ велосипедъ изображалъ барку съ италіанскимъ рыбакомъ, другой превращенъ въ огромный букетъ розъ, третій изображалъ обѣденный столъ; сѣдокъ его пилъ, ѣлъ и, пообѣдавши, сталъ читать газету, и въ заключеніе предался сладкому кейфу, а велосипедъ его во время всѣхъ этихъ манипуляцій продолжалъ мѣрно катиться. Затѣмъ началась ѣзда съ препятствіями: велосипедисты проѣзжали между бутылками, подымали платокъ съ земли, спрыгивали и соскакивали на полномъ ходу; потомъ были заѣзды первоклассныхъ ѣздоковъ на тихій и скорый ходъ. На трекѣ устроенъ буфетъ и столики для картъ.

Въ нашемъ саду бываютъ иногда гулянія; садъ тогда открытъ для всѣхъ, имѣющихъ доступъ на военное и общественное собраніе. Широкія аллеи, наполненныя гуляющими, такъ напоминаютъ мнѣ Петербургскій Лѣтній садъ!

Въ городскомъ саду устроили празднество въ пользу Александровскаго мужскаго пріюта, съ лотереей-аллегри. Весь городъ въ полномъ составѣ присутствовалъ на празднествѣ; дѣтворы собралось видимо-невидимо около эстрады съ разными увеселеніями. Ходили канатные плясуны, упражнялись на трапеціяхъ гимнасты, пускали воздушный шаръ съ пассажиромъ. Мужъ взялъ билетовъ въ лотереи-аллегри на 700 рублей и отдалъ мнѣ всѣ выигрыши. На мою долю, между прочимъ, досталась корова съ теленкомъ; я подарила ее общинѣ сестеръ

милосердія. Вечеромъ былъ сожженъ блестящій фейерверкъ; сарты по этой части большіе мастера.

15 Іюля праздновался 33-хъ лѣтній юбилей взятія Ташкента. Мужъ устроилъ въ этотъ день небывалое торжество, пиръ на весь міръ. Праздникъ удался на славу; начался онъ въ 8 часовъ утра выходомъ крестнаго хода изъ Спасо-Преображенскаго собора всего Ташкентскаго духовенства. Въ 12 часовъ былъ парадъ войскамъ, а затѣмъ длинное шествіе двинулось къ Комендантскимъ воротамъ, къ тому мѣсту, гдѣ находится часовня, а за нею братская могила павшихъ при взятіи Ташкента воиновъ. Впереди шествія мѣстныя мѣщанки несли образа, за ними шли представители городскихъ управленій и другихъ учрежденій, мѣстные жители и войска; конвойная сотня и два хора музыки, игравшіе „Коль Славенъ“ замыкали шествіе. Передъ часовней былъ раскинутъ большой шатеръ, въ которомъ протоіерей Богородецкій сказалъ тронувшую всѣхъ присутствующихъ проповѣдь. Мужъ возложилъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ на братскую могилу. Послѣ окончанія панихиды провозглашено было „ура“ за Государя, подхваченное всѣми съ энтузіазмомъ, подъ звуки народнаго гимна. Собралось здѣсь много оставшихся на поселеніи солдатъ-ветерановъ, участниковъ покоренія края, на подборъ одинъ старъ-старѣе, и несмѣтная масса туземцевъ, большихъ охотниковъ до всякихъ зрѣлищъ, *даже совсѣмъ для нихъ непріятныхъ*. Начальникъ окружнаго штаба провозгласилъ громкое „ура“ за Черняева и за мужа, послѣ чего Сережа подошелъ къ участникамъ штурма Ташкента, генераламъ Конопельскому, Тверитинову и къ Статскому Совѣтнику Южакову, бывшему правителю канцеляріи Черняева, а затѣмъ къ ветеранамъ-солдатамъ, причемъ онъ обнялъ самаго стараго изъ нихъ, увѣшаннаго крестами и медалями. Старый служивый расчувствовался: сіяло его лицо, сіяли пуговицы его мундира. Затѣмъ мужъ поѣхалъ навѣстить престарѣлаго протоіерея Малкова, который во время штурма Ташкента взошелъ на валъ съ крестомъ, благословляя войска. Онъ уже третій годъ не появляется въ этотъ день на братской могилѣ; впалъ совсѣмъ въ дѣтство, никого не узнаетъ.

Въ два часа у насъ былъ парадный завтракъ человѣкъ на сто. Я завтракала съ нѣсколькими дамами въ голубой гостиной, сосѣдней

съ концертнымъ заломъ. Слышали мы все, что тамъ происходило. Начались многочисленные тосты, сопровождаемые тушами. И насъ также не забыли, приходили пить за наше здоровье. Затѣмъ полились рѣчи за рѣчами. Нѣкоторые изъ приглашенныхъ лицъ, много лѣтъ уже не у дѣлъ, пожелали тряхнуть стариной и блеснуть въ словесномъ турнирѣ, состязаясь въ спичахъ. Убѣленный сѣдинами Южаковъ, первый поднялся и старческимъ голосомъ сказалъ такую рѣчь, что хоть сейчасъ въ печать. Между прочимъ, онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что Черняевъ, несмотря на свои заслуги при завоеваніи края, долгое время былъ затертъ болѣе ловкими, но менѣе заслуженными соперниками. Упомянулъ онъ также, что настоящая знаменательная годовщина въ первый разъ поднята мужемъ на подобающую высоту. Завоевалъ онъ этими словами кусочекъ моего сердца. Слѣдующій за нимъ ораторъ болѣе отличался зычнымъ басомъ, нежели красотой своей рѣчи, которая длилась около получаса; онъ слишкомъ долго наслаждался собственнымъ краснорѣчіемъ, и я очень сожалѣла, что онъ не придерживается мнѣнія, рекомендуемаго Кузьмою Прутковымъ: „*Лучше скажи мало, но хорошо*". Онъ все искалъ выраженій и спотыкался на каждомъ словѣ. Сосѣдъ его, словопадъ какой-то, какъ будто нарочно для контраста, пренебрегая совершенно знаками препинанія, залпомъ произнесъ заранѣе приготовленную рѣчь, захлебываясь въ изобиліи своихъ собственныхъ словъ. Завтракъ, за множествомъ рѣчей, ужасно затянулся, музыканты успѣли сыграть всѣ марши и увертюры, которые знали. Мнѣ разсказали о забавномъ эпизодѣ, происшедшемъ на этомъ завтракѣ. Въ числѣ приглашенныхъ были два туземца изъ глубокаго захолустья; не зная европейскихъ блюдъ, одинъ изъ нихъ, принимая банку съ очень крѣпкой горчицей за лакомство, набралъ большую ложку и, не долго думая, проглотилъ горчицу. Конечно, у бѣднаго лицо сразу побагровѣло и изъ глазъ потекли слезы. Сидящій рядомъ съ нимъ генералъ, не замѣтивъ процедуры съ горчицей и видя сосѣда плачущаго, участливо спросилъ его, въ чемъ дѣло. Туземецъ глубоко вздохнулъ и сказалъ: „Я плачу потому, что вспомнилъ, что какъ разъ годъ тому назадъ я плавалъ съ моимъ отцомъ по Аму-Дарьи, и отецъ мой потонулъ!". Въ это время другой туземецъ вздумалъ послѣдовать примѣру перваго и тоже угостился цѣлой

ложкой горчицы, и съ такими-же конечно послѣдствіями; тогда тотъ, обрадовавшись несчастію своего ближняго, ехидно спросилъ его: „О чемъ это мой братъ плачетъ?". Тотъ, обозлившись, ему отвѣтилъ: „Я плачу о томъ, что ты также не потонулъ въ Аму-Дарьи вмѣстѣ съ твоимъ отцомъ".

На слѣдующій день мы дѣлали обѣдъ комитету благотворительнаго общества. Столъ роскошно былъ сервированъ, за стуломъ мужа стояли два рослыхъ, красивыхъ сарта въ цвѣтныхъ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ. Обѣдъ прошелъ очень весело; въ зимнемъ саду игралъ хоръ Оренбургскаго казачьяго полка. Я сидѣла между генераломъ Корольковымъ и генераломъ Янушковскимъ, начальникомъ инженеровъ Туркестанскаго округа. Корольковъ сказалъ длинную рѣчь, относящуюся къ трудамъ благотворительнаго общества, въ концѣ которой провозгласилъ тостъ за мое здоровье, принятый шумнымъ „ура". Мы перешли на террасу пить кофе, а потомъ все общество высыпало въ садъ и расположилось у фонтана. Садъ былъ фантастично освѣщенъ стеклянными разноцвѣтными фонарями.

Опять переживаемъ мы смутное время! Доходившіе до насъ слухи предупреждаютъ о возможности новаго бунта. Глухое броженіе, повидимому, все растетъ и усложняется. Мы живемъ здѣсь на кипящемъ вулканѣ; надо быть на сторожѣ, чувствуется сильная тревога, какъ передъ грозой. Въ Ташкентѣ населеніе сартовское въ 124 тысячи, а войскъ всего 15 тысячъ, да и тѣ разбросаны по разнымъ пунктамъ. Положеніе во всякомъ случаѣ не изъ пріятныхъ, но насколько все-таки наше положеніе въ Туркестанѣ надежнѣе положенія англичанъ въ Индіи, гдѣ на три тысячи туземнаго населенія приходится по одному бѣлому солдату! Принимаются энергичныя мѣры: войска стягиваются; сартамъ запрещено носить оружіе. Охотничья команда, вернувшись изъ долины Малаго-Алая, донесла, что тамъ появилось много киргизскихъ кочевниковъ; послана туда сотня казаковъ. Настроеніе духа у меня очень тревожное; мнѣ особенно жутко сознавать, когда по вечерамъ раздается крикъ *муэдзина*, что одна лишь стѣна раздѣляетъ нашъ садъ отъ туземнаго города. Намъ донесли, что въ Ферганской области четверо туземцевъ производили между мѣстными жителями сборъ пожертвованій въ пользу новаго ишана, который, какъ говорятъ, сбираетъ людей

для новаго „*газовата*“; многихъ арестовали. Въ городѣ Пржевальскѣ въ разныя правительственныя учрежденія присланы подметныя письма, обрызганныя кровью, съ предупрежденіемъ о началѣ „*газовата*“ въ ночь на 30-е Іюля; живемъ мы точно во времена Гугенотъ! По дальнѣйшему разслѣдованію, это оказалось плохой и непристойной шуткой какихъ-то болѣе пошлыхъ, чѣмъ остроумныхъ, праздныхъ людей. Вообще, всѣ страхи преувеличены и сильно раздуты; скоро опять все стало тихо и спокойно, смута въ краѣ улеглась.

Сто двѣнадцать андижанцевъ, судившихся за возстаніе, только теперь отправлены черезъ Красноводскъ въ Сибирь на каторгу. Девяностолѣтняя мать одного изъ мятежниковъ, 63-хъ лѣтняго старика, приговореннаго къ повѣшенію, обратилась по телеграфу къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ просьбой, составленной такъ: „Самая несчастная мать проситъ самую счастливую о помилованіи приговореннаго сына“. Телеграмма поспѣла какъ разъ ко дню имянинъ Государыни, и въ тотъ же день мужъ получилъ извѣщеніе о томъ, что просьба престарѣлой матери уважена, и казнь замѣнена каторгой. Говорятъ, что адвокатъ, составившій такъ талантливо текстъ телеграммы старой сартянки, получилъ отъ нея десять тысячъ гонорара. Мужъ счелъ долгомъ человѣколюбія ходатайствовать о помилованіи остальныхъ приговоренныхъ, и когда ихъ уже вели къ висѣлицѣ, имъ объявили о замѣнѣ смертной казни каторгой.

3. Обратный путь мой въ Петербургъ.

Наступилъ августъ мѣсяцъ; пора было мнѣ собираться въ обратный путь въ Питеръ! Натоскуюсь я одна-одинешенька тамъ, но ѣхать надо, чтобы устраивать нашу квартиру въ новопріобрѣтенномъ мужемъ домѣ на Фурштадтской улицѣ. Въ октябрѣ, Богъ дастъ, мужъ пріѣдетъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ опять вернемся въ Ташкентъ.

Директоръ Восточнаго Пароходнаго Общества предлагаетъ перевезти меня изъ Красноводска до Астрахани на своей шхунѣ, но я предпочитаю ѣхать черезъ Петровскъ. У мужа предстоитъ служебная поѣздка въ Чарджуй, а потомъ въ Андижанъ: я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы часть пути проѣхать вмѣстѣ.

9 Августа. Итакъ, отправляюсь я сегодня въ путь-дорогу! Прибыли мы на вокзалъ въ сопровожденіи сотни казаковъ и массы почетныхъ туземцевъ въ богатыхъ костюмахъ, верхомъ на своихъ скакунахъ. Такая торжественность необходима для престижа власти въ глазахъ мало культурнаго туземнаго населенія.

Вокзалъ, еще не достроенный, украсился гирляндами цвѣтовъ и зелени; отсутствіе пола замѣнено настилкою клевера. Собрались проводить насъ старшіе представители мѣстной военной и гражданской администраціи, члены главнаго комитета благотворительнаго общества, депутаціи отъ туземцевъ и много частныхъ лицъ. У меня рука такъ устала отъ пожатій и перчатка лопнула въ двухъ мѣстахъ! Генералъ Корольковъ поднесъ мнѣ букетъ отъ войскъ и гражданскихъ чиновъ. Я получила еще массу цвѣтовъ, въ рукахъ держу нѣсколько букетовъ. Пора идти въ вагонъ! Ровно въ 10 часовъ поѣздъ тронулся, сопровождаемый общими пожеланіями счастливой дороги.

10 Августа. До самой границы Закаспійскаго края, черезъ каждые шесть столбовъ, стоятъ по два туземца,—охраняютъ желѣзнодорожный путь до проѣзда послѣдней партіи ссылаемыхъ на каторгу андижанскихъ повстанцевъ; тутъ же разбиты шалаши, въ которыхъ они ночуютъ. Туземцамъ было объявлено, что, въ случаѣ какого-нибудь несчастія съ русскимъ поѣздомъ, отвѣтитъ за это все населеніе близлежавшихъ кишлаковъ. Въ городѣ Джизакѣ, въ которомъ было самое сильное сопротивленіе во время занятія русскими Туркестанскаго края, населеніе приготовило мужу дастарханъ. Около двухъ часовъ пополудни показались изъ-за густой зелени деревьевъ крыши домовъ: это былъ лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ городъ Самаркандъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы подъѣхали къ станціи, слишкомъ скромной для бывшей міровой столицы Великаго Тамерлана. Поневолѣ въ мысляхъ встаютъ картины давно минувшаго прошлаго. Здѣсь отдыхалъ Александръ Македонскій, ведшій свои полчища изъ Европы въ Индію, здѣсь загорѣлось и погасло солнце величія Тамерлана; великолѣпные дворцы и роскошные сады смѣнились руинами и песчанными степями. Теперь на нашихъ глазахъ нарождается новая жизнь. Интересно, что скажутъ про насъ черезъ тысячу лѣтъ?!

На вокзалѣ въ Самаркандѣ ожидали мужа два бухарскихъ сановника, присланные Эмиромъ, чтобы сопровождать мужа до Чарджуя. Эмиръ находится теперь въ своей лѣтней резиденціи—въ Кермине, въ восьми верстахъ отъ станціи, носящей то-же названіе. Онъ прислалъ мужу телеграмму, спрашиваетъ, гдѣ можетъ свидѣться съ нимъ на обратномъ его пути въ Ташкентъ. На платформѣ гремитъ музыка. Самаркандскій губернаторъ, генералъ Федоровъ, прислалъ мнѣ букетъ черезъ адъютанта. Я не выходила изъ вагона, чувствуя себя не совсѣмъ здоровой. Тоскую о томъ, что скоро придется разстаться съ мужемъ; лежу на кушеткѣ и думаю думы невеселыя. Сильно хочется всплакнуть!

11 Августа. Было около одиннадцати часовъ утра, когда поѣздъ остановился у станціи „Новая Бухара". На вокзалѣ въ полномъ сборѣ вся русская колонія. Сыпучіе пески засыпали совсѣмъ садъ передъ станціей. Ѣдемъ дальше. Жара въ вагонѣ возмутительная; проводникъ мой сулитъ мнѣ, что завтра будетъ прохладнѣе, но каждый день у него другого срока не бываетъ, какъ „*завтра*". Однѣ и тѣ же картины повторяются съ томительнымъ однообразіемъ: сѣро-желтая равнина сливается съ горизонтомъ. Хоть бы скорѣе кончился этотъ несносный путь! Вотъ и мостъ черезъ Аму-Дарью, наводящій на меня ужасъ. Подъ нами сердито бурлитъ рѣка. Полземъ черезъ мостъ цѣлыхъ полчаса. На томъ берегу, въ Чарджуѣ, устроена намъ большая встрѣча. Площадь передъ вокзаломъ биткомъ набита народомъ. Бухарскія войска съ музыкой проходятъ мимо нашего поѣзда. Я смотрѣла изъ окна вагона, слегка отодвинувъ занавѣску. Увидѣла я на платформѣ много нарядныхъ дамъ, чиновниковъ, офицеровъ. Здѣсь отцѣпили мой вагонъ отъ поѣзда мужа, который вернется сегодня въ Самаркандъ, а завтра навѣститъ Эмира въ Кермине. Я не привыкла путешествовать одна, жутко такъ! Мужъ поручилъ одному изъ своихъ адъютантовъ—Управину сопровождать меня до Красноводска. Прицѣпили меня къ почтовому поѣзду, въ составѣ котораго ѣдетъ вагонъ-ресторанъ. Простилась я съ мужемъ—и поѣздъ помчалъ меня въ Питеръ! Какъ только отъѣхали, я почувствовала себя страшно одинокой и неудержимо потянуло меня обратно къ мужу. По мѣрѣ того, какъ число верстъ, отдѣлявшихъ меня отъ

него, увеличивалось, увеличивалась и моя тоска. Я наконецъ не совладала съ собой и дала волю слезамъ.

12 Августа. Во время всего пути я получаю безпрерывно телеграммы отъ мужа. Мой вагонъ оканчивается балкономъ, изъ котораго открывается видъ на весь путь. Спитъ раскаленная пустыня, солнце отчаянно жжетъ. Терплю я адскія муки отъ жары и пыли, которая носится тучами за нами; проникаетъ она, мошенница, всюду—въ глаза, въ ротъ и хруститъ у меня на зубахъ.

13 Августа. Стало прохладнѣе, небо все въ тучахъ; ѣдемъ берегомъ моря. Въ 8 часовъ утра пріѣхали въ Красноводскъ. На вокзалѣ встрѣтилъ меня отставной адмиралъ, агентъ Восточнаго Пароходнаго Общества. Я пригласила его войти въ мой вагонъ, который подали прямо къ пристани, разукрашенной флагами, такъ-же какъ и мачты шхуны „Тропикъ", на которой я пущусь по этому ужасному Каспію. Вплоть отъ вагона до „Тропика" протянута холщевая дорожка.

Несмотря на мои энергичные протесты, капитанъ „Тропика" настоялъ на томъ, чтобы я заняла его каюту, имѣющую свою невыгодную сторону,—ужъ очень она на виду. Какъ только пароходъ снялся съ якоря, я переселилась на нижнюю палубу въ каютъ-компанію. Пять сутокъ ѣзды въ душномъ и пыльномъ вагонѣ изнурили меня и я немедленно улеглась спать, но сонъ бѣжалъ отъ меня. Тяжело такъ возвращаться одной безъ мужа! Море легло между нами и я хандрю ужасно. Признаюсь, что у меня было сильное искушеніе вернуться назадъ со слѣдующимъ пароходомъ. „Тропикъ" спеціально предоставленъ для моего переѣзда, другихъ пассажировъ нѣтъ. Предупредительное „Восточное Общество" наняло для этого переѣзда повара, лакея и горничную. „Тропикъ" построенъ въ Англіи; шхуна эта имѣетъ плоское стальное дно, освѣщается она электричествомъ; на всѣхъ дверяхъ виднѣется надпись на англійскомъ языкѣ, гласящая, сколько человѣкъ можетъ вмѣстить каждая каюта. Марія Михайловна занимаетъ рядомъ со мною каюту 3-го помощника капитана, надъ ея дверью я прочитала: „*To accomodate two seamen*" (помѣщеніе на два человѣка). По этому видно, какъ въ Англіи заботятся о своихъ морякахъ; въ другой странѣ въ этой каютѣ нашлось-бы мѣстъ на двѣнадцать человѣкъ. Во всѣхъ каютахъ виситъ образъ Николая Святителя, покровителя мореплавателей.

Каспій встрѣтилъ насъ не особенно милостиво; отличается онъ вообще неправильнымъ и очень безпокойнымъ волненіемъ. Едва только тронулись мы, какъ стало покачивать, но вся прелесть морского путешествія сказалась только къ вечеру. Капитанъ пришелъ пожелать мнѣ, черезъ дверь, *спокойной ночи,* но желанію его, къ сожалѣнію, не суждено было исполниться. Началось ныряніе по уклону чуть ли не 45 град., пароходъ бросало, какъ щепку, со стороны на сторону, по сѣдымъ грознымъ волнамъ разбушевавшагося моря; скрипѣлъ, трещалъ „Тропикъ" по всѣмъ швамъ; казалось, что вотъ-вотъ готовъ онъ разсыпаться въ прахъ.

14 Августа. Къ утру море улеглось, но противная морская зыбь даетъ себя чувствовать. Капитанъ всячески желаетъ услужить мнѣ; онъ повидимому намѣревается откормить меня на убой. Приходитъ справиться, какія мои любимыя блюда. Какъ истая хохлушка, я заказала къ обѣду борщъ и вареники, но ѣсть ничего не могла, тошнитъ, а главное тоска грызетъ; нервы окончательно расходились и я расплакалась самымъ серьезнымъ образомъ. Еслибъ я знала, что такъ тяжело будетъ безъ мужа, ни за что не уѣхала бы; будь у меня коверъ-самолетъ, укатила бы обратно въ Ташкентъ моментально. Не понимаю, какъ я проживу въ одиночествѣ до октября!

Къ вечеру море опять пророчествовало неспокойную ночь, надвигалась буря; нечего было и думать о снѣ. Качка ужасная. Черное свинцовое небо, бушующее и ревущее море, стоны и вопли вѣтра, все это сливалось вокругъ въ невообразимый хаосъ. Пароходъ подбрасывало то вверхъ, то внизъ, ложился онъ то на бокъ, то окунался носомъ. Среди ночи я услышала бѣготню на верхней палубѣ. Ну, что еще тамъ такое? Оказалось, что мы мѣняемъ курсъ; капитанъ вмѣсто того, чтобы идти берегами, направился снова въ море.

15 Августа. Вчера были видны уже берега, а подошли мы къ нимъ только къ утру. Въ Петровскъ прибыли не въ пять часовъ утра, какъ предполагалось, а въ десять. Восточное Пароходное Общество на отрѣзъ отказывается брать съ меня плату за проѣздъ, а также и за продовольствіе, настаивая на своемъ правѣ оказать мнѣ гостепріимство; изъ-за этого пришлось мнѣ вдвойнѣ раскошелиться на подарки командѣ.

Въ 12 часовъ подали къ пристани вагонъ, предоставленный мнѣ до самаго Петербурга. Когда я сошла на берегъ, то еле держалась на ногахъ; казалось и пристань качается, и земля уходитъ изъ подъ ногъ. Капитанъ и всѣ офицеры „Тропика" пришли проводить меня на вокзалъ. Капитанъ все извиняется за дурную погоду въ морѣ; онъ говоритъ, что я даже похудѣла за эту ночь. „Тропикъ" совершаетъ за лѣто уже свой 33-й рейсъ и это въ первый разъ выдался такой неблагопріятный переходъ.

У вагона стоитъ приставъ, агентъ пароходства, и начальникъ станціи. Здѣсь я уже на чужой территоріи, но любезность властей продолжается все та-же. Почему-то жандармы отдаютъ мнѣ честь. Ухъ, ужъ эти помпы!..

16 Августа. Въ Ростовѣ не оказалоьь поѣзда, отходящаго сейчасъ-же; пришлось прицѣпить мой вагонъ къ товаро-пассажирскому, который тащится какъ черепаха. Любезнымъ малымъ оказывается мой проводникъ, очень услужливый, по нѣсколько разъ въ день подчиваетъ меня чаемъ.

17 Августа. Остановки безконечныя, по полчаса и больше. На станціяхъ ничего нельзя достать, приходится пробавляться въ сухомятку, а у меня, какъ нарочно, аппетитъ звѣрскій. Буфеты 1-го и 2-го класса дѣйствуютъ только къ приходу скорыхъ поѣздовъ, даже будки съ газетами не открываются. Подъ вечеръ проводникъ съ трудомъ раздобылъ намъ изъ буфета 3-го класса преклоннаго возраста курицу и высохшія тартинки.

18 Августа. Погода пасмурная, небо покрыто тучами. Въ Козловѣ удалось пристроиться къ пассажирскому поѣзду; двигаемся нѣсколько быстрѣе. На станціяхъ дѣвицы съ косами, въ русскихъ костюмахъ, носятся по платформѣ, осматривая пассажировъ, по правдѣ сказать довольно-таки неинтересныхъ.

20 Августа. Петербургъ насъ встрѣтилъ ужаснымъ дождемъ. На вокзалѣ ждала меня мама; отправилась я съ нею въ нашъ новый домъ. Подъѣзжая къ нему, я невольно подумала, когда-же наконецъ настанетъ счастливое время, когда я вмѣстѣ съ моимъ муженькомъ поселюсь здѣсь? Такой нашъ домъ чистенькій, уютный, нарядный! Жить-бы въ немъ только, да поживать!

Вотъ я и въ Питерѣ моемъ любимомъ, но пусто, безлюдно мнѣ въ немъ безъ мужа; не знаю, какъ дождусь его пріѣзда!

Высылаютъ мнѣ сюда „Туркестанскія Вѣдомости“. Въ одномъ изъ номеровъ я прочитала замѣтку, касающуюся моего отъѣзда изъ Ташкента; между прочимъ, тамъ говорилось: „Вмѣстѣ съ Сергѣемъ Михайловичемъ отъѣзжала изъ Ташкента Варвара Федоровна, надо надѣяться временно. Покидаетъ она нашъ край, оставляя за собой самыя лучшія воспоминанія среди тѣхъ, кто лично познакомился съ ней“. (Это ужъ черезъ чуръ лестно!)

Мужъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, очень интересно описываетъ мнѣ свое свиданіе съ Эмиромъ, который выѣхалъ къ нему на станцію Кермине, гдѣ мужу была устроена торжественная встрѣча, обставленная обычной восточной пышностью. Мужъ описалъ мнѣ также свое посѣщеніе Ферганской области. Народу хлынуло ему на встрѣчу тьма-тьмущая. Въ Андижанѣ уже за нѣсколько верстъ отъ города, и вплоть до мѣста остановки поѣзда, тысячная толпа туземцевъ лежала распростертая ницъ вдоль полотна дороги, стуча лбами о землю. Гораздо лучше было-бы имъ не возставать и не раболѣпствовать! Мужъ прошелъ прямо въ церковь на молебствіе при громѣ орудійныхъ залповъ (безъ помпы среди азіатовъ не обойтись!) Послѣ молебствія мужъ провозгласилъ „ура“ за только что произведенныхъ георгіевскихъ кавалеровъ, нижнихъ чиновъ, отстоявшихъ предательское нападеніе, и роздалъ имъ георгіевскіе кресты. На Братской могилѣ была совершена панихида по павшимъ во время возстанія, пушечные выстрѣлы воздали честь памяти, погибшихъ вдали отъ родины солдатъ. Затѣмъ на Братской могилѣ была закладка памятника; первый камень положенъ мужемъ. Энтузіазмъ войскъ и русскаго населенія громадный. Мужъ отвергнулъ приготовленный для него *дастарханъ*; онъ сказалъ населенію, что на всей Ферганѣ лежитъ черное пятно, за которое она должна нести наказаніе. Туземцы отвѣтили ему словами полными покорности, но просили телеграфировать военному министру просьбу о снятіи съ нихъ опалы, обѣщая, впредь, служить „русскому царю“ вѣрой и правдой, въ доказательство чего между мусульманскимъ населеніемъ Ферганы начался уже сборъ пожертвованій на разныя благотворительныя дѣла. Хорошо было бы, еслибъ ихъ сокровенныя мысли соотвѣтствовали словамъ! Наказаніе наложено строгое; состоитъ оно въ томъ,

что населеніе должно снести кишлаки: Таджикъ, Минъ-Тюбе и Кашгаръ, гдѣ жили главари и зачинщики заговора, и образовать на ихъ мѣсто русское поселеніе на 200 дворовъ. Кромѣ того, населеніе должно выплатить контрибуцію въ 300.000 рублей.

Въ городскомъ саду былъ парадный завтракъ. Въ этомъ благодатномъ краѣ смѣло можно назначать впередъ разныя празднества на открытомъ воздухѣ, такъ какъ лѣтомъ всегда можно разсчитывать на хорошую погоду; дожди начинаютъ падать только глубокой осенью. Условіямъ этимъ могли бы позавидовать антрепренеры нашихъ „Акваріумовъ“, „Буффовъ“ и другихъ злачныхъ мѣстъ.

Въ Ошѣ, самомъ отдаленномъ городѣ, находящемся у подножія Памировъ, мужъ дѣлалъ смотръ войскамъ и принималъ депутаціи мѣстныхъ жителей. Ему здѣсь представилась 87-и лѣтняя предводительница Алайскихъ киргизовъ, такъ называемая „Алайская Царица“, знаменитая „*Курбанъ-Джанъ*“. Поддерживаемая двумя сыновьями, она, до нѣкоторой степени, напоминала античную „Корнелію“—мать Гракховъ. Это одна изъ немногихъ правительницъ мелкихъ ханствъ, которая ясно сознавала невозможность противиться наступленію, и съ самаго начала прихода русскихъ старалась быть съ ними въ наружнодобрыхъ отношеніяхъ.

Мужъ, принадлежавшій къ числу такихъ людей, которые всегда выступаютъ въ защиту безсильныхъ, освободилъ изъ Маргеланской тюрьмы 34 арестованныхъ туземца по дѣлу возстанія, и объявилъ имъ о прекращеніи дальнѣйшихъ судебныхъ преслѣдованій, за исключеніемъ нѣсколькихъ главныхъ виновниковъ. Въ Кокандѣ мужъ получилъ адресъ, въ которомъ говорится, что туземцы собрали 5.329 рублей въ пользу семействъ убитыхъ въ Андижанѣ. По возвращеніи въ Ташкентъ, мужъ принималъ наслѣдника Хивинскаго престола „Тюра-Хана“, и задалъ въ его честь обѣдъ на сто персонъ.

Первое время я не замѣчала своего одиночества, сильно увлекаясь писаніемъ „*Моихъ Воспоминаній*“ и не видѣла, какъ время летитъ, но не прошло и недѣли, какъ я почувствовала убійственную тоску; еслибъ не мама, я съума сошла-бы отъ скуки. Все то же изо дня въ день, сегодня какъ вчера—скучно! Въ безконечно длинные осенніе вечера я положительно не знала,

что съ собою дѣлать, куда себя дѣвать. Писала до умопомраченія, но трудъ не давалъ мнѣ успокоенія, онъ лишь отвлекалъ меня механически отъ моихъ думъ, которыя неслись все въ Ташкентъ. Нѣтъ, рѣшительно я не могу выносить одиночества! Часто, часто угощаю Марію Михайловну слезами и нервами; ея утѣшенія плохо на меня дѣйствуютъ. Кажется, не выдержу и помчусь обратно къ мужу!

На меня напалъ припадокъ нелюдимости, живу какъ улитка въ раковинѣ. Мужъ писалъ мнѣ, что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ собирается въ Петербургъ, но наступилъ октябрь, и о пріѣздѣ его нѣтъ никакихъ извѣстій, а тутъ еще я прочитала въ газетахъ, что появилась чума въ Самаркандской области, и что на борьбу съ этой страшной эпидеміей ждутъ туда принца Ольденбургскаго, во главѣ съ цѣлой научной экспедиціей. Ужасно взволновалась я за мужа и стала бомбардировать его отчаянными письмами, наставляя бездну восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ. Я представляла себѣ всякіе ужасы, „*черныя мысли какъ мухи не даютъ мнѣ покоя*". Умоляю мужа „*успокоить меня неспокойную, осчастливить меня несчастливую*", давъ мнѣ разрѣшеніе вернуться въ Ташкентъ. Въ головѣ одна лишь мысль: уѣхать, уѣхать!.. Возьму въ одинъ прекрасный день и укачу!.. Мужъ, какъ магнитъ, тянетъ меня, никогда я такъ не тосковала... ужасъ!.. Я наконецъ рѣшилась телеграфировать Сережѣ, что если онъ не пріѣдетъ, какъ обѣщалъ въ октябрѣ, то я немедленно выѣзжаю въ Ташкентъ. Ожидала я его рѣшительнаго „*да*", чтобы сейчасъ же собраться въ путь. Мужъ никогда не споритъ о пустякахъ, не возражаетъ, но въ серьезныхъ вопросахъ дѣлаетъ всегда по своему. И въ этотъ разъ поступилъ онъ деспотично, воспротивился моему пріѣзду. Написалъ мнѣ въ отвѣтъ, начиная свое письмо словами: „*Моя сумасбродушка*", чтобы я вооружилась терпѣніемъ и спокойно ждала-бы его; но терпѣніе не было никогда господствующей чертой моего характера. Да и вообще плохая политика отговаривать меня отъ чего нибудь; это дѣлается запретнымъ плодомъ, а вѣдь я дочь Евы, какъ никакъ! Слова „*нельзя*" въ моемъ лексиконѣ не существуетъ, и я телеграфировала мужу, что совсѣмъ разболѣлась отъ безпокойства, и что если онъ не выпишетъ меня, то я совсѣмъ слягу. Этотъ разъ я вышла

побѣдительницей; на слѣдующій же день пришла столь ожидаемая депеша. Я съ нетерпѣніемъ ее открыла и прочитала: „Согласенъ, пріѣзжай!". Захотѣлось мнѣ ѣхать сію же секунду, такъ какъ между желаніемъ и исполненіемъ у меня рѣдко бываютъ паузы. Меня стали отговаривать, страша чумою, но желаніе видѣть мужа такъ велико, что я ничего не побоялась. Чѣмъ больше отговаривали меня мои друзья, тѣмъ глубже только убѣждали самихъ себя, но не меня, такъ какъ я поставила себѣ за правило со всѣми соглашаться и никого не слушать. Рѣшившись, разсудку вопреки и наперекоръ стихіямъ, не откладывать отъѣзда, я отправилась на Николаевскій вокзалъ заказывать себѣ купе. Первопопавшійся мнѣ желѣзнодорожный служащій объявилъ, что я напрасно разсчитываю ѣхать на слѣдующій день со скорымъ поѣздомъ, такъ какъ мѣстъ навѣрно не будетъ, за что я ему отъ души пожелала „*типуна на языкъ*". Какой-то пассажиръ, услыхавъ, что я въ разговорѣ съ Маріей Михайловной упомянула городъ Баку, наговорилъ мнѣ разныхъ страшныхъ вещей на счетъ морскаго переѣзда въ это время года; путешествіе это, по его мнѣнію, грозило всякими непріятностями. Какъ видно, и для генералъ-губернаторской жены не всегда бываетъ торная дорога, но я къ счастію не изъ тѣхъ на которыхъ трудности дѣйствуютъ расхолаживающимъ образомъ. Помчалась сейчасъ-же за справками въ контору общества „Кавказъ и Меркурій" гдѣ мнѣ сказали, что черезъ недѣлю отходитъ изъ Баку въ Красноводскъ очередной пароходъ. Все устроилось, какъ нельзя лучше, и купе я себѣ добыла, и на пароходъ телеграфировала, чтобы оставили мѣста для меня.

4. Назадъ въ Ташкентъ.

17 Октября. Уложивъ самое необходимое, выѣхала я сегодня обратно въ далекій Туркестанъ, сопровождаемая Маріей Михайловной и Миной. День сѣренькій, но на сердцѣ у меня радостно. Часто-же случается, что погода бываетъ чудная, а осенній день въ себѣ самой!

19 Октября. Въ нашемъ поѣздѣ ѣдетъ санитарный отрядъ на чуму, для принятія мѣръ къ предотвращенію грозящаго бѣдствія. Отрядъ этотъ состоитъ изъ 44 докторовъ и большого

количества сестеръ милосердія и санитаровъ; распоряжается ихъ слѣдованіемъ морской офицеръ, состоящій при принцѣ Ольденбургскомъ, который, встрѣтившись съ Маріей Михайловной въ корридорѣ вагона, сказалъ ей, что врядъ ли будутъ для насъ мѣста на очередномъ пароходѣ, такъ какъ онъ весь занятъ ихъ отрядомъ.

21 Октября. Былъ уже девятый часъ утра, когда мы прибыли въ Петровскъ. Дѣйствительно, очутились мы тутъ въ самомъ безпомощномъ положеніи, изъ котораго вывелъ насъ отставной адмиралъ, агентъ Восточнаго Пароходнаго Общества. Онъ повезъ насъ на извозчикѣ на пристань и задержалъ для меня пароходъ „Цесаревичъ", который разводилъ уже пары; мы подъѣхали къ пристани въ ту минуту, когда онъ давалъ уже первый свистокъ.

Сходни сняты, пассажиры перебрасываются съ оставшимися прощальными привѣтствіями. Пора подымать якорь. Скоро зашумѣлъ винтъ и „Цесаревичъ", разрывая волны, сталъ выходить изъ порта, и быстро понесся по зеленымъ водамъ Каспія.

Мы удобно помѣстились въ двухъ каютахъ, но море скоро дало себя чувствовать; покачиваетъ изрядно, вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе разводитъ волны. Пришлось наглухо закрыть иллюминаторы. Мнѣ сейчасъ-же сдѣлалось не по себѣ и я поспѣшила лечь. Плохая вообще я мореплавательница, несмотря на то, что четыре раза проѣхала кругомъ свѣта, однимъ разомъ даже больше, чѣмъ „*маркизъ" Корневильскихъ колоколовъ*. Отъ качки пассажиры падаютъ другъ другу въ объятія; поднялось такое волненіе, что „Цесаревичъ" не могъ причалить къ Дербенту; силою теченія его относило назадъ отъ береговъ.

22 Октября. Къ утру вѣтеръ сталъ стихать и погода прояснилась. Въ 11 часовъ подошли къ Баку. Ожидалъ меня здѣсь пренепріятный сюрпризъ: мы должны были совершенно неожиданно пересѣсть на небольшой пароходъ „Князь Барятинскій", далеко не внушительный на видъ. Вотъ исторія! Бываетъ хуже, но рѣдко! Оказывается, что „Цесаревичъ" задержанъ здѣсь для принца Ольденбургскаго, который долженъ завтра на него сѣсть.

Осмотрѣвъ мою каюту, я пришла въ уныніе, такая она маленькая, негдѣ повернуться, но всѣ помѣщенія заняты и поневолѣ приходится довольствоваться этой конуркой.

Видъ моря меня испугалъ, все оно покрыто бѣлыми барашками и ходитъ ходуномъ. Ну и покачало-же насъ! Къ вечеру мы вошли въ такой густой туманъ, что въ двухъ шагахъ нельзя ничего различить. Страшно на морѣ въ такую тьму, въ такую непогоду! Капитанъ находился все время на мостикѣ; онъ приказалъ давать свистки каждыя пять минутъ. Ночь тянулась нестерпимо долго, казалось, конца ей не будетъ.

23 Октября. За ночь погода перемѣнилась; на разсвѣтѣ туманъ разсѣялся и выглянуло солнышко. Чувствуется, что день будетъ жаркій. Волны улеглись, на морѣ тишь да гладь, да Божья благодать. Пароходъ летитъ на всѣхъ парахъ, дѣлая 14 узловъ въ часъ. Потянуло меня на палубу, хочу хорошенько надышаться живительнымъ воздухомъ. Мои спутницы такъ же, какъ и я, не спали всю ночь и вышли на палубу съ зелеными лицами. На площадкѣ трюма разлеглись солдаты; одни предались сладкому отдохновенію, а другіе свирѣпо ругаются, ежеминутно вспоминая „Мефистофеля" во всѣхъ падежахъ и числахъ.

Часовъ около десяти утра мы вошли въ Красноводскій портъ. Плаваніе наше пришло къ концу, начинается длинный, томительный желѣзнодорожный путь. Большая толпа собралась на пристани для встрѣчи принца Ольденбургскаго, который ѣдетъ съ большой свитой, но не на „Цесаревичѣ", а на военномъ суднѣ „Геокъ-Тепе", такъ что мы совершенно напрасно перекочевали на „Князя Барятинскаго".

Мой вагонъ подали къ пристани и предложили прицѣпить его къ поѣзду принца Ольденбургскаго, а не къ почтовому, какъ раньше предполагалось. Новый начальникъ Туркестанскаго военнаго округа, генералъ Сахаровъ, назначенный сюда вмѣсто генерала Бѣлявскаго, получившаго переводъ въ Тифлисъ, вошелъ ко мнѣ въ вагонъ съ княземъ Тумановымъ, который сказалъ мнѣ, что мужъ очень безпокоится за мой морской переходъ и нѣсколько разъ уже справлялся сегодня по телеграфу пріѣхала-ли я въ Красноводскъ. Когда гости мои ушли, сталъ развлекать меня разухабистый оркестръ, состоящій изъ вольнонаемныхъ музыкантовъ Куринцевъ, одѣтыхъ въ красныя куртки, голова повязана платкомъ. Получивъ отъ меня щедрый „*на чай*", они стали лихо отплясывать лезгинку.

„Геокъ-Тепе“ подошелъ къ Красноводску лишь въ первомъ часу. Принцъ прислалъ адъютанта спросить могу-ли я его принять; я просила передать, что чувствую себя не совсѣмъ хорошо, но надѣюсь во время пути быть въ состоянiи принять его Высочество.

24 Октября. Было около двухъ часовъ утра, когда поѣздъ остановился у станцiи „Кизилъ-Арватъ“. Мужъ прислалъ мнѣ сюда на встрѣчу своего чиновника для особыхъ порученiй М. I. Шанявскаго.

25 Октября. Рано утромъ прибыли въ Кермине. Меня ждала здѣсь депеша отъ мужа, извѣщавшая, что онъ сегодня выѣзжаетъ мнѣ навстрѣчу на станцiю „Ката-Курганъ“. Я была на седьмомъ небѣ отъ счастiя! Остановка здѣсь порядочная, ждутъ Эмира. Прiѣхалъ онъ съ огромной свитой; я видѣла изъ окна вагона, какъ принцъ укатилъ съ Эмиромъ въ его коляскѣ, запряженной чудной бѣлой тройкой, по обѣимъ сторонамъ бѣжали скороходы. Посѣщенiе Эмира не было въ программѣ; для меня, горѣвшей отъ нетерпѣнiя скорѣе увидѣть мужа, каждое замедленiе было мученiемъ, а тутъ эта скучная проволочка! Перспектива просидѣть въ Кермине до вечера злитъ меня ужасно; еслибъ не стыдно было, заплакала-бы. Я рано улеглась спать, чтобы скорѣе пришло „*завтра*“.

26 Октября. Въ два часа утра въ „Ката-Курганѣ“, вагонъ мужа прицѣпили къ нашему поѣзду. До четырехъ часовъ я просидѣла съ мужемъ, не могли достаточно наговориться. Въ восемь часовъ прибыли въ Самаркандъ, пробудемъ здѣсь два дня. Мужъ переселился въ домъ губернатора, генерала Федорова, а я остаюсь въ вагонѣ, поставленномъ на запасномъ пути вблизи вокзала.

Погода дивная, совсѣмъ тепло. Дочь генерала Федорова замужемъ за начальникомъ дистанцiи, инженеромъ Печковскимъ; живетъ она въ двухъ шагахъ отъ вокзала и снабжаетъ меня сливками, масломъ и здобнымъ домашнимъ хлѣбомъ. Принцъ былъ сегодня у мужа и пригласилъ его къ себѣ обѣдать. Вечеромъ устроили для меня иллюминацiю, освѣтили весь путь отъ вагона до станцiи разноцвѣтными фонариками, прицѣпленными на деревьяхъ.

27 Октября. Съ утра цѣлая армiя сторожей-сартовъ галдитъ около моего вагона; метутъ они ковры, постланные отъ

самаго вагона до вокзала. Этотъ крикъ замѣнялъ мнѣ пѣнiе птицъ на зарѣ. Сегодня прибыли сюда 44 врача съ сестрами милосердiя. Днемъ представилась мнѣ депутацiя, состоящая изъ четырехъ женщинъ-врачей и двѣнадцати сестеръ. Докторъ Левинъ, ѣдущiй въ составѣ научной экспедицiи, привилъ сегодня чуму Принцу. Получено извѣстiе, что врачъ, посланный авангардомъ въ Анзобъ, кишлакъ, гдѣ свирѣпствовала эпидемiя, съ большимъ трудомъ доѣхалъ туда. Дорогъ совсѣмъ нѣтъ, приходится пробираться по узкому карнизу и переправляться черезъ импровизированные мосты, наскоро сооруженные изъ бревенъ и жердей, перекинутыхъ черезъ бездны. Экипажъ доктора сорвался въ кручу со всѣми инструментами, онъ самъ спасся чудомъ.

28 Октября. Всѣмъ извѣстны музыкальныя наклонности машинистовъ, гудящихъ свистками своихъ паровозовъ во всю. Станцiонное начальство, желая дать мнѣ возможность хорошо выспаться ночью, предложило паровознымъ музыкантамъ умѣрить свой пылъ, но узнавъ объ этомъ, я просила не стѣснять ихъ привычекъ. Утромъ подвинули мой вагонъ къ шатру, въ которомъ туземцы устроили мужу „дастарханъ“, а затѣмъ въ вагонѣ былъ большой раутъ. Прибыла масса почетныхъ жителей, между прочими Афганскiй принцъ съ маленькимъ сыномъ. Самарканду везетъ вообще на Афганскихъ претендентовъ. Здѣсь жилъ болѣе десяти лѣтъ Афганскiй Эмиръ Абдурахманъ, который послѣ своего воцаренiя, отплатилъ за гостепрiимство Россiи—самой искренной преданностью англичанамъ; даже въѣздъ русскимъ въ Афганистанъ въ его царствованiе былъ воспрещенъ, подъ страхомъ смерти. Невольно приходитъ на умъ, что должно быть не важные были политическiе воспитатели Абдурахмана, если въ теченiе столь продолжительнаго времени, не съумѣли привить ему чувство расположенiя къ Россiи. Послѣ воцаренiя Абдурахмана въ Самаркандѣ поселился другой претендентъ на Афганскiй престолъ, думающiй болѣе о веселомъ времяпрепровожденiи, чѣмъ о политикѣ. Теперь живетъ въ Самаркандѣ этотъ Исаакъ Ханъ; онъ, повидимому, совсѣмъ и не разсчитываетъ на воцаренiе, но воспитываетъ своего сына такъ, какъ будто не сегодня-завтра долженъ очиститься для него Афганскiй престолъ. Забавное впечатлѣнiе производитъ этотъ

мальчуганъ, живущій съ отцемъ на небольшое русское жалованіе. Когда его спрашиваютъ, кто онъ такой, мальчикъ отвѣчаетъ съ большой важностью: „Я сардаръ“ (великій полководецъ). Пока-же его армія состоитъ лишь изъ полдюжины слугъ оборванцевъ. Приходилъ еще одинъ изъ здѣшнихъ владѣтельныхъ князьковъ, принявшій русское подданство, за что онъ награжденъ чиномъ маіора. Этотъ „бекъ“ человѣкъ огромнаго роста и внушительнаго вида, бородѣ его могъ бы позавидовать самъ „Черноморъ“. Облеченъ онъ въ халатъ съ маіорскими эполетами и подпоясанъ зеленымъ поясомъ, признакъ того, что онъ потомокъ Великаго Пророка. Бекъ все время выпячиваетъ грудь, принимая пластичныя позы, но я не особенно въ большомъ восторгѣ отъ этого азіата: смѣсь лукавства, вкрадчивости и лести сквозитъ въ его взглядѣ. Передъ вагономъ происходила раздача мужемъ почетныхъ халатовъ. Туземцы-мусульмане очень падки ко всякимъ почетнымъ отличіямъ; періодическая раздача медалей и халатовъ превращаетъ несговорчивыхъ мусульманъ—въ сравнительно полезныхъ и довольно покладистыхъ слугъ русскаго правительства. Туземцы подходятъ къ мужу, получаютъ халатъ и, счастливо улыбаясь, уходятъ прочь, бормоча благодарность. Великіе мастера они напускать на свои лица видъ безконечнаго счастія, несмотря на непримиримую ненависть къ русскому правительству. Удивило меня, что почти на каждой станціи имѣется свой *„столѣтній“* старецъ; таковой и здѣсь нашелся. Не считаютъ-ли туземцы мѣсяцъ за годъ, какъ было, говорятъ, во время Крымской кампаніи?

22 Октября. Я хорошо выспалась и встала совершенно бодрой. За нѣсколько станцій до Ташкента прицѣпили къ намъ вагонъ Великаго Князя, возвращавшагося изъ Голодной Степи. Его Высочество былъ въ сартовскомъ костюмѣ и не хотѣлъ показываться.

Ровно въ 10 часовъ поѣздъ подкатилъ къ Ташкентскому вокзалу, куда собрался весь городъ. Въ этотъ разъ Ташкентъ принялъ меня весьма гостепріимно. Встрѣча была самая сердечная, повидимому здѣсь рады моему неожиданному бурному появленію. Между встрѣчавшими было много дамъ, въ томъ числѣ весь составъ комитета благотворительнаго общества. Меня окружили; со всѣхъ сторонъ сыпались привѣтствія.

Я жала руки, улыбалась во всѣ стороны. По обыкновенію получила массу цвѣтовъ.

Все опять вошло въ обычную колею, и скука тоже обычная. Погода отвратительная.

„Осень, осыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по вѣтру летятъ“.

Съ удовольствіемъ полетѣла бы и я съ ними по направленію къ Петербургу! Не успѣла я пріѣхать, какъ опять тянетъ меня къ берегамъ Невы.

Энергичныя мѣры, принятыя противъ чумы, оказали свое дѣйствіе. Чума локализована, и кромѣ Анзоба не было нигдѣ ни одного случая заболѣванія. Государь поручилъ Принцу благодарить мужа за своевременное принятіе мѣръ къ прекращенію эпидеміи. Столь успѣшная борьба съ чумою обошлась не дешево казнѣ. Самаркандскій губернаторъ получалъ во время эпидеміи 100 рублей суточныхъ, другіе же начальники по 70 рублей, офицеры—25, а фельдшера—15 рублей. Пользуясь присутствіемъ командированныхъ врачей, мужъ предложилъ устроить въ Самаркандѣ нѣсколько безплатныхъ амбулаторій, въ томъ числѣ одну глазную, особенно полезную для населенія, такъ какъ среди восточныхъ народовъ глазныя болѣзни встрѣчаются чаще другихъ, вслѣдствіе ихъ рѣдкихъ и поверхностныхъ сношеній съ водою. Прославленныя ихъ религіозныя омовенія сводятся, главнымъ образомъ, къ погруженію не особенно опрятныхъ рукъ въ сосудъ съ сомнительной чистоты водою, и этими же руками всполаскивается лицо, а такъ какъ часто одна и та-же вода служитъ цѣлой толпѣ правовѣрныхъ, то можно себѣ представить гигиеничность этого обряда.

5. Опять въ Петербургъ.

Всѣ осыпаютъ меня знаками вниманія, а *„волкъ все въ лѣсъ глядитъ“*. Такъ и я, все стремлюсь въ Питеръ. Этотъ разъ пребываніе мое въ Ташкентѣ было очень кратковременно; проживъ около мѣсяца, я стала уже подумывать объ отъѣздѣ.

Ѣду съ полнымъ комфортомъ; мнѣ даютъ вагонъ отъ Петровска до самаго Петербурга.

12 Ноября. Утромъ прибыла въ Самаркандъ. Я чувствовала себя совсѣмъ больной и не могла принять губернатора, полицеймейстера и другихъ лицъ, пріѣхавшихъ меня встрѣтить на вокзалъ. Принесли мнѣ депешу отъ Эмира, спрашиваетъ, въ которомъ часу я буду проѣзжать черезъ Бухару, желаетъ выѣхать ко мнѣ навстрѣчу на вокзалъ. Я отвѣтила Его Высочеству, что прошу его не безпокоиться, такъ какъ буду проѣзжать поздно ночью черезъ Кермине.

13 Ноября. Стояли въ Кермине всю ночь. Эмиръ все-таки прислалъ на вокзалъ двухъ своихъ министровъ, которые велѣли доложить о себѣ, когда я проснусь, но я безсовѣстно проспала и такъ и не видала бухарскихъ сановниковъ.

14 Ноября. На Аму-Дарьи вода теперь стоитъ низко, рѣка мѣстами образуетъ песчанныя мели, но ѣхать черезъ мостъ все-таки страшненько. На противоположномъ берегу, въ Чарджуѣ, меня встрѣтили звуками военной музыки.

15 Ноября. Часамъ къ семи утра поѣздъ подкатилъ къ Красноводску. Вагонъ мой отцѣпили отъ поѣзда и подвезли къ пристани. Я водворилась на пароходѣ „Корниловъ", въ каютъ-компаніи. Мы идемъ прямымъ зимнимъ рейсомъ, безъ захода въ Баку и Дербентъ. Погода чудная, ясная; Каспій такъ ослѣпительно сверкаетъ на солнцѣ! Морской переходъ обѣщаетъ быть великолѣпнымъ.

16 Ноября. Ночью погода перемѣнилась. Неугомонное море поетъ свою пѣсню и вздымается высокими холмами; вѣтеръ стонетъ и гудитъ. Сверху съ палубы доносится свистъ бури и удары винта. Около четырехъ часовъ пополудни капитанъ пришелъ мнѣ сказать, что виденъ Петровскъ. Скоро къ нему подошли.

Пріѣхала въ Петербургъ 21 Ноября. Сижу, большею частью, дома, но скоро мнѣ стало не въ моготу мое одиночное добровольное заключеніе; когда-же начинаю чувствовать потребность быть на людяхъ, слышать шумъ и движеніе вокругъ себя, отправляюсь въ театры и концерты. Привелъ меня въ восторгъ восьмилѣтній піанистъ Володя Ружецкій; играетъ онъ Рубинштейна, Чайковскаго, Шопена — одинаково хорошо. Интересно знать, будетъ-ли когда-нибудь этотъ *„вундеркиндъ"* *„вундерманомъ"*? Сила, техника, туше у него удивительные, и публика

справедливо не скупилась на аплодисменты; успѣхъ его былъ полный. Насколько поразительна игра этого мальчика по *молодости* его лѣтъ, настолько удивительна игра Антона Контскаго по *старости* лѣтъ. Престарѣлый маэстро этотъ давалъ свой концертъ въ большомъ залѣ Дворянскаго Собранія. Наплывъ публики былъ колоссальный. Контскій превзошелъ самого себя и доставилъ мнѣ массу наслажденія своей чудной игрой. Я такъ бурно ему апплодировала, что разорвала обѣ перчатки. Я не могу ни къ чему тепловато относиться, если что чувствую, то ужъ горячо. На послѣдній „бисъ" публика потребовала *„Пробужденіе льва"* — коронное произведеніе Контскаго. Вышелъ на вызовы старый виртуозъ и громогласно сказалъ: „Левъ мой утомился, идетъ спать, но на будущей недѣлѣ я дамъ еще концертъ, и тогда выведу вамъ моего звѣря, если вы захотите еще услышать его рычанія".

6 Декабря меня поздравили съ производствомъ мужа въ чинъ генерала-отъ-инфантеріи. Со времени моего замужества, я переживаю съ мужемъ третій и послѣдній этапъ генеральскихъ чиновъ, въ другихъ чинахъ я съ нимъ не состояла. Захотѣлось мнѣ лично поздравить мужа и опять потянуло меня къ нему. Начала я бомбардировать его письмами и телеграммами, спрашивая, когда могу пріѣхать. Мужъ обѣщалъ выписать меня въ скоромъ времени, но обѣщанія его такъ и остались обѣщаніями. Когда я теряла уже послѣднюю надежду, подаютъ мнѣ телеграмму; распечатываю и, о радость, мужъ сообщаетъ мнѣ, что онъ вызывается по дѣламъ службы въ Петербургъ и выѣзжаетъ вслѣдъ за телеграммой. Проситъ онъ меня пріѣхать въ Харьковъ, чтобы съѣздить съ нимъ въ Мерчикъ—имѣніе его брата Евгенія Михайловича. Наскоро собравшись, я помчалась на свиданіе съ мужемъ.

Пробывъ въ Мерчикѣ первые два дня праздника, мы вернулись въ Петербургъ.

Сезонъ въ этомъ году блестящій: балы, рауты, базары; но это меня мало волнуетъ, свѣтская жизнь совсѣмъ меня не прельщаетъ. Къ сожалѣнію, такъ называемый *„большой свѣтъ"* заботится обо мнѣ больше, нежели я о немъ. Многимъ кажусь я чудачкой, говорятъ, что я оригинальничаю, запираясь, какъ монахиня въ своей кельѣ, но я не умѣю жить по рецепту дру-

гихъ и отношусь съ величайшимъ равнодушіемъ къ тому, что скажетъ *„княгиня Марія Алексѣвна“*. Геніальный Гёте сказалъ: „Тотъ самый счастливый человѣкъ, который находитъ счастье въ своемъ домѣ“. Значитъ, и я могу причислить себя къ этому разряду. Вотъ, среди музыки я вполнѣ чувствую себя въ своей сферѣ. Начала я брать уроки на гитарѣ у знаменитаго стараго гитариста Декеръ-Шенка, но очень скоро ихъ прекратила,—пальцамъ ужъ очень больно. Когда прошло мое увлеченіе гитарой, купила цитру, но на первомъ-же урокѣ покончила съ этимъ инструментомъ,—пальцамъ еще больнѣе. Зато концертино у меня процвѣтаетъ. Хожу въ музыкальную школу Ротштейна, играю тамъ въ оркестрѣ концертинъ. Устраиваются и у насъ квартетные вечера; Ротштейнъ приводитъ двухъ лучшихъ своихъ учениковъ.

Настала весна, приближаются столь любимыя мною бѣлыя ночи. Въ Петербургѣ жизнь начинаетъ замирать. Чинятъ мостовыя, красятъ дома; всюду на улицахъ разставлены преграды для экипажей и пѣшеходовъ.

Мужъ купилъ мнѣ велосипедъ и я начала учиться ѣздить на Марсовомъ полѣ, причемъ падать пришлось не одинъ разъ, но я скоро овладѣла своимъ „стальнымъ конемъ“ и загорѣлась увлеченіемъ къ этому спорту.

6. Возвращеніе въ Ташкентъ по Волгѣ.

Приближается день нашего отъѣзда. Безъ особеннаго восторга возвращаюсь въ душный Ташкентъ, но оставаться опять одной въ Петербургѣ...—ни за что!..

15 Мая двинулись мы въ путь. Ѣдемъ этотъ разъ отъ Нижняго до Астрахани по Волгѣ.

17 Мая. Около полудня пріѣхали въ Нижній Новгородъ. Вотъ и Волга! На вокзалѣ встрѣтилъ насъ Нижегородскій губернаторъ, генералъ Унтербергеръ, вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ и съ агентомъ пароходства „Кавказъ и Меркурій“. Мы отправились прямо на огромный американскаго типа пароходъ „Екатерина II“. На пристани шла суматоха; крику, шуму, гаму не было конца. Носильщики-крючники съ мѣшками на согнутой спинѣ бѣгаютъ взадъ и впередъ. Попадаются между ними невѣроятные атлеты. Вотъ идетъ персіянинъ, несетъ на спинѣ піанино и взбирается съ нимъ, по узкой проложенной доскѣ, къ намъ на пароходъ такъ же легко, какъ какой-нибудь прославленный всемірный чэмпіонъ. Стою на палубѣ въ ожиданіи отплытія; прохладный вѣтерокъ пріятно освѣжаетъ лицо. Мимо насъ снуютъ барки, плоты, лодки; все пестро, ярко, полно движенія. Чайки носятся надъ пароходомъ; предупредительный матросикъ принесъ мнѣ кусокъ хлѣба, предлагаетъ покормить ихъ. Совсѣмъ особый типъ приволжскихъ матросовъ; морскіе матросы, подтрунивая, говорятъ про нихъ: „Пили-молъ, чай изъ большихъ чашекъ, воды не боятся!“ (намекая на то, что нѣкоторые изъ нихъ моря никогда не видали). Тѣмъ не менѣе, есть какая-то удаль въ этихъ коренныхъ волгаряхъ.

Ѣдемъ *„внизъ по матушкѣ по Волгѣ“*. Кругомъ насъ камыши и рыбачьи поселки. Можетъ быть, не патріотично, но все таки я не могу сравнить прогулку по Волгѣ, которая считается одной изъ самыхъ пріятныхъ въ Россіи, съ романтичнымъ Рейномъ; но и Рейнъ, въ свою очередь, не можетъ сравниться съ Амуромъ, красота котораго превышаетъ все, что только можно себѣ представить. Въ нашихъ кругосвѣтныхъ странствованіяхъ намъ приходилось плавать по такимъ знаменитымъ рѣкамъ, какъ „Миссисипи“, „Янъ-тце-кіанъ“, по рѣкѣ Св. Лаврентія, но берега ихъ не представляютъ такого удивительнаго сочетанія дикихъ горъ и роскошной растительности, какъ берега Амура.

Наступила ночь, на мачтахъ зажглись фонари. Я долго оставалась на палубѣ, любуясь на освѣщенную луною рѣку. Разноцвѣтные огни встрѣчныхъ судовъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются въ водѣ.

18 Мая. Утромъ пришли въ Казань. Мужъ поѣхалъ въ городъ, лежащій въ шести верстахъ отъ пристани. Удивительно, что такой большой и важный торговый пунктъ на Волгѣ не имѣетъ до сихъ поръ порядочнаго сообщенія. Мужъ заѣзжалъ къ губернатору, чтобы переговорить по нѣсколькимъ вопросамъ, касающимся мусульманскаго населенія. Знающимъ мусульманскій міръ въ лицѣ его представителей татаръ, выкрикивающихъ *„халатъ, халатъ“*, или Крымскихъ проводниковъ и ресторанныхъ офиціантовъ, въ голову не приходитъ, что, кромѣ

этихъ названныхъ типовъ, существуетъ громадная масса мусульманъ, составляющая девятую часть всего населенія Россіи. Главные центры ихъ осѣдлости: Туркестанъ, Кавказъ, Крымъ и Казанская губернія. На первый взглядъ кажется, что Казанскіе мусульмане и Туркестантскіе не имѣютъ между собою ничего общаго: другое прошлое, другая исторія, и совершенно другія условія жизни, но на самомъ дѣлѣ это не такъ; всѣхъ ихъ объединяетъ мечта о славѣ и величіи „Пророка". Это относится не только къ мусульманамъ, живущимъ въ Россіи, но и къ сотнямъ милліоновъ правовѣрныхъ, населяющихъ Индію, Турцію и другія мусульманскія страны. Мусульманскій вопросъ такъ же, какъ Японскій и Китайскій, только временно спитъ. Трудность управленія мусульманами увеличивается тѣмъ, что они отъ рожденія тончайшіе дипломаты. Если Талейранъ сказалъ, что *„языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли"*, то мусульмане задолго до него это поняли и пользовались этимъ правиломъ. Я помню во время нашего проѣзда по Забайкалію встрѣчу мужа съ бурятскими старшинами (будистами-ламаитами). Это было послѣ того, какъ вольныхъ кочевниковъ-бурятъ сравняли съ осѣдлымъ русскимъ населеніемъ,— можетъ быть, и не совсѣмъ въ угоду имъ. Когда мужъ ихъ спросилъ, довольны ли они перемѣной положенія, старшины отвѣтили, что нельзя сказать, чтобы это ужъ очень имъ нравилось. Съ такими людьми все таки можно разговаривать и столковаться. Совершенно другое дѣло мусульмане. Вотъ одинъ изъ разговоровъ мужа съ мусульманскими старшинами. „Помните, какъ еще недавно, при вашихъ ханахъ, велись постоянно войны, когда никто не былъ увѣренъ, что, гдѣ сегодня миръ, тамъ завтра можетъ быть кровопролитіе. Развѣ не лучше теперь, когда землепашецъ увѣренъ, что соберетъ свою ниву, что купецъ спокойно распродастъ свой товаръ?"—и всѣ старшины, поглаживая сѣдыя бороды, въ одинъ голосъ, въ высшей степени подобострастно и съ выраженіемъ самаго глубокаго убѣжденія отвѣчаютъ: *„Хошь, таксыръ"* (правильно господинъ).— „Вспомните, какъ еще недавно васъ на колъ сажали, какъ всѣхъ безъ суда казнили? Развѣ теперь васъ безъ причины кто нибудь тронетъ?".—*„Хошь, таксыръ"*.—„Развѣ ваши правители строили вамъ школы, больницы, хорошія проѣзжія дороги?

Развѣ они старались дать вамъ справедливый судъ, неподкупныхъ чиновниковъ?". Тутъ по лицамъ старшинъ промелькнуло что-то вродѣ неуловимой улыбки и они многозначительно переглянулись между собой, но это продлилось менѣе секунды и опять то же стереотипное *„Хошь, таксыръ"*. И никакими силами ничего другого отъ этихъ *„хошь таксырьцевъ"* нельзя было вырвать, и только случайно, отъ молодыхъ, неосторожныхъ туземцевъ, которыхъ мѣстное населеніе не допускаетъ до разговоровъ съ начальствомъ, можно было узнать, съ какимъ благоговѣніемъ они между собой вспоминаютъ именно то время, когда ихъ на колъ сажали, и когда никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Ничего этимъ мусульманамъ не надо, лишь бы повсюду властно красовался ихъ полумѣсяцъ. Въ такихъ условіяхъ, гдѣ населеніе не идетъ навстрѣчу даже самымъ гуманнымъ препріятіямъ администраціи, всю инціативу о мѣропріятіяхъ, которыя одинаково необходимы для всѣхъ мусульманъ разсѣянныхъ по Россіи, приходится администраторамъ брать на себя. Вотъ объ этомъ-то и бесѣдовалъ мужъ съ губернаторомъ, а мнѣ изъ-за этой политики пришлось нѣсколько часовъ проскучать въ душной каютѣ. Какъ только мужъ вернулся, пароходъ двинулся дальше.

Пахнетъ керосиномъ, струйки нефти расплываются по водѣ пятнами всѣхъ цвѣтовъ радуги. На видъ-то оно красиво, но рыба отъ этой нефти въ рѣкѣ гибнетъ и мѣстные рыболовы жалуются на исчезаніе дорогихъ породъ рыбъ, которыми Волга всегда славилась.

Я долго сидѣла вечеромъ на палубѣ, примостившись поудобнѣе въ качалкѣ. Ночь чудная, не хотѣлось идти спать.

20 Мая. Волга отъ сильнаго вѣтра потемнѣла и зарябилась. Мы сидимъ на рубкѣ и пьемъ чай. Проходимъ мимо Жигулевскихъ горъ, полныхъ преданій и легендъ. Воображенію представляется Пугачевъ и разные другіе эпизоды изъ той эпохи. Традиціонныхъ соловьевъ мы такъ и не слышали.

Около одиннадцати часовъ утра подошли къ Самарѣ. На пристани толпится много народу; масса пассажировъ-кумысниковъ ожидаютъ свободныхъ мѣстъ на пароходѣ. Къ намъ перебралось 40 кадетъ и нѣсколько институтокъ, ѣдущихъ изъ Оренбурга на родину въ Ташкентъ на каникулы. Въ Туркестанѣ нѣтъ ни кадетскихъ корпусовъ, ни институтовъ и мужъ озабо-

ченъ созданіемъ, въ ближайшемъ будущемъ, кадетскаго корпуса въ Ташкентѣ, точно такъ же, какъ его стараніями былъ учрежденъ корпусъ въ Хабаровскѣ. Пока-же офицерамъ и чиновникамъ предоставлено право воспитывать дѣтей въ Оренбургскомъ корпусѣ и институтѣ, поэтому институтки и кадеты два раза въ годъ совершаютъ громадное путешествіе въ нѣсколько тысячъ верстъ, изъ Оренбурга въ разные углы Туркестана. Имъ это конечно очень нравится, но родители ихъ предпочлибы не посылать дѣтей такъ далеко. Молодежь обыкновенно поручаютъ присмотру какого-нибудь знакомаго попутчика; этотъ разъ везетъ ихъ почтенная старушка, бабушка одного изъ кадетъ, ставшая скоро „*общей бабушкой*".

Отъ Самары ѣдемъ луговою частью Волги. Рѣка постепенно дѣлается шире и берега становятся все живописнѣе. Проплываемъ подъ знаменитымъ Волжскимъ мостомъ, постройка котораго стоила семь милліоновъ. Это единственный желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу.

Къ Саратову пароходъ подошелъ послѣ завтрака. Мужъ отправился въ городъ, а меня въ это время навѣстилъ мой двоюродный братъ, князь Левъ Львовичъ Голицынъ, Саратовскій предводитель дворянства, съ женою и дѣтьми. Мое „*Голицынское*" самолюбіе было удовлетворено при видѣ этой семьи: всѣ великаны и красавцы. Къ намъ на пароходъ пріѣхали потомъ губернаторъ — князь Мещерскій, начальникъ дивизіи, полицеймейстеръ и много другихъ должностныхъ лицъ.

Изъ Саратова ушли мы поздно вечеромъ. На берегу зажглись огни; отъ широководной Волги вѣетъ прохладой, дышется такъ легко!

21 Мая. Солнце уже поднялось и начало жарить во всю. Стоимъ у какой-то пристани. Бурлаки на берегу нагружаютъ огромные тюки. До меня доносится лязгъ цѣпей на лебедкахъ и выкрикиваніе рабочихъ. „*Сама пойдетъ, сама пойдетъ!*" слышу я звуки „*Дубинушки*". Посадили намъ здѣсь на пароходъ 50 Оренбургскихъ казаковъ, ѣдущихъ на службу въ Самаркандъ на три года.

Небо покрылось тучами и сталъ накрапывать мелкій дождикъ. Вотъ и Царицынъ! Изъ за дурной погоды мы не поѣхали осматривать этотъ городъ. Сопровождающія насъ лица, которыя

побывали въ Царицынѣ, описали намъ его широкія и грязныя улицы въ такомъ видѣ, что мы не особенно объ этомъ сожалѣли.

Вечеромъ на пароходѣ было весело и шумно. На верхней палубѣ Оренбургскіе казаки пѣли залихватскія пѣсни и приплясывали, напѣвая: „*Ванька былъ и Ванька не былъ*". Въ то-же время, на другомъ концѣ палубы, въ углу, пассажиръ мусульманинъ, разостлавъ коврикъ, произносилъ на колѣняхъ положенный вечерній „намазъ" (молитву), и клалъ нескончаемые поклоны по направленію къ Меккѣ.

22 Мая. Берега низкіе, песчанные, поросшіе кустарникомъ. Днемъ причалили къ пристани Астрахани. Мы здѣсь въ калмыцкомъ царствѣ. Окружаетъ насъ толпа бухарцевъ, татаръ, персовъ; горланятъ во всю мочь.

Сегодня за обѣдомъ состоящіе заказали крюшонъ, который былъ выпитъ за мое здоровіе. Баумгартенъ, чиновникъ для особыхъ порученій при мужѣ, нашъ лейбъ-лирикъ и поэтъ, поднявъ бокалъ, обратился ко мнѣ съ цѣлой рѣчью; сказалъ онъ, между прочимъ, что мое присутствіе на пароходѣ украшаетъ ихъ путешествіе, и что всѣ они ужасно сожалѣютъ, что по окончаніи пути, они будутъ лишены моего общества, такъ какъ въ Ташкентѣ, къ сожалѣнію, я появляюсь между ними только во время обѣда. Большой балагуръ и весельчакъ этотъ Баумгартенъ; онъ настоящій виртуозъ по части разсказыванія веселыхъ анекдотовъ. Сегодня онъ былъ особенно въ ударѣ и такъ и сыпалъ остроумными разсказами.

Вечеромъ меня упросили играть на концертино. По окончаніи моего музицированія, Баумгартенъ вручилъ мнѣ стихотвореніе-экспромтъ, навѣянное ему моей игрой; назвалъ онъ его: „*Вечеръ на Волгѣ*". Воспѣвалась тамъ „*и ночь и луна*" и все, какъ полагается. Оканчивается стихотвореніе словами: „*О, вечеръ на Волгѣ, какъ тебя забыть!*"... На смѣну мнѣ пришли институтки развлекать насъ своей игрой на піанино; въ ихъ репертуарѣ не обошлось безъ традиціонныхъ „*Молитвы дѣвы*" и „*Монастырскихъ колоколовъ*".

23 Мая. Берега уже исчезаютъ, только желтая полоска виднѣется вдали. Мы перешли чуть-свѣтъ на небольшой пароходикъ „Уралецъ", доѣдемъ на немъ до „22-хъ футовъ", мѣсто стоянки морскихъ судовъ, гдѣ ожидаетъ насъ пароходъ „Эква-

торъ“. Здѣсь конецъ Волги, начинается вѣроломный Каспій. Пустились мы въ открытое море, гдѣ сильный вѣтеръ развелъ уже большое волненіе. Стало значительно покачивать. Кромѣ нашей компаніи, нѣтъ пассажировъ на Экваторѣ. Близость Астрахани играетъ большую роль въ жизни Закаспійскаго края, много товаровъ туда посылается, но на этотъ разъ пароходъ нашъ нагруженъ только бочками Астраханскаго пива.

Я облюбовала себѣ каюту старшаго машиниста, но душно въ ней нестерпимо, такъ какъ эта каюта оказывается какъ разъ надъ машиной, и полъ совсѣмъ горячій.

24 Мая. Отъ духоты спать не было никакой возможности. О, эти долгія, безсонныя ночи, когда перевертываешься съ боку на бокъ, и только жаждешь одного на свѣтѣ—утра! Я всячески старалась заснуть, представляла себѣ, какъ вѣтеръ въ колосьяхъ въ полѣ шумитъ, но все напрасно, до утра протомилась безсонницей, а горничная моя, Мина, счастливица, въ каютѣ рядомъ безмятежно похрапываетъ.

Рано утромъ, барашекъ свѣтло шоколаднаго цвѣта, привезенный матросами изъ Персіи, вошелъ ко мнѣ черезъ полураскрытую на крючокъ дверь. Онъ совсѣмъ ручной и дружитъ съ моей китайской собачкой „Мохо“. Подняли они у меня цѣлую возню.

Вѣтеръ все усиливается; къ вечеру превратился онъ въ форменную бурю. Пароходъ трещитъ и скрипитъ; бросаетъ его, какъ щепку во всѣ стороны. Посуда въ буфетѣ падаетъ и разбивается; мебель начала разгуливать по каютѣ и прыгать по полу.

25 Мая. Испугалась я среди ночи внезапной остановки парохода. Матросы забѣгали по палубѣ, капитанъ громко и отрывисто отдаетъ какія-то приказанія, но разобрать слова очень трудно, кругомъ вой и шумъ, чисто свѣтопреставленіе. Мнѣ стало страшно оставаться одной въ каютѣ; я вскочила съ койки, бросилась къ двери и наткнулась прямо на капитана, закутаннаго въ каучуковый плащъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что мы мѣняемъ курсъ и уговорилъ меня лечь спать и быть совсѣмъ спокойной, такъ какъ онъ проведетъ всю ночь на рубкѣ. Но до сна ли тутъ? Каюта моя расположена въ задней части парохода, гдѣ качка всего сильнѣе ощущается, койка то поднимается, то опускается; я принимала всевозможныя положенія, чтобы не перекатываться, какъ мячикъ, изъ стороны въ сторону.

Штормъ продолжался до двухъ часовъ пополудни, пока мы не вошли въ Красноводскій заливъ. По росписанію мы должны были прійти въ Красноводскъ рано утромъ, а подошли къ пристани лишь подъ вечеръ.

Обычная встрѣча и привѣтствія. На пристань прибыло все начальство. Мы сошли на берегъ подъ звуки военнаго марша, и направились къ нашимъ вагонамъ, поданнымъ къ самому берегу. Толпа разступалась, давая намъ дорогу. Пришлось отчаянно бороться съ вѣтромъ, который безцеремонно трепалъ мою одежду и покушался на мою шляпу и зонтикъ, вздутый точно парусъ.

Мужъ успѣлъ съѣздить осмотрѣть вагонъ, только что присланный Эмиру въ подарокъ отъ Государя. Отдѣланъ онъ съ восточной роскошью, съ массой подушекъ и тахтъ. Снаружи вагонъ выкрашенъ въ синій цвѣтъ и росписанъ золотыми звѣздами. Эмиръ каждое лѣто ѣздитъ на Минеральныя Воды на Кавказъ, но особенно пригодится ему этотъ вагонъ, когда будетъ построена желѣзная дорога на Оренбургъ; тогда Эмиръ, очень не долюбливающій морское путешествіе, будетъ совершать весь путь отъ Бухары до мѣста назначенія, не выходя изъ вагона.

27 Мая. Поѣздъ летитъ въ облакахъ пыли. Я изнемогаю отъ жары. Солнце печетъ сквозь стѣны, воздухъ удушливый. Придумываютъ здѣсь все, что только возможно, чтобы вагоны не раскалялись; покрываютъ крыши толстымъ слоемъ земли, но ничто не помогаетъ, все равно духота нестерпимая, хотя барометръ все опускается и стоитъ уже на бурѣ. Воображаю, что теперь дѣлается на морѣ!

Сегодня мы чуть не задавили верблюда, насилу согнали его съ полотна желѣзной дороги учащенными свистками. Встрѣча съ этими неуклюжими животными особенно непріятна; обыкновенно, увидя поѣздъ, они начинаютъ бѣжать себѣ рысцой по полотну, и не мало времени проходитъ, пока они сообразятъ, что имъ гораздо удобнѣе и безопаснѣе свернуть съ рельсовъ въ сторону, а тѣмъ временемъ, поѣзду приходится идти тихимъ шагомъ сзади верблюдовъ.

Въ Асхабадѣ жители устроили намъ шумную овацію. Генералъ Боголюбовъ, новый начальникъ Закаспійской Области, угостилъ мужа на вокзалѣ обѣдомъ. Я сказалась нездоровой и не выходила изъ вагона.

28 Мая. Утро сравнительно прохладное, благодаря облачному небу. Подходимъ къ Мерву. Вотъ и вокзалъ! Сегодня воскресеніе, вблизи слышенъ благовѣстъ: это стоитъ у вокзала вагонъ съ походной церковью, который къ намъ прицѣпили. Тронулись. Поѣздъ мчится въ безлюдной Закаспійской степи; изрѣдка только попадаются кишлаки съ мусульманскимъ населеніемъ, а у насъ въ вагонѣ, на ходу поѣзда, раздаются родные церковные напѣвы! На слѣдующей станціи вагонъ-церковь отцѣпили.

Въ Чарджуѣ тѣ же традиціонные цвѣты и дастарханъ. Вотъ и Аму-Дарья. Въѣзжаемъ на мостъ; вода небольшая, я расхрабрилась и въ этотъ разъ съ незажмуренными глазами проѣхала мостъ.

29 Мая. Въ семь часовъ утра прибыли въ Кермине. Передъ вокзаломъ стоитъ бухарская кавалерія, облеченная въ красные бешметы казачьяго покроя, на головѣ огромная папаха съ синимъ верхомъ. Съ другой стороны станціи, на площади, разбита палатка Эмира, выѣхавшаго навстрѣчу мужу. Я совсѣмъ расклеилась отъ жары и оставалась въ вагонѣ, у входа котораго поставили пару бухарскихъ часовыхъ. Пришелъ меня развлекать бухарскій военный хоръ музыки. Стараній у него бездна, но каждый музыкантъ враждуетъ со своимъ инструментомъ и со своими товарищами; понятно, какая получается, благодаря этому, какофонія.

Никакъ нельзя отдѣлаться отъ бухарскихъ подарковъ. Слуги Эмира внесли мнѣ въ вагонъ вызолоченную большую вазу съ букетомъ цвѣтовъ, и золотой ларецъ, въ видѣ бухарскаго домика съ бахромой изъ драгоцѣнныхъ камней, а въ немъ роскошное ожерелье, серьги и кольца съ бриллiантами въ орѣхъ.

Послѣ взаимныхъ обычныхъ привѣтствій, Эмиръ пригласилъ мужа и его спутниковъ въ свою лѣтнюю резиденцію, находящуюся въ восьми верстахъ отъ вокзала. Онъ уѣхалъ раньше своихъ гостей, со скороходами. Спустя нѣсколько времени, мужъ отправился въ Кермине съ министромъ Диванъ-Беги, въ его

каретѣ, запряженной чудной парой вороныхъ рысаковъ; кучеръ съ громадной окладистой бородой—русскій. Свита мужа размѣстилась въ нѣсколькихъ колясках, запряженныхъ тройками. Когда всѣ уѣхали, бухарскіе солдаты предались сладкому отдохновенію, разлегшись въ тѣни на скамейкахъ, въ садикѣ передъ вокзаломъ. Я окончательно изжарилась, такъ какъ вагоны стояли на солнцепекѣ и стѣнки накалились до невозможности. Въ шестомъ часу наши вернулись и мы сейчасъ-же тронулись дальше.

Мужъ подробно разсказалъ мнѣ о своей поѣздкѣ въ Кермине. Ѣхать было хорошо; грунтовая дорога была обильно полита водою, иначе поднялись-бы такія облака пыли, что всѣ гости Эмира пріѣхали-бы трубочистами. Въ двухъ верстахъ отъ Кермине показалась густая зелень: это была долина Заравшана, роскошный оазисъ среди песковъ. Самый городокъ Кермине утопаетъ въ густыхъ садахъ. Улицы его ничѣмъ не напоминаютъ резиденцію монарха; низенькіе домики безъ всякой архитектуры; кривыя узкія улицы проведены безъ всякаго плана. „*Дворецъ*“ Эмира отличается отъ другихъ домовъ только величиною и присутствіемъ часовыхъ; онъ двухъэтажный, съ нѣсколькими флигелями, выкрашенными въ разные, совсѣмъ не гармонирующіе между собою, цвѣта. Ожидавшихъ увидѣть чудеса мусульманской архитектуры, постигло полное разочарованіе; никакого стиля, самый банальный провинціальный домъ. Эмиръ, побывавшій въ Россіи, уже недоволенъ своимъ „*палацио*“ и строитъ теперь новый громадный дворецъ въ индо-мавританскомъ стилѣ, недалеко отъ станціи „Новая Бухара“.

Внутренняя обстановка дворца въ Кермине вполнѣ соотвѣтствуетъ наружной. Должно быть, чудные бухарскіе ковры, бархаты и шелковыя ткани хранятся у Эмира гдѣ-то въ кладовыхъ. Всѣ комнаты набиты, если и не европейской дешевкой, то, во всякомъ случаѣ, дребеденью весьма сомнительнаго вкуса. Между разнымъ неинтереснымъ хламомъ попадаются красивыя и цѣнныя вещи: это подарки высокопоставленныхъ особъ. Во дворцѣ много также разныхъ техническихъ новинокъ, до которыхъ очень падки сыны Востока, но, къ сожалѣнію, отъ неумѣлаго обращенія, всѣ эти машины приведены въ полнѣйшую негодность. Тутъ и поломанные органы, охрипшія шарманки, музыкальные ящики, граммофоны, телефоны, фонографы и пр. и пр.

Никакихъ образцовъ драгоцѣнностей Эмира нигдѣ не выставлено, хотя говорятъ, что онѣ имѣются у него въ несмѣтномъ количествѣ. Такъ какъ династія Эмира царствуетъ уже много лѣтъ, то накопленныя его богатства не уступятъ, должно быть, сокровищамъ иного Индусскаго магараджа.

Въ большомъ залѣ былъ сервированъ обѣдъ. Вокругъ длиннаго стола усѣлись Эмиръ, мужъ, пять-шесть высшихъ бухарскихъ сановниковъ и около пятнадцати лицъ свиты мужа. Радушный хозяинъ видимо желалъ угостить своихъ гостей согласно ихъ европейскому вкусу; для этого случая былъ взятъ изъ одного изъ ближайшихъ желѣзнодорожныхъ буфетовъ русскій поваръ и нѣсколько оффиціантовъ во фракахъ, которые командовали прислугой Эмира. Обѣдъ состоялъ изъ нѣсколькихъ европейскихъ блюдъ и всевозможныхъ закусокъ, все что только можно было достать въ мѣстныхъ лавочкахъ.

Эмиръ, любящій блеснуть своимъ знаніемъ русскаго языка, произнесъ тостъ за Государя Императора, а потомъ за мужа, этимъ и было исчерпано все его познаніе русскаго языка; слѣдующія рѣчи произносились уже на придворномъ языкѣ всѣхъ южно-азіатскихъ монарховъ, — на персидскомъ. Языкъ этотъ играетъ такую-же роль въ Азіи, какъ у насъ французскій; онъ очень красивъ и богатъ. Рѣчи переводилъ В. О. Клеммъ, дипломатическій чиновникъ, состоявшій при мужѣ. Въ произнесенныхъ спичахъ постоянно слышались слова: „*Шерифъ Бухуру*", что означаетъ „Благородная Бухара"—такой-же оффиціальный эпитетъ Бухары, какъ напримѣръ „Блистательная Порта" для Турціи. Вино разливалось только гостямъ, Эмиръ и остальные мусульмане, согласно велѣнію корана, пили только лимонадъ. Обѣдъ окончился чернымъ кофе, поданнымъ совсѣмъ не „*à la turca*". Еще немного поговорили и гости уѣхали на вокзалъ.

Мы засвѣтло прибыли въ Самаркандъ. Здѣсь опять была большая встрѣча, привѣтственныя рѣчи, букеты, — все какъ всегда. Начальница Маріинскаго училища передала мнѣ работу воспитанницъ,—вышитую скатерть. Вокзалъ скоро освѣтился огнями разноцвѣтныхъ фонарей, у подъѣзда забилъ фонтанъ вдвое выше вокзала,—феерично!

30 Мая. Въ половинѣ двѣнадцатаго утра поѣздъ нашъ приближался къ Ташкенту. Въ сѣрой провинціальной жизни

пріѣздъ и отъѣздъ главнаго начальника края большое событіе и развлеченіе. Не успѣли мы еще подойти къ вокзалу, какъ наши вагоны были окружены толпою любопытныхъ. Вся платформа залита элегантной публикой. Поклоны—цвѣты, привѣтствія—цвѣты, рукопожатія—цвѣты. Цвѣты, цвѣты, цвѣтовъ безъ конца! Съ особенно роскошнымъ букетомъ стоялъ посреди всѣхъ Великій Князь; цвѣты его перевязаны лентой песочнаго цвѣта,—эмблема Голодной Степи. Съ трудомъ пробились мы черезъ нарядную, веселую толпу и вышли на крыльцо подъѣзда. Какъ я ни привыкла къ подобнымъ торжествамъ и, по правдѣ сказать, какъ онѣ мнѣ не по сердцу, а все-же картина, открывшаяся передъ нами, была дѣйствительно великолѣпна. Вся большая площадь передъ вокзаломъ представляла цѣлое море, переливающееся всѣми цвѣтами радуги: это были туземцы въ праздничныхъ халатахъ всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; словно пѣна на волнахъ бѣлѣли ихъ чалмы. Вдали, какъ чудная декорація, зеленѣли пышныя деревья и все это залито ослѣпительными лучами, льющимися какъ будто не изъ солнца, а изъ всего лазурнаго неба, такого неба, которое можно видѣть только въ Египтѣ или въ южной Италіи. Ни малѣйшаго дуновенія вѣтра, жарко до невозможности, но зато, какъ ярко и рельефно выступаютъ всѣ цвѣта и контуры! Эффектнымъ контрастомъ среди этой оргіи цвѣтовъ представляли одинаково обмундированныя и въ шнуръ вытянутыя шпалерами войска.

Еще рукопожатія; наконецъ мы усѣлись въ экипажъ. Раздалась команда по войскамъ, заиграли въ разныхъ мѣстахъ военные хоры. Туземцы-музыканты также зарычали въ гигантскія мѣдныя трубы, около сажени длиною, подъ названіемъ „*карнай*". Въ эти убійственные инструменты сарты обыкновенно оповѣщаютъ населенію о началѣ разныхъ празднествъ и торжествъ, поднявъ ихъ высоко къ небу. Звуки изъ этихъ Іерихонскихъ трубъ выходятъ дикіе, звѣриные; мнѣ даже страшно стало, я боялась, какъ-бы лошади не испугались и не понесли. За нашей коляской скачетъ лихая конвойная сотня и масса туземной знати, а за ними тянется безконечный рядъ экипажей. Весь Ташкентъ на улицѣ, надо было ежеминутно раскланиваться.

Проѣзжаемъ нѣсколькими широкими аллеями и останавливаемся въ Константиновскомъ скверѣ. Здѣсь возвышалась

импровизированная тріумфальная арка, обвитая зеленью и цвѣтами. На сооруженномъ щитѣ изображены наши вензеля.

На вокзалѣ насъ встрѣчали преимущественно дамы и мѣстное общество, а здѣсь былъ на лицо весь оффиціальный Ташкентъ. Сама природа помогла человѣку создать тутъ какъ-бы идеальный дворецъ для торжественныхъ пріемовъ, только вмѣсто стѣнъ здѣсь деревья, огромные шарообразные „карагачи“, съ листвою непроницаемой ни для одного солнечнаго луча. Все кругомъ застлано коврами, въ серединѣ сквера разбитъ громадный шатеръ изъ ковровъ и туземныхъ матерій. Въ шатрѣ всевозможныя угощенія и шампанское. У входа встрѣтилъ насъ весь составъ думы и городской управы, имѣя во главѣ начальника города полковника Ладыженскаго, который поднесъ мужу хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, а мнѣ чудный букетъ. Ладыженскій привѣтствовалъ мужа, какъ перваго *гражданина* города Ташкента; онъ подчеркнулъ, между прочимъ, въ своей рѣчи, что до сихъ поръ Ташкентъ никогда еще никого не избиралъ своимъ „*почетнымъ гражданиномъ*“. Затѣмъ, подымая бокалъ за мое здоровье, онъ сказалъ: „Законъ не признаетъ *почетныхъ гражданокъ*, но Вы все равно одинаково для насъ дороги—ура!“.—„Ура, ура!“ подхватили со всѣхъ сторонъ,—и мнѣ ужасно неловко стало. Послѣ привѣтствій гласныхъ, подходили съ хлѣбомъ-солью депутаціи разныхъ обществъ и сословій; тутъ были и туземцы, и индусы, и евреи, были русскіе заводчики, купцы и ремесленники. Среди всей этой почтенной публики, красиво выдѣлялись группы учащихся. Выставлены были гимназистки въ праздничныхъ бѣлыхъ передникахъ, осыпавшія мой путь цвѣтами; дальше стояли ученики обѣихъ гимназій, а еще дальше—городскія школы и пріюты. Пока мужъ обращался къ представителямъ военнаго и гражданскаго вѣдомства и передавалъ офицерамъ высочайшій привѣтъ Государя, дамы закидывали меня вопросами о нашемъ путешествіи и сообщали важнѣйшія мѣстныя новости. Когда мужъ вернулся ко мнѣ, онъ еще разъ поблагодарилъ присутствующихъ, отъ своего и моего имени, за въ высшей степени радушную встрѣчу.

Отъ сквера мы поѣхали по Соборной улицѣ. Здѣсь магазины были богато украшены коврами, флагами и широкими кусками

матеріи русскихъ національныхъ цвѣтовъ. На панеляхъ густо толпился народъ. Остановились мы у собора, гдѣ насъ ожидала большая толпа. Вышедшій на встрѣчу отецъ Богородецкій привѣтствовалъ насъ съ возвращеніемъ, затѣмъ былъ отслуженъ молебенъ одиннадцатью священниками и тремя дьяконами.

До нашего дома дошли мы пѣшкомъ. У подъѣзда стоялъ почетный караулъ. На крыльцѣ привѣтствовалъ меня нашъ главный садовникъ съ букетомъ, и поваръ съ цвѣточной лирой, мастерски сооруженной изъ свеклы и моркови. При входѣ въ домъ, насъ опять встрѣтилъ Великій Князь и выразилъ мнѣ свое удовольствіе по поводу того, что изъ всей массы полученныхъ цвѣтовъ, я вошла въ домъ съ его букетомъ.

Весь этотъ день прошелъ, какъ красивая феерія. Да, новый начальникъ города, Ладыженскій,—большой мастеръ устраивать торжественныя встрѣчи! Какъ жаль, что я не могла видѣть всего этого со стороны, простой зрительницей, вмѣсто того, чтобы быть центромъ всеобщаго вниманія! Вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминованъ, но я уже этого не видѣла, такъ какъ рано легла; ужъ очень утомилась обиліемъ впечатлѣній.

Не успѣла еще наша жизнь войти въ обычную колею, какъ пришлось намъ принимать многочисленныхъ путешественниковъ-туристовъ. Сезонъ иностранцевъ въ полномъ разгарѣ. Между прочими, съ далекаго сѣвера пріѣзжалъ справлять свой медовый мѣсяцъ шведъ Langlet, кандидатъ философіи Лундскаго университета, со своей хорошенькой женой. Знаменитый шведскій изслѣдователь Памира, Свенъ-Гединъ, проѣзжая черезъ Ташкентъ, былъ у меня съ визитомъ. Онъ говоритъ свободно на дюжинѣ языковъ, въ томъ числѣ, и на русскомъ. Проѣзжалъ также черезъ Ташкентъ англійскій полковникъ Mac Swiney, только что назначенный въ Индію командиромъ перваго Бенгальскаго полка. Другой англичанинъ, Pawell, пріѣхалъ сюда изъ Багдада. Онъ желаетъ лично испытать кратчайшую дорогу изъ Индіи въ Лондонъ (путь будущаго). Теперь-же англичанамъ приходится ѣхать кружнымъ путемъ, черезъ Бриндизи и Суэцкій каналъ, не менѣе трехъ недѣль. Когда-же будутъ соединены индійскія желѣзныя дороги съ русскими, то все путешествіе возьметъ не болѣе восьми дней; всего не хватаетъ какихъ-

нибудь 40 километровъ, но провести ихъ пока мѣшаютъ соображенія высшей политики. M-r Pawell прожилъ одну зиму въ Москвѣ, изучалъ русскій языкъ, который такъ трудно дается иностранцамъ; тѣмъ не менѣе, среди английскихъ офицеровъ въ Индіи многіе знаютъ русскій языкъ. Какъ жаль, что нельзя сказать того-же про нашихъ Туркестанскихъ офицеровъ, которые, несмотря на долголѣтнее пребываніе въ краѣ, не говорятъ ни на туземныхъ языкахъ, ни на языкѣ сосѣднихъ народовъ. Недавно только учреждены курсы языка *индустани,* или такъ называемый „*урду*", на которомъ говорятъ индусскіе интеллигенты, но преподаетъ его офицеръ, никогда не бывавшій въ Индіи. Есть надежда, что со временемъ сформируется штатъ преподавателей, знающихъ этотъ языкъ и практически, и теоретически.

Былъ у насъ также молодой французскій академикъ St. Yves, ѣдущій въ Тибетъ на два года для изслѣдованія озера Куку-Норъ, и агличанинъ Wilson, пріѣхавшій въ Ташкентъ, чтобы изучить мѣстную систему орошенія. Большинство земель въ Туркестанѣ, такъ-же, какъ и въ Индіи, представляли-бы настоящій рай земной, еслибъ не одно обстоятельство, а именно то, что въ нихъ нѣтъ ни одной капли воды. Понятно, что и жители и правительство стараются всячески провести воду; гдѣ только можно, пользуются хотя-бы вдали протекающей рѣкой, а гдѣ ея нѣтъ, тамъ роютъ артезіанскіе колодцы, но въ такихъ мѣстностяхъ подземная вода лежитъ очень глубоко и рыть приходится ужасно долго.

Англичане вообще чрезвычайно интересуются Туркестаномъ. Вотъ что я прочитала въ Лондонской газетѣ „Daily Chronicle". „Всякому английскому офицеру, которому знакомы задачи азіатской политики, должно быть ясно, какое громадное значеніе имѣетъ централизація русскихъ силъ въ Азіи. Въ настоящее время 60.000 человѣкъ объединены подъ начальствомъ одного лица, стоящаго на стражѣ русскихъ интересовъ. Послѣ генерала Куропаткина, самымъ способнымъ генераломъ на русской службѣ является именно это лицо—генералъ Духовской".

По разнымъ политическимъ соображеніямъ, путешествія неизвѣстныхъ иностранцевъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Туркестана нежелательны, и потому приходится туристамъ испрашивать разрѣшеніе на проѣздъ. Англійское посольство въ Петербургѣ отъ времени до времени хлопочетъ о разрѣшеніи проѣхать черезъ запретные края тому или другому англичанину. Изъ вниманія къ болѣе или менѣе именитому путешественнику, приставляется къ нему одинъ или два офицера, для неотлучнаго его сопровожденія, совершенно такъ-же, какъ русскіе офицеры въ Индіи всегда сопровождаются эскортомъ для личной безопасности. Долгъ платежомъ красенъ.

Случилось, что всѣ эти иностранцы съѣхались въ одно время и были приглашены къ намъ къ обѣду, который академикъ St. Yves назвалъ „Un dîner cosmopolite". Послѣ обѣда вся компанія перешла въ фантастически иллюминованный садъ, гдѣ была устроена „*тамаша*" (мѣстный дивертисментъ), съ главной приманкой—танцами „бачей". На Востокѣ женщины изъяты изъ участія въ публичныхъ представленіяхъ; въ театрахъ всѣ женскія роли исполняются мужчинами. Дворы средне-азіатскихъ и индусскихъ князьковъ щеголяютъ одинъ передъ другимъ труппами женоподобныхъ мальчиковъ (бачей), наряженныхъ въ роскошные шелковые костюмы, съ длинными волосами, заплетенными въ многочисленныя косички со множествомъ украшеній. Въ Ташкентѣ, за неимѣніемъ настоящихъ бачей, танцы ихъ исполнялись пожилыми, даже сѣдовласыми мужчинами, между которыми было только два подростка въ бѣлыхъ коленкоровыхъ юбкахъ и тяжелыхъ, неуклюжихъ сапожищахъ, давно не имѣвшихъ никакого общенія съ ваксой. Сарты-музыканты сѣли на корточки и стали поколачивать палочками струны оригинальнаго инструмента въ родѣ цитры. Бачи сначала тихо прохаживались по разостланному ковру, покачивая корпусомъ и вздрагивая плечами, какъ наши хоровыя цыганки, потомъ они медленно стали кружиться на одномъ мѣстѣ. Музыканты постепенно ускоряли темпъ, и подростки-бачи завертѣлись волчкомъ, пока товарищи ихъ били въ тактъ въ ладоши, затѣмъ туземцы-трубачи съ невыразимымъ бѣшенствомъ затрубили въ свои саженныя іерихонскія трубы, и подъ звуки этой дикой музыки танецъ бачей перешелъ въ стремительный; начался какой-то сатанинскій плясъ. Это былъ не танецъ, а какіе-то полу-акробатическіе, полу-шутовскіе прыжки. Зрѣлище было прямо-таки некрасиво, тѣмъ не менѣе окружающая бачей

густая толпа туземцевъ, пущенная въ садъ, захлебывалась отъ восторга.

Дирекція Московскаго зоологическаго сада, взамѣнъ подаренныхъ мужемъ нѣсколькихъ образцовъ мѣстныхъ звѣрей, прислала мнѣ въ подарокъ два зеленыхъ попугая, возбуждающихъ сильную ревность моего „попки". Изъ Голодной степи привезли мнѣ десятокъ громадныхъ черепахъ. Хотя, на первый взглядъ, никакому живому существу въ Голодной степи нечѣмъ питаться, тѣмъ не менѣе въ ней водятся въ большомъ количествѣ всякіе пресмыкающіеся.

Звѣринецъ нашъ въ саду все увеличивается; охотникъ сартъ привелъ мнѣ дикую лошадь, пойманную въ горахъ, буланой масти, съ широкой черной полосой на спинѣ, какъ у зебра, и съ ослинными ушами. Ученые назвали эту породу лошадей „лошадью Пржевальскаго" (знаменитаго путешественника по Средней Азіи), а здѣсь называютъ ихъ „кулонами". Нашего кулона тащили въ садъ на арканѣ, причемъ онъ отчаянно брыкался. Помѣстили его вмѣстѣ съ оленями и дали ему въ супруги ослицу. Ослы въ Туркестанѣ очень дешевы; можно купить самаго лучшаго осла за двѣнадцать рублей, а обыкновеннаго рабочаго—за четыре рубля.

Мужу прибавилось еще работы. Съ 1 Іюля къ Туркестану присоединены бывшія самостоятельныя области—Закаспійская и Семирѣчинская. Такимъ образомъ территорія Туркестанскаго генералъ-губернаторства увеличилась почти вдвое.

У меня также прибавилось дѣла. Просятъ меня быть предсѣдательницей общины сестеръ милосердія; съ этимъ приглашеніемъ явились ко мнѣ депутаціи сестеръ милосердія, докторовъ и женщинъ-врачей.

На одномъ изъ нашихъ засѣданій благотворительнаго общества обсуждалось устройство въ Ташкентѣ мусульманской богадѣльни. Присутствовало нѣсколько „кази"—судьи туземнаго населенія. Двое изъ нихъ изъ-за чего-то не поладили и на своемъ непонятномъ нарѣчіи, какъ адвокатъ съ прокуроромъ, сражались въ словесномъ состязаніи. Учреждается здѣсь новое общество „Красной Звѣзды". Мусульманамъ нельзя, по религіознымъ соображеніямъ, присоединиться къ Красному Кресту, вотъ они и придумали себѣ „Красную Звѣзду".

Въ аулѣ Махау, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ташкента находится въ настоящее время 59 прокаженныхъ. Одинъ изъ адъютантовъ мужа, посѣтивъ этотъ аулъ, засталъ тамъ только десять прокаженныхъ. По наведеннымъ справкамъ, оказалось, что остальные больные преспокойно нищенствовали на улицахъ Ташкента. По приказанію мужа, они скоро были водворены восвояси. Готовится къ печати литературный сборникъ въ пользу этихъ несчастныхъ отверженныхъ. Я дала туда отрывокъ изъ „Моихъ Воспоминаній", а именно: переѣздъ черезъ Великій океанъ, изъ Санъ-Франциско въ Іокохаму.

7. Снова въ Питеръ.

Стала я готовиться къ отъѣзду въ Петербургъ. Пользуюсь опять служебной поѣздкой мужа въ Закаспійскую Область для того, чтобы хоть часть пути проѣхать подъ его крылышкомъ. Вернусь этотъ разъ въ Ташкентъ поздно осенью.

10 Августа. На вокзалѣ, по обыкновенію, собралось много публики. Я получила такую массу букетовъ, что у адъютантовъ не хватило рукъ держать ихъ. Одна изъ дамъ-членовъ редакціоннаго комитета нашего Туркестанскаго сборника въ пользу прокаженныхъ вручила мнѣ букетъ отъ комитета, съ очень талантливо написаннымъ ею мотивомъ: на бѣлой лентѣ сидитъ ласточка на телеграфной проволокѣ а сбоку надпись: „Revenez!" и подпись всѣхъ участвующихъ въ сборникѣ.

11 Августа. Очень жарко и очень пыльно; къ довершенію всѣхъ прелестей, цѣлый легіонъ голодныхъ мухъ набрасывается на насъ. Въ поѣздѣ новинка—вагонъ-купальня. Это, собственно говоря, громадная бочка съ довольно примитивнымъ душемъ, но въ такое пекло и за то спасибо.

12 Августа. Видѣла сегодня миражъ: на горизонтѣ обрисовалась вода, а вокругъ нѣсколько деревьевъ. Въ степи, въ ясную погоду, это часто наблюдается, но миражи показываются исключительно въ видѣ воды, никакихъ нѣтъ городовъ, замковъ, движущихся отрядовъ войскъ и тому подобныхъ плодовъ фантазіи, описываемыхъ нѣкоторыми путешественниками. Умирающему отъ жажды каравану видъ этой, какъ-бы близкой, воды долженъ заставлять испытывать муки Тантала.

13 Августа. Вчера въ Асхабадѣ вагонъ мужа отцѣпили. Утромъ я увидѣло море, а около восьми часовъ подошли мы къ Красноводску. Придется простоять здѣсь сутки, въ ожиданіи парохода. Вагонъ мой поставили вблизи вокзала. Ѣсть адски хочется, а мнѣ, вмѣсто хлѣба, подаютъ все цвѣты. Обѣдъ на вокзалѣ былъ готовъ лишь въ четыре часа, а въ пять меня перевезли къ пристани, гдѣ мы и переночуемъ. Полицеймейстеръ назначилъ караулъ у моего вагона.

Кругомъ тишина, слышатся лишь мѣрные всплески воды о берегъ. Этотъ монотонный звукъ навѣвалъ на меня дремоту и я скоро уснула, убаюкиваемая шепотомъ легкой морской зыби.

14 Августа. Проснулась на зарѣ. Предразсвѣтная роса бѣловатымъ туманомъ разстилалась вокругъ; слышно, гдѣ-то вдали, перекликаются пѣтухи. Въ семь часовъ утра пересѣли мы на пароходъ „Цесаревичъ", на которомъ мнѣ отвели общую дамскую каюту. Очень удобно я устроилась, а погода какая—прелесть! Море, какъ зеркало, легкій вѣтерокъ залетаетъ въ каюту и колышетъ кисейныя занавѣски. Вечеромъ я поднялась на палубу. На темномъ небѣ ярко сверкаютъ звѣзды, луна во всемъ блескѣ сіяетъ надъ моремъ, а влажный вѣтерокъ такъ пріятно обвѣваетъ мнѣ лицо.

15 Августа. Погода испортилась. Тяжелыя черныя тучи нависли надъ бушующимъ моремъ; вѣтеръ все усиливается, разводя большое волненіе; волны подымаются, какъ стѣны. Потрепало таки насъ порядочно! Нѣтъ, рѣшительно мнѣ не везетъ на морѣ! Стоитъ мнѣ только вступить на пароходъ, чтобы самая расчудесная погода вдругъ перемѣнилась, не взирая даже на наилучшія обѣщанія барометра.

Мы пришли въ Петровскъ съ большимъ опозданіемъ. Вагонъ даютъ мнѣ до самаго Петербурга, и прицѣпляютъ его къ почтовому поѣзду. Надѣюсь, что этотъ разъ не будетъ никакой скучной проволочки въ дорогѣ.

8. Опять назадъ въ Ташкентъ.

Не долго пробыла я этотъ разъ въ Петербургѣ, всего лишь мѣсяцъ. Опять стала испытывать скуку одиночества и потянуло меня сильно къ муженьку. Подумала день, подумала два, и,

вмѣстѣ съ моей матерью, живо помчалась обратно въ Ташкентъ. Министръ путей сообщеній, князь Хилковъ, любезно предоставилъ намъ вагонъ прямого сообщенія до Петровска. Морской переѣздъ, къ великому моему удивленію и удовольствію, былъ также вполнѣ благопріятенъ; на этотъ разъ Нептунъ смилостивился, да и морю, должно быть, надоѣло показывать мнѣ свой гнѣвъ. Погода была удивительная, ни разу не качнуло.

27-го сентября мы пріѣхали въ Ташкентъ. Встрѣча была по обыкновенію самая сердечная, и произвела большое впечатлѣніе на маму.

Въ первый разъ за время нашего пребыванія въ Ташкентѣ у насъ въ домѣ картежъ. Устраиваемъ для мамы ежедневно карточные вечера. Любителей игры въ винтъ оказывается хоть отбавляй, и мамѣ пришлось переиграть почти со всѣми Ташкентскими винтерами. Въ воспоминаніе этихъ боевыхъ вечеровъ партнеры мамы поднесли ей суконную зеленую скатерть съ ихъ вышитыми автографами. Вначалѣ и меня было засадили играть въ карты, но послѣ перваго робера я украдкой уже начинала поглядывать на стѣнные часы, борясь противъ отчаянной зѣвоты, а лицо мое выражало одно желаніе—спать. На меня безнадежно махнули рукой и оставили въ покоѣ.

Метеоромъ въ Ташкентѣ появился министръ путей сообщеній, князь Хилковъ, съ супругой и компаніей друзей. Въ теченіи своихъ нѣсколькихъ часовъ пребыванія, Хилковы успѣли посѣтить лотерею-аллегри, устроенную въ общественномъ саду, и въ эту-же ночь они умчались обратно въ Питеръ.

Генералъ Тутолминъ, помощникъ главнаго инспектора кавалеріи, окончивъ двухнедѣльную ревизію кавалерійскихъ частей въ нашемъ краѣ, со своими спутниками, блестящими кавалерійскими офицерами, пріѣхалъ погостить къ намъ на нѣсколько дней. Мужъ былъ особенно доволенъ этому визиту, такъ какъ онъ съ Тутолминымъ товарищи по первому кадетскому корпусу. Такъ пріятно на закатѣ карьеры вспоминать начало службы и весь пройденный путь! Всеобщее вниманіе Ташкента привлекъ одинъ изъ спутниковъ Тутолмина—принцъ Хаиме Бурбонскій, корнетъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, сынъ Донъ Карлоса. Принцъ этотъ—претендентъ на испанскій престолъ,

но онъ совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія человѣка, черезъ чуръ ужъ озабоченнаго тяжестью и отвѣтственностью ожидающей его короны. Донъ Хаиме очень изященъ и породистъ; онъ привыкъ, повидимому, въ ожиданіи будущихъ историческихъ побѣдъ, покорять не особенно сопротивляющіяся женскія сердца. Видѣлъ онъ много на своемъ вѣку, не смотря на свои молодые годы. Принцъ собесѣдникъ очень интересный. Разсказалъ онъ мнѣ, между прочимъ, что какая-то цыганка предсказала ему три вещи: крупный выигрышъ, рану на войнѣ и королевскую корону. Изъ этихъ пророчествъ пока только сбылось первое; онъ выигралъ недавно 200.000 рублей. Теперь очередь за остальными.

Устроила я прогулку на велосипедахъ съ пріѣзжими офицерами, и совсѣмъ замучила своихъ кавалеровъ, не привыкшихъ къ моціону въ такую адскую жару; они еле-еле за мной поспѣвали и въ душѣ своей навѣрно меня проклинали. Пробывъ пять дней, гости наши покинули Ташкентъ.

По какому-то особенно важному случаю Эмиръ прислалъ къ мужу посольство. Остановилось оно въ домѣ, принадлежавшемъ бухарскому правительству. Бухарцы не могли нигдѣ показываться до представленія мужу. Въ назначенный часъ для пріема депутаціи, ко мнѣ пріѣхало много дамъ мѣстнаго общества. Въ два часа прибыло посольство. Бухарскіе сановники были одѣты въ роскошные халаты; они, очевидно, послушались добрыхъ совѣтовъ и на этотъ разъ, вмѣсто богатыхъ, но для насъ не представляющихъ никакого интереса французскихъ шелковыхъ матерій, ихъ одежда была сшита изъ оригинальныхъ бухарскихъ тканей. Бѣлыя чалмы покрывали ихъ бритыя головы; чалмы эти составляли предметъ особеннаго щегольства посланцевъ. Главнымъ достоинствомъ ихъ считается тонкость матеріи; богатый бухарецъ съумѣетъ намотать на свою голову шестьдесятъ аршинъ матеріи, а на видъ кажется, что ее не болѣе одного аршина. Иная чалма стоитъ сотни рублей, столько-же, сколько настоящій мексиканскій „Sombrero", или рисовая „panama". Прежде особенно тонкія чалмы привозились изъ Индіи, а теперь ихъ стали дѣлать на Московскихъ мануфактурахъ.

Послѣ оффиціальнаго пріема у мужа, бухарцевъ привели ко мнѣ въ красную гостинную. Не смотря на то, что бухарцамъ,

какъ и всѣмъ вообще мусульманамъ, не приходится вести со своими женщинами-затворницами свѣтской болтовни, посолъ Астанакулъ-Диванъ-Беги повелъ разговоръ съ легкостью свѣтскаго кавалера; другіе-же два сановника все время зѣло молчали. Потомъ всѣ мы перешли въ зимній садъ, гдѣ былъ приготовленъ *дастарханъ*. Въ заключеніе посольство поднесло намъ подарки. Эмиръ въ этотъ разъ пожелалъ блеснуть особеннымъ великолѣпіемъ своихъ подношеній, не смотря на то, что ему было сообщено, что подарки эти совсѣмъ не вяжутся съ нашими понятіями объ управленіи краемъ, а потому вовсе не желательны. Пока пословъ угощали *дастарханомъ*, двѣнадцать бухарскихъ слугъ раскладывали подарки по всей громадной верандѣ, и когда мы туда перешли, они, на подобіе древнихъ рабовъ, стояли среди разбросанныхъ богатствъ. Тутъ были и роскошные ковры, и дивно тканныя матеріи, парчевые и бархатные халаты. Особенно бросались въ глаза кинжалы и шашки, усыпанные драгоцѣнными камнями, а также золотая и серебренная восточная посуда. На столахъ, въ оригинальныхъ бархатныхъ футлярахъ, были разложены драгоцѣнности: серьги, кольца, пояса, ожерелья съ крупными брилліантами, жемчугомъ и бирюзой; все это въ своеобразной туземной оправѣ.

Въ этотъ-же день мужъ чествовалъ бухарцевъ большимъ параднымъ обѣдомъ, на которомъ было двѣсти человѣкъ приглашенныхъ. Посаженные въ саду музыканты играли туши; шампанское лилось рѣкой. Сосѣдями моими были бухарскіе сановники, которые много ѣли, и много молчали. Я дѣлала нечеловѣческія усилія, чтобы вовлечь ихъ въ разговоръ, но они ничего не понимали и пришлось объясняться пантоминами.

Вечеромъ у насъ была генеральная репетиція концерта, устраиваемаго благотворительнымъ обществомъ, въ которомъ я согласилась принять участіе. Залъ былъ наполненъ учениками и ученицами гимназій.

Въ день концерта я съ самаго утра была въ приподнятомъ, тревожномъ настроеніи; нечего грѣха таить,—боялась-таки порядочно, хотя я и храбраго десятка; передъ выходомъ должна была даже прибѣгнуть къ успокоительнымъ каплямъ. Съ ощущеніемъ человѣка, собирающагося лѣзть въ холодную воду, я рѣшительно вошла на эстраду, но, тѣмъ не менѣе, сконфузилась самымъ

позорнымъ образомъ, и почувствовала въ первую минуту сильнѣйшее желаніе удрать поскорѣй съ этой страшной эстрады. Я превозмогла свой страхъ и начала играть на концертино, забывъ совсѣмъ, что передо мной многочисленная публика. По окончаніи моего номера, раздались шумные апплодисменты, и стали безконечно кричать „бисъ". Но все это только лавры изъ *зеленой бумаги;* я тайно жаждала другихъ лавръ—настоящихъ, желала успѣха среди другой, менѣе пристрастной публики, на эстрадѣ другого концерта, не дилетантскаго. Въ честь Бухарскаго посольства я надѣла, въ первый разъ, подаренное мнѣ Эмиромъ въ Петербургѣ массивное ожерелье; хорошо, что я играла а не пѣла, такъ какъ, съ такой тяжестью, изъ меня ни одной ноты нельзя было бы выжать. Концертъ этотъ далъ чистаго сбора 1.300 рублей. Всѣ дамы, которыя принимали въ немъ участіе, въ томъ числѣ и я, получили букеты, обвитые бѣлыми лентами съ изображеніемъ Краснаго Креста.

Во время пребыванія бухарскаго посольства въ Ташкентѣ было устроено нѣсколько общественныхъ увеселеній. Посольство присутствовало на большомъ дѣтскомъ праздникѣ, устроенномъ на открытомъ воздухѣ на Соборной площади, передъ нашимъ домомъ. Главнымъ образомъ, имѣлось въ виду привлечь къ этому празднику побольше туземныхъ ребятишекъ. Кромѣ очень немногочисленныхъ просвѣщенныхъ туземцевъ, вся темная масса населенія воспитываетъ дѣтей въ страхѣ передъ всѣмъ русскимъ, вотъ и хотѣлось приласкать сартенковъ и убѣдить ихъ, что русскіе совсѣмъ ужъ не такъ страшны. Были устроены всевозможныя игры и состязанія; на первомъ планѣ происходила раздача игрушекъ и сластей. Интересно было наблюдать, какъ постепенно недовѣріе на дѣтскихъ личикахъ смѣнялось, сначала недоумѣніемъ, а потомъ радостнымъ веселіемъ. Дѣтишки уходили съ празднества совершенно довольные. и вѣроятно, въ душѣ многихъ изъ нихъ, запало въ этотъ день сѣмя дружелюбнаго чувства къ русскимъ.

На слѣдующій день было открытіе въ городскомъ саду Туркестанской сельско-хозяйственной выставки. Цѣль ея была собрать все, что только производитъ Туркестанъ. Тутъ были всевозможные фрукты, цвѣты, сѣмена, консервы, конфекты, шелководство, домашнія животныя и пр. и пр. Особенное вниманіе

обращали гигантскаго размѣра фрукты. Если здѣсь не было „*Крыловскаго огурца*", то были феноменальные арбузы, вѣсившіе полтора пуда. Въ числѣ разныхъ диковинокъ выставлено чудовище, водящееся въ купальняхъ, имѣющихся почти въ каждомъ Ташкентскомъ домѣ. Чудовище это почти не замѣтно въ водѣ, такъ какъ оно полупрозрачно,—вродѣ желе. Фу, гадость! Это что-то среднее между скорпіономъ и каракатицей, величиной въ большой кулакъ. Было также выставлено много ядовитыхъ насѣкомыхъ, которыми изобилуетъ Туркестанъ: всевозможные скорпіоны, фаланги, пауки. Между этими послѣдними особенно отвратителенъ небольшой черный паучокъ „*каракуртъ*", водящійся въ изобиліи въ Голодной Степи; онъ очень опасенъ, укусъ его смертеленъ.

Музыка процвѣтаетъ въ Ташкентѣ если не качествомъ, то количествомъ. Съ наступленіемъ вечера со всѣхъ сторонъ слышатся звуки оркестровъ, играющихъ въ разныхъ увеселительныхъ садахъ и собраніяхъ. Пріѣхала концертировать А. А. Каверъ, ученица моей двоюродной сестры В. М. Ипполитовой-Ивановой, жены директора Московской консерваторіи. У А. А. Каверъ удивительно красивое „mezzo-soprano". Концерты ея прошли съ большимъ успѣхомъ. Она часто бывала у насъ и я распѣвала съ нею дуэты.

Сильно пожелтѣлъ нашъ садъ. Съ деревьевъ падаютъ, съ глухимъ шумомъ, свернувшіеся листья и покрываютъ желтымъ ковромъ дорожки. Скоро и осень прошла. Наступили сумрачные зимніе дни, выпало масса снѣга; деревья въ саду гнутся подъ тяжестью нависшихъ на ихъ вѣтвяхъ снѣжныхъ хлопьевъ.

Мужъ съ утра до ночи занятъ своей службой. И у меня дѣла хоть отбавляй; приходится объединять общество, а также много хлопотать по части благотворительности. Въ домѣ теперь идетъ горячка: приготавливаются къ балу-аллегри, назначенный на второй день Рождества. Магазины и разныя частныя лица присылаютъ массу вещей для розыгрыша. Аллегри и балъ удались на славу. Около девяти часовъ начали съѣзжаться гости. Въ началѣ вечера, приглашенныя дамы продавали безвыигрышные билеты, фрукты, чай, шампанское. Мой столъ живо былъ распроданъ. Въ 12 часовъ начались танцы; во время котильона весь паркетъ покрылся „конфетти" и разноцвѣтными

бумажками. Меня усиленно приглашали танцовать, но я всячески отбояривалась.

На новый годъ прибыло къ намъ нѣсколько десятковъ масокъ, въ красныхъ домино, увѣшанныхъ бубенчиками. Протанцовавъ какой-то фантастическій танецъ, ряженные сняли домино и маски, и нашимъ глазамъ представился цѣлый кортежъ лицъ въ роскошныхъ костюмахъ. Въ первой парѣ шла красавица „*Клеопатра*“ (Ц. П. Хржановская, жена военнаго судьи) подъ руку съ кавалеромъ въ красномъ фракѣ „Fin de siècle“ (адъютантъ мужа Гейманъ). Тутъ были и римляне въ тогахъ, и гречанки въ хитонахъ, рыцари, мушкетеры, арлекины, японки, китаянки и пр. и пр. Ужасно смѣшилъ всѣхъ адъютантъ мужа—Родственный; взобравшись на ходуляхъ до самаго потолка, онъ изображалъ громадную красную куклу. Оживленіе было большое; одни танцовали, другіе интриговали или занимались флиртомъ. Въ одномъ углу зала вдругъ выросла будка, въ которой старый чародѣй сталъ торговать, съ публичнаго торга, курьезными объявленіями на злобу Ташкентскихъ дней. Предлагалъ онъ, между прочимъ, *десять тысячъ рублей* за женскую вѣрность. (А за мужскую, сколько надо было предлагать—спрашивается?!) Если кто поддавался на удочку колдуна и подходилъ къ окошечку будки, его обдавали струей духовъ изъ огромнаго пульверизатора. За ужиномъ пили, чокались и веселились отъ души. Баумгартенъ привсталъ съ бокаломъ шампанскаго: „За здоровье нашей молодой генералъ-губернаторши!“ крикнулъ онъ. „Ура! Ура!“ закричали всѣ, и стали со мною чокаться. Въ промежуткѣ между танцами, по общему желанію, извѣстный Ташкентскій художникъ-фотографъ — Николаи, снялъ группу костюмированныхъ, при свѣтѣ магніи; и меня упросили сѣсть между ними. Свѣтало уже, когда начали разъѣзжаться.

Музыкальный кружокъ „Лира“ устроилъ очень интересный концертъ. Въ большомъ залѣ Общественнаго Собранія была импровизирована для насъ ложа, убранная коврами, въ которую мы пригласили Великаго Князя. Въ антрактѣ депутація отъ „Лиры“ поднесла мнѣ золотой жетонъ, изображающій лиру.

Видъ мужа начинаетъ меня тревожить; здоровье его совсѣмъ расшаталось. Утомился онъ чрезмѣрными занятіями, а отдохнуть не желаетъ, хотя смѣло могъ бы, такъ какъ его рабочій

день продолжается 16—17 часовъ. Да и работникъ работнику рознь: иной свои часы добросовѣстно отрабатываетъ, а вечеркомъ про все забудетъ, пойдетъ себѣ въ клубъ, поиграетъ въ картишки, поужинаетъ, но мой мужъ не таковъ,—слишкомъ ужъ близко онъ принимаетъ дѣло къ сердцу и перестаетъ работать лишь ночью, когда уже болѣе силъ у него не хватаетъ. Отдохнуть бы ему хорошенько, а онъ еще раздумываетъ, все-ли сдѣлано какъ слѣдуетъ.

Зима въ этомъ году особенно суровая, стоятъ неимовѣрные холода, доходящіе до двадцати градусовъ мороза, что для Ташкента представляетъ что-то небывалое. Поѣзда стоятъ по нѣсколько дней въ полѣ, занесенные снѣгомъ. Скучно!.. Вѣтеръ въ трубахъ заводитъ свою тоскливую пѣсню. Я смотрю въ окно какъ падаютъ густые снѣжные хлопья, и меня неудержимо тянетъ въ Петербургъ.

Желанье мое исполнилось скорѣе, чѣмъ я думала. Въ началѣ января мужу пришлось ѣхать по дѣламъ службы въ Питеръ. Это была для меня большущая радость!

8 Января. Выѣхали мы сегодня съ экстреннымъ поѣздомъ. Въ виду сильныхъ заносовъ, было пущено два рабочихъ поѣзда впереди нашего. Цѣлыя снѣжныя горы лежатъ по бокамъ рельсовъ и все полотно желѣзной дороги засыпано снѣгомъ. Надо было прибѣгнуть къ американскому способу расчистки снѣга, но такъ какъ здѣсь не было спеціальнаго для этого приспособленія, то пришлось импровизировать нѣчто вродѣ щетки, которую прикрѣпили впереди нашего паровоза, для отбрасыванія снѣга.

9 Января. Мрачно, холодно, жутко кругомъ. Блѣдное зимнее солнце прорывается урывками изъ-за сѣрыхъ тучъ. Мятель разыгралась во всю; мело сверху, снизу, сбоку. Въ степи было гдѣ разгуляться вѣтру; свиститъ и шумитъ онъ сердито, носясь въ снѣжномъ пространствѣ.

10 Января. Утромъ прибыли въ Мервъ совсѣмъ продрогшие и въ очень дурномъ настроеніи. Стекла вагона запушились толстымъ слоемъ инея. Проѣзжая среди этого полярнаго холода, не вѣрится, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и снова черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, здѣсь будетъ царить адская жара. Дурная погода имѣетъ одну хорошую сторону: есть возможность, на законномъ основаніи, отмѣнять на остановкахъ всяческія встрѣчи

и проводы. Можно удобно расположиться въ вагонѣ, не опасаясь вторженія чужихъ лицъ; изъ-за нашего проѣзда и другіе не безпокоятся и насъ оставляютъ въ покоѣ.

Мужъ поѣхалъ отсюда въ Елопань, за восемьдесятъ верстъ отъ Мерва, гдѣ стоитъ вновь прибывшій Кавказскій батальонъ. Вернулся онъ только къ вечеру.

11 Января. Аму-Дарья окована льдомъ и молчалива. Этотъ разъ мнѣ ни чуточку не было страшно проѣзжать по длинному мосту. Становится все холоднѣе. Несмотря на то, что вагонъ мой цѣлый день отапливается, я успѣла превратиться въ льдину; сижу вся укутанная и ежусь отъ холода, потирая руки, только не отъ удовольствія, о нѣтъ!..

Въ Кизилъ-Арватѣ простояли цѣлый день, ждали, пока солдатики расчищаютъ путь отъ снѣга. Здѣсь находятся главныя желѣзнодорожныя мастерскія, и для рабочихъ устроенъ клубъ съ удивительно дешевой столовой безъ крѣпкихъ напитковъ: порція щей съ кашей стоитъ 5 копѣекъ, стаканъ чая 1 коп. и все въ такомъ же родѣ. Въ этомъ клубѣ имѣется читальня и залъ для спектаклей и танцовальныхъ вечеровъ. Побольше бы такихъ клубовъ! Вѣдь рабочаго отъ кабака и пьянства могутъ удержать не проповѣди только, а доставленіе ему такихъ условій жизни, гдѣ онъ и безъ водки проведетъ пріятно время вмѣстѣ со своимъ семействомъ. Сегодня, по случаю нашего пріѣзда, былъ устроенъ въ этомъ клубѣ спектакль съ живыми картинами на сюжеты изъ Пушкина. Передъ началомъ представленія пѣлъ хоръ учениковъ техническаго училища, подъ управленіемъ регента, бывшаго тенора-солиста въ хорѣ Славянскаго.

12 Января. Ночью нашъ поѣздъ двинулся дальше. Когда мы встали утромъ, снѣга уже не было, но по необыкновенному колориту неба, все-таки видно, что стоитъ стужа. Горы на горизонтѣ эффектно освѣщены красноватыми лучами восходящаго солнца. Къ вечеру мы пришли въ Красноводскъ и прямо покатили къ пристани.

Лишній разъ еще убѣдились мы, что нельзя уже слишкомъ довѣряться господамъ географамъ:—*незамерзающее* Каспійское море оказалось замерзшимъ на славу; на протяженіи цѣлыхъ 30-ти верстъ ледъ толщиной въ четверть аршина. Не особенно пріятно будетъ пробиваться сквозь этотъ ледъ, но зато качать не будетъ нѣкоторое время, и то слава Богу!

13 Января. Рано утромъ снялись съ якоря. Ѣдемъ на пароходѣ „Тропикъ“. Цѣлыхъ пять часовъ выбирались мы изо льда; жутко слышать, какъ ледъ третъ и царапаетъ тонкія стѣнки парохода. Ввиду „*незамерзаемости*“ Каспія, ничто не приспособлено здѣсь къ полярному плаванію, и „Тропикъ“, конечно, ничѣмъ не напоминаетъ тѣхъ ледоколовъ, которые такъ хорошо были мнѣ знакомы въ одно изъ нашихъ кругосвѣтныхъ плаваній, когда мы уѣзжали зимою изъ Владивостока въ Петербургъ.

14 Января. Намъ пришлось быть „*Нансенами*“ въ продолженіе всей ночи. Къ утру только море очистилось ото льда, и скоро холодъ смѣнился тепломъ; чувствуется близость Кавказа. Подходимъ къ Баку. Намъ здѣсь любезно предложили проѣхать по неоткрытому еще для движенія участку Баку—Петровскъ. Пока снаряжали поѣздъ, намъ отперли на вокзалѣ царскія комнаты, съ удивительнымъ Мавританскимъ заломъ въ два свѣта.

15 Января. Ночью здѣсь поѣзда еще не пускаютъ, мы ночевали среди поля. На разсвѣтѣ поѣздъ нашъ тронулся. Погода отвратительная, дождь льетъ упорно, казалось, конца ему не будетъ. Ѣдемъ съ медленностью пяти верстъ въ часъ; путь еще не оконченъ и баластъ не положенъ. Полземъ шагъ за шагомъ по жидкому киселю; изъ подъ рельсовъ брызжетъ вода. Въ болѣе рискованныхъ мѣстахъ кондуктора пѣшкомъ обгоняютъ поѣздъ и что-то впереди разглядываютъ.

16 Января. Простояли всю ночь въ Дербентѣ. Холодно. Пронзительный вѣтеръ дуетъ съ моря. Днемъ прибыли безъ дальнѣйшихъ препятствій въ Петровскъ. Отсюда кажется уже, что до Петербурга рукой подать.

9. На Парижской выставкѣ.

Въ Петербургѣ прожили мы дольше, чѣмъ думали. Къ сожалѣнію, сравнительный отдыхъ, на который разсчитывалъ мужъ, оказался, наоборотъ, напряженной и отвѣтственной работой. Отъ этого здоровье его не поправилось, и пришлось серьезно посовѣтоваться съ врачами, которые въ одинъ голосъ посылаютъ мужа заграницу для отдыха и перемѣны обстановки. Самымъ подходящимъ курортомъ для леченія выбранъ Киссингенъ, а пока мы устраиваемъ себѣ увеселительную прогулку на Париж-

скую Всемірную выставку. Главной цѣлью нашей поѣздки туда было посѣщеніе Средне-Азіатскаго отдѣла выставки. Очень трудно было достать желѣзнодорожные билеты, потому что въ это время вообще начинается приливъ туристовъ заграницу, а въ этомъ году, благодаря выставкѣ, больше чѣмъ когда либо.

Въ Парижѣ насъ встрѣтилъ делегатъ Средне-Азіатскаго отдѣла, М. І. Шанявскій, въ сопровожденіи командированныхъ на выставку бухарцевъ и декоративнаго туркмена. Роскошные ихъ костюмы обращали на себя всеобщее вниманіе въ Петербургѣ, гдѣ ихъ не одинъ разъ видѣли, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Парижѣ, гдѣ до сихъ поръ никогда ни одинъ бухарецъ не бывалъ, собравшаяся толпа на Сѣверномъ дебаркадерѣ осматривала съ удивленіемъ невиданныхъ доселѣ людей. Многіе недоумѣвали—кого это встрѣчаютъ азіаты? Когда поѣздъ нашъ подошелъ къ вокзалу, то нѣкоторые любопытные даже на скамейки взлѣзали. Воображаю, какого было разочарованіе толпы, ожидавшей увидѣть какого-нибудь восточнаго властелина, когда изъ вагона вышли такіе-же люди, какъ и они всѣ.

Прямо съ вокзала мы отправились въ кварталъ „Passy", гдѣ для насъ была нанята вилла „Violetta" на улицѣ „Raynouard". Это самая спокойная часть Парижа, здѣсь живутъ богатые „rentiers" и люди, не любящіе городского шума. Вилла наша окружена аристократическими пансіонами и религіозными лицеями. Всюду царитъ благонравіе и тишина. Въ 7 часовъ вечера всѣ ворота запираются на нашей улицѣ. Оказывается, что и въ Парижѣ можно найти такіе-же спокойные уголки, какъ въ любомъ провинціальномъ захолустьѣ нашей обширной матушки Россіи. Между тѣмъ, мы находимся очень близко отъ выставки.

Недалеко отъ насъ въ „Passage des Eaux" поселился М. І. Шанявскій съ командированными бухарцами, въ домѣ, описанномъ „Zola" въ его романѣ „Une page d'amour". Проходъ къ этому дому, по длинной каменной лѣстницѣ, между стѣнами и садами, остался тотъ-же, что и въ романѣ, но самый домъ теперь ремонтированъ на ново, и окруженъ красивымъ садомъ.

Бухарцы посланы въ Парижъ для наблюденія надъ богатыми экспонатами, присланными Эмиромъ, а еще болѣе, чтобы служить декораціей въ Средне-Азіатскомъ отдѣлѣ, въ которомъ видное мѣсто отведено Бухарскому ханству. Эта маленькая

средне-азіатская колонія состоитъ изъ бухарскаго полковника, капитана, приставленнаго къ нимъ переводчика и туземной прислуги. Ходятъ бухарцы по Парижу въ своихъ національныхъ костюмахъ, привлекая всеобщее вниманіе. Прохожіе, указывая на нихъ, называютъ ихъ „*Les Russes*". (Это называется точное представленіе о Россіи и русскихъ)!. Забавно, когда почталіонъ приноситъ имъ письма, какъ „Concierge" выкрикиваетъ громко черезъ весь дворъ: „Boukhara!" послѣ чего изъ оконъ высовывается сначала чалма, потомъ голова, а затѣмъ и халатъ бухарца. Тонкость европейской кухни оставляетъ ихъ совершенно равнодушными; хозяйство ихъ ведетъ переводчикъ, бухарскій купецъ Ата-Ходжа, который очень скоро выучился самымъ необходимымъ французскимъ словамъ. Онъ каждое утро отправляется за провизіей и самъ готовитъ обѣдъ.

Не въ примѣръ другимъ азіатамъ, бухарцы держатъ себя въ высшей степени корректно и тактично. Обыкновенно они одѣваются очень скромно, чтобы поменьше обращать на себя вниманія; когда же они нарядятся въ свои богатые халаты, тогда уже съ ними не обращаются какъ съ простыми смертными, а величаютъ ихъ „*Princes*" и, соотвѣтственно этому, въ магазинахъ заламливаютъ съ нихъ *княжескія* цѣны. Не обходится иногда безъ разочарованія для разгорѣвшихся аппетитовъ разныхъ торговцевъ. Какъ-то разъ бухарцы пріѣхали въ „grands magasins du Louvre". Лишь только показались у входа ихъ халаты и чалмы, словно изъ подъ земли, выросъ передъ ними главный директоръ магазина, окруженный цѣлымъ штатомъ помощниковъ и начальниковъ отдѣленій. Онъ въ высшей степени галантно, какъ это всегда дѣлается въ такихъ случаяхъ, предложилъ „*принцамъ*" осмотрѣть весь магазинъ, лелѣя въ душѣ сокровенную надежду, что они, навѣрно, оставятъ не одну тысячу. Директоръ повелъ бухарцевъ по всѣмъ отдѣленіямъ: мебели, шелка, ковровъ, галантереи и пр. и пр. Когда же наступилъ психологическій моментъ и экономные бухарцы спросили полъ-дюжины эмалированныхъ тарелокъ, понятно, разочарованный великолѣпный директоръ моментально испарился.

Несмотря на то, что выставка была оффиціально открыта уже мѣсяцъ тому назадъ, многое оказалось еще въ неисправности, только нашъ Средне-Азіатскій отдѣлъ, благодаря энергіи

нашего делегата, былъ вполнѣ законченъ въ 12 часовъ ночи наканунѣ назначеннаго дня для открытія выставки, а рядомъ еще русскіе плотники и маляры, одѣтые въ красныя рубахи, спѣшили окончить работу. Кавказъ и Сибирь находятся въ особомъ зданіи подъ названіемъ „Les Indes Russes" („Русская Индія"), а отдѣлы Европейской Россіи, также какъ и всѣхъ остальныхъ государствъ, разбросаны по разнымъ зданіямъ. Средне-Азіатскому отдѣлу отведено одно изъ лучшихъ мѣстъ, рядомъ со зданіемъ „Trocadéro"; съ галлереи, окружающей этотъ дворецъ, можно обозрѣть всю выставку сразу. Снаружи нашъ отдѣлъ представляетъ точную копію Московскаго Кремля; онъ окруженъ высокой зубчатой стѣной, съ рядомъ башень, украшенныхъ двуглавыми орлами. Это произведеніе талантливаго архитектора Мельцера. Какъ только войдешь во внутрь зданія, національно-русскій стиль снаружи смѣняется — мусульмано-арабскимъ. Издали, при входѣ виднѣется громадная панорама работы художника Коровина, изображающая площадь передъ мечетью въ Самаркандѣ, съ пестрой, живой толпой; только подойдя совсѣмъ близко, замѣчаешь, что это—живопись, а не на яву. Средне-Азіатскій отдѣлъ поражаетъ яркостью колорита; это сказочный уголокъ восточной роскоши въ самомъ центрѣ европейской жизни. Передъ огромнымъ заломъ, наполненнымъ произведеніями нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній, устроенъ бассейнъ, въ которомъ бьетъ фонтанъ. Въ залѣ съ большимъ вкусомъ размѣщены разные предметы Туркестанской природы, искусства и промышленности. Стѣны украшены бухарскими и мервскими коврами самыхъ причудливыхъ рисунковъ; всюду размѣщены разныя мѣстныя издѣлія и цѣлая этнографическая коллекція съ образцами древнихъ породъ минераловъ и разныхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Повсюду живописно разбросано богатое оружіе, оригинальная посуда, разныя хозяйственныя принадлежности и всевозможныя производства: вино, консервы, конфекты и пр., и пр. Въ витринахъ разложены болѣе мелкія драгоцѣнныя вещи. Больше всего возбуждаетъ любопытство витрина Эмира бухарскаго съ восточными матеріями, сѣдлами, конской сбруей, разукрашенной драгоцѣнными камнями. Картина Туркестанской жизни настолько полна, что всякій интересующійся можетъ по выставленнымъ предметамъ вполнѣ ознакомиться съ жизнью края. Нашъ отдѣлъ особенно посѣщается космополитной публикой. Большой приманкой для Парижа представляютъ живописныя фигуры бухарцевъ, а также и купцовъ сартовъ, которымъ было разрѣшено устроить въ разныхъ углахъ отдѣла свои лавочки и мастерскія. Торгуютъ они очень бойко, и по баснословнымъ цѣнамъ сбываютъ всякій грошовый хламъ, а любителей-покупателей сколько угодно. Бывали тутъ курьезные случаи. Когда еще нашъ делегатъ собиралъ экспонаты въ Туркестанѣ, Петербургское начальство будущей выставки особенно налегло на необходимости пріобрѣтенія возможно большаго количества настоящей старинной Кокандской глиняной посуды. Послѣ самыхъ тщательныхъ попытокъ раздобыть таковую на мѣстѣ, оказалось, что желаемой посуды не только теперь нѣтъ, но даже никто изъ туземцевъ про нее никогда не слышалъ, но зато гончарной, самой обыкновенной посуды, сколько угодно. Такъ и сообщено было въ Петербургъ, но въ отвѣтъ получилось опять самое настоятельное требованіе доставить типичную старинную Кокандскую посуду. Времени оставалось уже немного, нужно было отправлять экспонаты въ Парижъ, и делегатъ прибѣгнулъ къ такому способу: онъ накроилъ изъ бумаги массу моделей всевозможныхъ вазъ, бутылокъ, кувшиновъ, кружекъ, и на другое утро, вызванный спеціально по этому поводу, начальникъ того округа, гдѣ проживаютъ гончары, увозилъ накроенныя бумажныя модели. Черезъ недѣлю было готово нѣсколько десятковъ штукъ всевозможной посуды, сдѣланной по выкройкамъ и эмалированной всевозможными цвѣтами. Посуда эта вышла очень красивая и оригинальная, хотя на самомъ дѣлѣ никогда до этого времени въ Туркестанѣ не существовавшая. Всѣ эти сосуды были разставлены въ нашемъ отдѣлѣ среди ковровъ и тканей какъ декорація и, отчасти, какъ образецъ того, что могутъ сдѣлать по заказу Туркменскіе гончары. Оказалось-же, что эти фантастическіе сосуды привлекли особенное вниманіе любителей и *„знатоковъ"*. Когда они обращались съ просьбой продать имъ экземпляры этой посуды, для разныхъ коллекцій и музеевъ, имъ въ отдѣлѣ старались объяснить, что появленіе этихъ сосудовъ на выставкѣ совершенно случайное, что такихъ въ самомъ дѣлѣ не существуетъ, но они не вѣрили, считая это объясненіе за вѣжливую форму отказа

продать эти вещи, и еще болѣе настоятельно просили объ уступкѣ имъ посуды. Въ концѣ концовъ пришлось даромъ раздать эту ничего не стоющую утварь, а осчастливленные коллекціонеры уносили ее съ такимъ видомъ, какъ будто они получили сокровища небывалой цѣнности.

Выставочные экспонаты подвергались разной печальной участи. Въ Туркестанскомъ отдѣленіи была замѣчательная коллекція сельско-хозяйственныхъ продуктовъ изъ разныхъ сѣмянъ и растеній. Очень скоро самыми лучшими цѣнителями этой коллекціи явились мыши; нисколько не стѣсняясь толпившейся публики, онѣ на глазахъ у всѣхъ устраивали себѣ настоящій пиръ изъ заботливо собранныхъ образцовъ крупы, зеренъ и муки. Бѣдствіе скоро приняло угрожающіе размѣры, выставленныя сѣмена таяли на глазахъ у публики, которая съ интересомъ смотрѣла какъ ихъ уничтожали маленькіе грызуны. Пришлось серьезно подумать, какъ пособить горю. Пробовали ставить ядъ, но мыши, конечно, предпочитали вкусную крупу и не трогали яда. Завели нѣсколько огромныхъ котовъ, но домовитыя животныя не смогли перенести дневной сутолки и ночного безлюдства, и скоро на полѣ брани остались однѣ только мыши. Кончилось тѣмъ, что на нихъ махнули рукой.

Болѣе трагическая участь, какъ мнѣ потомъ разсказали, постигла сартовскую арбу. Послѣ окончанія выставки на обязанности русскаго коммиссаріата лежала уборка всѣхъ выставленныхъ предметовъ; оказалось, что обратная отправка въ Туркестанъ этой арбы стоила-бы по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше, чѣмъ стоимость самой арбы. Пробовали подарить ее какому нибудь музею, или коллекціонеру, но всѣ открещивались отъ такого подарка. Дѣйствительно, арба громадныхъ размѣровъ, каждое колесо ея выше человѣческаго роста,—такой *сувениръ* на этажерку не поставишь. Оставить-же ее съ разнымъ мусоромъ на мѣстѣ выставки было неудобно, и вотъ пришлось прибѣгнуть къ оригинальному способу: наняли какого-то субъекта, который запрягъ въ арбу свою лошадь, и ночью выѣхалъ на Версальское шоссе; проѣхавъ десятокъ километровъ, онъ улучилъ моментъ когда кругомъ никого не было, отпрягъ лошадь и... удралъ. Бѣдная, безпріютная арба такъ и осталась на дорогѣ. Можно себѣ представить удивленіе кумушекъ, спѣшащихъ на разсвѣтѣ на базаръ, при видѣ одиноко стоящаго, невиданнаго доселѣ экипажа.

Нѣсколько шаговъ дальше и мы среди производствъ сѣверной полярной Россіи. Большое деревянное зданіе Сибирскаго павильона построено въ древне-русскомъ стилѣ, съ башней надъ главнымъ входомъ, представляющей, въ уменьшенномъ видѣ, копію Спасскихъ воротъ Московскаго Кремля. Тутъ царствуетъ полярный міръ. На стѣнахъ пано работы художника Коровина изображаютъ охоту на котиковъ, и угрюмую Сибирскую природу; контрастъ съ солнечнымъ Туркестаномъ полный. Въ разныхъ мѣстахъ разставлены чучела звѣрей и очень интересная этнографическая коллекція манекеновъ Сибирскихъ инородцевъ: Чукчей, Гольдовъ, Ороченъ, Якутовъ, Сахалинскихъ Айновъ, и такъ называемыхъ—„креоловъ Командорскихъ острововъ“. Общее вниманіе привлекаетъ модель саней и собачьихъ нартъ, живо напомнившихъ мнѣ катаніе на собакахъ, устраиваемое Гольдами на Амурѣ на масляницѣ, въ бытность мужа Приамурскимъ генералъ-губернаторомъ. Выставлена также лодка-скорлупа, на которой даже въ бурную погоду туземцы переплываютъ десятки миль, съ одного острова на другой. На столахъ разложены роскошныя шкуры бобровъ, чернобурыхъ лисицъ, соболей. По доставленнымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ иной годъ въ Камчаткѣ убиваютъ всего до 7—8 бобровъ, и откуда въ торговлѣ появляются сотни „*настоящихъ*“ Камчатскихъ бобровыхъ воротниковъ для гвардейскихъ шинелей,—это секретъ нашихъ мѣховщиковъ. Нѣкоторыя шкуры оцѣниваются тысячами. Чудный подборъ мѣховъ выставленъ фирмой братьевъ Грюнвальдъ.

По другую сторону Средне-Азіатскаго отдѣла расположился Кавказъ. Здѣсь собрано все, чѣмъ можетъ блеснуть этотъ край. Въ саду разведена большая коллекція Кавказской флоры. Во дворѣ пріютился ресторанъ, которому старались придать характеръ русскаго ресторана, но русскаго въ немъ очень немного, кромѣ водки, икры и двухъ-трехъ національныхъ блюдъ, а главное — попозновенія прислуживающихъ половыхъ, одѣтыхъ въ бѣлыя рубашки, получать громадные русскіе „на чай“. Пополудни играетъ здѣсь недурной оркестръ, облеченный въ какую-то несуществующую форму, не то таможеннаго вѣдомства, не то военнаго.

Въ особомъ зданіи, докторомъ Пясецкимъ устроена панорама той части Сибири, которую прорѣзываетъ желѣзнодорожный путь. Общество спальныхъ вагоновъ выставило образцы Сибирскаго поѣзда „Transsibérien“, съ роскошными вагонами, въ которыхъ можно испытать иллюзію путешествія черезъ всю Сибирь. Въ огромномъ залѣ стоитъ поѣздъ изъ трехъ вагоновъ интернаціональной компаніи; раздаются обычные звонки, свистокъ кондуктора, и поѣздъ какъ будто трогается въ путь. По обѣимъ сторонамъ вагоновъ, при посредствѣ механизма, развертывается панорама тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя проходитъ Сибирскій поѣздъ. Мнимые путешественники видятъ въ окно весь путь отъ Москвы до Пекина: Москву, Уралъ, Иркутскъ, Байкалъ, Амуръ, Сибирскую тайгу; и наконецъ поѣздъ останавливается у конечной станціи—въ Пекинѣ. Получается впечатлѣніе—будтобы вагоны въ самомъ дѣлѣ двигаются, но это двигаются лишь декораціи на стѣнахъ. На станціяхъ устроены остановки съ группами инородцевъ у буфетовъ. Выходя изъ вагона, въ другомъ концѣ зала, мы очутились въ китайскомъ отдѣленіи выставки; входъ въ него представляетъ часть городской стѣны Пекина.

На другой день послѣ нашего пріѣзда было освященіе Средне-Азіатскаго отдѣла. Подхваченные толпою людей, собравшихся со всѣхъ концовъ свѣта, не жалѣя своихъ локтей, мы протискались въ нашъ отдѣлъ. Во время молебна пѣли пѣвчіе русской церкви; хоръ этотъ состоитъ изъ французовъ, не знающихъ русскаго языка, но хорошо заучившихъ славянскій текстъ. Во время молебна раздался звонъ колоколовъ съ башень Кремля. Это былъ единственный случай употребленія этихъ колоколовъ, устройство которыхъ стоило большихъ денегъ и хлопотъ. Другой такой-же непроизводительной затратой было проведеніе фееричнаго электрическаго освѣщенія въ русскомъ отдѣлѣ. Оказалось, что оно не безопасно въ пожарномъ отношеніи, и было рѣшено никогда не освѣщать отдѣла, а закрывать его съ наступленіемъ сумерокъ. Только изрѣдка, завѣдующіе отдѣленіями приказывали открывать электричество на нѣсколько минутъ для своихъ знакомыхъ, а между тѣмъ, эта затѣя стоила 40 тысячъ франковъ!

Были мы также на оффиціальномъ посѣщеніи нашего отдѣла президентомъ республики Лубе, во время котораго ему былъ

врученъ Высочайшій подарокъ: рельефная карта Франціи изъ Уральскихъ камней; одинъ только изумрудъ, изображающій городъ Марсель, стоилъ *18 тысячъ рублей*. Рама карты сдѣлана изъ яшмы; моря—мраморныя, а рѣки—серебренныя. Поразилъ меня буржуазный видъ президента, маленькаго тщедушнаго старичка, учтиво раскланивавшагося во всѣ стороны; внушительнаго въ его фигурѣ нѣтъ рѣшительно ничего. Мы пожелали быть среди публики „инкогнито“. Это послужило поводомъ забавному инциденту. На торжествѣ было много русскихъ дамъ; одна изъ нихъ заговорила со мной и прощаясь, не зная моего общественнаго положенія, милостиво протянула мнѣ *два пальца*, но когда она случайно узнала, кто я, то опять подбѣжала ко мнѣ, и схвативъ *обѣими руками* мою руку, наговорила тысячу пріятныхъ вещей.

Въ садахъ „Трокадеро“ устроенъ Алжирскій городокъ, съ лавками и базарами, въ которыхъ красивые Алжирцы ловятъ влюбленнымъ взоромъ проходящихъ мимо дамъ. Меня они на эту удочку не поймали! Рядомъ оригинальный павильонъ Дагомета, крытый соломой; въ немъ видно, какъ туземцы несутъ сторожевую службу, расположившись на высокихъ деревянныхъ башняхъ. Зашли мы въ Тунисскій кафе, въ которомъ одна изъ многочисленныхъ *настоящихъ* „Belle Fatma“, приводила въ восторгъ публику своимъ „танцемъ живота“, по окончаніи котораго красавица „гурія“, съ тарелкой въ рукѣ, стала обходить зрителей. Достаточно было одного взгляда, чтобы въ этой дочери знойной Африки узнать самую типичную уроженку квартала „Batignoles“.

Площадь, которую занимаетъ теперешняя выставка, въ двадцать разъ больше предъидущей; „Трокадеро“, вмѣщавшее всю прежнюю выставку, составляетъ теперь только маленькую часть ея.

Моды и вкусы постоянно мѣняются; что было интересно въ прошлую выставку, теперь уже никого не занимаетъ. Приходится придумывать все новыя приманки; изъ старыхъ—одна только Эйфелева башня гордо высится надъ всѣмъ Парижемъ. Павильоны разныхъ государствъ живописно раскинуты вдоль обоихъ береговъ Сены, на протяженіи болѣе километра; точно фантастическій городъ изъ затѣйливыхъ дворцовъ выросъ на

берегахъ рѣки, а вѣдь всѣ эти дворцы, между которыми есть и очень грандiозные, построены изъ картона и штукатурки, и всего только на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ декабрѣ всѣ они должны быть снесены, навсегда остается лишь построенный изъ камня „Дворецъ Искусства“ у моста „Alexandre III“. Этотъ великолѣпный мостъ служитъ главнымъ центромъ выставки, гдѣ публика собирается для прогулки и отдыха. Интересно здѣсь присѣсть и наблюдать толпу, самую разнообразную, какую только можно себѣ представить. Мимо насъ несется цѣлый потокъ гуляющихъ; этотъ гигантскiй калейдоскопъ доводитъ меня до одури. По вечерамъ тутъ играетъ знаменитый американскiй оркестръ подъ управленiемъ „Souza“,—такого же короля маршей, какимъ когда-то для вальсовъ были Штраусъ и Вальдтейфель.

Во Дворцѣ Искусствъ выставлены лучшiя произведенiя живописи и скульптуры. Когда мы осматривали этотъ отдѣлъ, меня ужасно разсмѣшили двѣ замаринованныя англичанки, похожiя на старательно выжатый лимонъ,—изъ тѣхъ старыхъ скромницъ, которыхъ никто никогда не пытался совратить съ пути истины, и которыя не позволяютъ цѣловаться, потому что ихъ никто не цѣлуетъ; видъ не совсѣмъ цѣломудренныхъ статуй повергалъ ихъ въ добродѣтельный ужасъ. Эта часть выставки находится близко отъ главнаго входа, со стороны „Place de la Concorde“, съ пресловутой „Парижанкой“ на верхушкѣ входной трiумфальной арки. Какъ то странно видѣть фигуру женщины, одѣтой по послѣдней модѣ, почему то взобравшейся на такое неудобное и опасное мѣсто; до сихъ поръ мы привыкли видѣть въ такомъ положенiи только символическiя изображенiя, для которыхъ законы равновѣсiя не писаны.

Прогулка по выставкѣ значительно облегчаетъ наши карманы; витрины щеголяютъ одна передъ другой роскошными товарами, но цѣны бѣшенныя. Въ виду громаднаго протяженiя выставки, придуманы разныя средства сообщенiя, начиная отъ Тонкинскаго „puss-puss“ до „новѣйшаго техническаго изобрѣтенiя,—движущагося тротуара“, по которому можно проѣхать кругомъ выставки въ полъ часа. Тротуаръ этотъ опоясываетъ выставку къ какому бы ея мѣсту ни подойти и движется безостановочно. Такъ какъ вскочить на тротуаръ, движущiйся со скоростью курьерскаго поѣзда, довольно трудно и опасно, а еще

опаснѣе соскакивать съ него, то рядомъ съ быстро движущимся, идетъ другой, болѣе медленный тротуаръ, а рядомъ съ нимъ движется третiй, уже совсѣмъ тихо, такъ что вскочить и соскочить съ него очень легко; все же нужна нѣкоторая ловкость при переходѣ съ одного тротуара на другой, въ особенности когда несообразительный пассажиръ соскакиваетъ въ сторону противоположенную движенiю. Интересно было наблюдать степень ловкости катающихся на этой панелѣ; случалось, что спина не особенно ловкаго пассажира покоилась на одномъ тротуарѣ, а ноги его ѣхали на другомъ, болѣе скоромъ.

На выставкѣ, кто хочетъ можетъ учиться, а кто хочетъ можетъ веселиться, я выбрала и то и другое. Вещей на выставкѣ, которыхъ стоитъ посмотрѣть, тьма тьмущая. Возлѣ Эйфелевой вашни, въ улицѣ названной „Rue de Paris“, расположена масса павильоновъ, заключающихъ въ себѣ самыя разнообразныя развлеченiя: показываются бородатыя женщины, морскiя сирены и тому подобныя чудеса прошлой, настоящей и будущей жизни. Есть тутъ и „марiорама“, дающая посѣтителямъ возможность прокатиться по морю изъ Марселя въ Константинополь, не покидая Парижа, и панорама, дающая иллюзiю путешествiя вокругъ свѣта, и дворецъ оптики съ гигантскимъ телескопомъ, показывающимъ луну будто-бы на разстоянiи 60 километровъ, и „Дворецъ Женщины“ съ умопомрачающими туалетами басносновной цѣнности, теперешняго и прошлаго времени, и панорама горы „Монъ Бланъ“, воспроизводящая восхожденiе на Альпы, такъ живо напомнившее мнѣ восхожденiе мое съ мужемъ на „Mer de Glace“; и точное воспроизведенiе „Grotte d'Azur“ близь Неаполя, съ лазуревой водой плещущей у настоящихъ скалъ. Тутъ же вблизи находится гигантское колесо въ 100 метровъ вышины, съ тридцатью двумя вертящимися вагонами.

Чтобы проникнуть въ „Старый Парижъ“, проходятъ черезъ деревянный подъемный мостъ, и ворота, охраняемыя часовыми въ синихъ камзолахъ и треугольныхъ шляпахъ. Очутившись на „Rue des Remparts“, мы увидѣли какъ бы воскресшiй уголокъ Парижа XIV столѣтiя, съ его низенькими домами и разными средневѣковыми атрибутами. На высокихъ башняхъ стоятъ солдаты съ пиками на плечахъ; по узкимъ, кривымъ улицамъ дви-

гаются люди въ средневѣковыхъ костюмахъ. Вмѣсто номеровъ на домахъ виднѣется изображенiе какой-нибудь птицы. Пройдя черезъ башню „Chatelet", мы перенеслись въ Парижъ XVII вѣка, сдѣлавъ скачекъ черезъ цѣлыхъ три столѣтiя. Здѣсь уже Парижъ эпохи Людовика XIII. Стоитъ стража съ мушкетами на плечахъ. издали доносится пѣнiе изъ церкви Св. Юлiана, принадлежавшая когда-то братству странствующихъ пѣвцовъ „менестрелей". Недалеко отъ церкви находится висѣлица и позорный столбъ, съ приставленной къ нимъ стражей мускетеровъ. На „Rue des Vieilles Ecoles" точно воспроизведенъ домъ, гдѣ жилъ Мольеръ, со всей тогдашней обстановкой. Всѣ дома заняты жильцами, одѣтыми въ костюмы той эпохи. Гуляютъ дамы въ фижмахъ и высокихъ напудренныхъ прическахъ, въ сопровожденiи своихъ кавалеровъ въ камзолахъ и бѣлыхъ парикахъ. Фокусники и фигляры зазываютъ прохожихъ въ свои балаганы. На ярмарочной площади устроены качели и разныя другiя народныя увеселенiя, которыя существовали въ старину. По улицамъ двигаются процессiи. Вотъ направляются въ судебную палату судейскiе „клерки" съ чернильницами у пояса и съ факелами въ рукахъ. Въ самомъ зданiи суда вмѣсто судебныхъ драмъ даютъ „мистерiи".

Очень интересный уголокъ выставки, носящiй названiе „Андалузiя временъ мавровъ". Входъ въ него, точная копiя Севильскаго Альказара. На „Plaza de Toros", вмѣсто запрещеннаго боя быковъ, подвизаются андалузскiя „гитаны" и мадридскiя танцовщицы. То ли дѣло такое зрѣлище, чѣмъ кровавый бой быковъ! Это, конечно, не такъ сенсацiозно, но зато сохраняетъ нервы зрителей. Я до сихъ поръ не могу забыть, какъ я была возмущена этимъ варварскимъ зрѣлищемъ, видѣннымъ мною въ Сарагоссѣ, во время нашего путешествiя по Испанiи. Среди публики прогуливался нашъ туркменъ изъ Средне-Азiатскаго отдѣла въ живописномъ халатѣ и громадной папахѣ. Оказывается, что импрессарiо пригласилъ его почаще посѣщать его заведенiе, конечно, даромъ, въ качествѣ живой декорацiи, хотя трудно себѣ представить, что можетъ быть общаго между азiатскимъ жителемъ и испанской жизнью.

Тутъ-же вблизи расположилась *(не географически)* швейцарская деревня съ ея пейзажами, коровами и магазинами съ часами-кукушками и деревянными медвѣженками. Среди декорацiи горъ, ледниковъ и водопадовъ ходитъ толпа настоящихъ швейцарцевъ, или, по крайней мѣрѣ, людей, одѣтыхъ въ швейцарскiе костюмы различныхъ кантоновъ. Воспроизведенъ здѣсь домикъ, въ которомъ переночевалъ Бонапартъ во время перехода его во главѣ италiанской армiи черезъ Санъ-Бернарскiй перевалъ. Въ немъ показывается кресло, въ которомъ великiй полководецъ сидѣлъ передъ каминомъ, мечтая, вѣроятно, о новыхъ лаврахъ и о коварной Жозефинѣ. Тутъ-же рядомъ раздается благовѣстъ „Carillon" изъ небольшой сельской церковки.

Отправлялись мы обыкновенно на выставку послѣ завтрака и бродили тамъ до самаго обѣда. Уставала я отчаянно и меня такъ и тянуло къ скамейкамъ! Утомленные до послѣдней возможности, но съ обилiемъ впечатлѣнiй, мы съ удовольствiемъ возвращались въ нашу уютную виллу. Устроились мы въ Парижѣ очень удобно, въ отдѣльномъ павильонѣ изъ семи комнатъ, окруженномъ садикомъ; правда, что въ немъ всего лишь десятокъ деревьевъ, но для Парижа и этого много. Въ ожиданiи большой жары, мы разставили въ садикѣ бухарскую палатку, въ которой пробовали нѣсколько разъ завтракать, но это лѣто оказалось очень холодное, пришлось даже топить камины. Мужъ выписалъ изъ Петербурга своего бывшаго денщика Станислава. Поразительно, что этотъ крестьянинъ Сѣдлецкой губернiи, не зная ни одного иностраннаго слова, сумѣлъ проѣхать изъ Петербурга въ Парижъ, въ третьемъ классѣ, въ поѣздахъ, гдѣ приходилось безконечное число разъ пересаживаться. Вскорѣ, однако, оказалось, что легче проѣхать полъ Европы, чѣмъ сумѣть угодить парижской горничной. Ужъ на другой день его прiѣзда наша „bonne", красавица Антуанетта, въ результатѣ живого обмѣна мнѣнiй на *разныхъ языкахъ*, пустила въ Станислава толстымъ стаканомъ и разбила ему лобъ до крови; онъ и до сихъ поръ не понимаетъ, почему и за что. Хозяйка наша послѣ этого инцидента немедленно разсчитала вспыльчивую италiанку, несмотря на нашу просьбу простить ее.

Въ тѣ дни, когда мы, полуживые отъ усталости, отдыхали дома, насъ не забывали наши знакомые, очутившiеся вмѣстѣ съ нами въ Парижѣ. Между прочими, насъ часто посѣщалъ Радде, директоръ Тифлисскаго музея. Еще въ молодые годы его, до учрежденiя генералъ-губернаторства въ Восточной Сибири,

онъ много потрудился для изученія этого края, составивъ нѣсколько дѣльныхъ трудовъ. Въ честь Радде одна изъ казачьихъ станицъ на Амурѣ названа его именемъ. Какъ человѣкъ бывалый, Радде очень интересный собесѣдникъ, но зато онъ ужасно разсѣянъ. Какъ-то разъ онъ засталъ у насъ сосѣда по виллѣ, далеко не похожаго на Адониса, который, несмотря на свой пятый десятокъ, одаренъ отъ природы лицомъ лубочнаго вербнаго херувима; все у него въ лицѣ раздавалось въ ширину, какъ въ зеркалахъ паноптикума. Радде видѣлъ этого купидона въ первый разъ и, знакомясь съ нимъ, сказалъ ему съ большимъ состраданіемъ: „Бѣдный, какой ужасный флюсъ вы схватили! но въ такую погоду это не мудрено"! Сосѣдъ хотѣлъ что-то возразить, но Радде перебилъ его, сказавъ: „Пожалуйста, не разговаривайте, я знаю, какъ трудно открывать ротъ при такой опухоли". Тогда сосѣдъ, поблагодаривъ его за выраженное состраданіе, прибавилъ, что, благодаря Богу, онъ зубами никогда не страдалъ и съ флюсами не знакомъ.

Послѣ долгой Ташкентской голодовки, я съ жаромъ накинулась на парижскія удовольствія. По вечерамъ я увлекала моихъ кавалеровъ въ театры и разныя злачныя мѣстечки, причемъ мои вкусы съ мужемъ діаметрально расходились, такъ какъ я люблю ѣздить туда—на Олимпъ, въ верхнія мѣста, ну, а мужу, хотя онъ и ходитъ здѣсь въ статскомъ платьѣ, это не совсѣмъ-то удобно. Въ театрѣ „Porte St. Martin" мы видѣли неувядаемую Сару Бернаръ въ новой пьесѣ Ростана „L'Aiglon". Поразила она меня своими молодыми движеніями, несмотря на давнымъ давно прошедшую молодость. Артистка она, несомнѣнно, великолѣпная, но только простоты въ ней мало. Отъ перваго-же выхода, какъ стала она на ходули, такъ и пропутешествовала на нихъ весь вечеръ.

Посѣтили мы нѣсколько кабачковъ въ кварталѣ „Montmartre". Самый интересный изъ нихъ это артистическій кабаре „Le Chat Noir", кружокъ безпощадной сатиры, служащій мѣстомъ встрѣчъ всѣхъ, кто желаетъ провести вечеръ посвященный осмѣянію установившихся традицій. Своеобразенъ также кабаре „Alexandre Bruyant", въ которомъ хозяинъ встрѣчаетъ всѣхъ входящихъ посѣтителей градомъ довольно отрицательныхъ каламбуровъ. Уродливой рыжей особѣ онъ крикнулъ вмѣсто привѣтствія: „Ah, quelle

belle brune!", а меня потрепалъ по плечу, сказавъ: „Бѣдненькая, какой у нея болѣзненный видъ!". Многіе иностранцы, и мы въ томъ числѣ, не ожидавшіе такой встрѣчи, хотѣли тутъ же улепетнуть, но, увидя, что этотъ любезный пріемъ—спеціальность этого заведенія, начали добродушно смѣяться, принимая участіе въ общемъ веселіи. Мы съ трудомъ отыскали себѣ свободный столикъ. Рядомъ съ нами усѣлись два погибшихъ, но милыхъ созданія, набѣленныхъ и нарумяненныхъ какъ куклы. Отъ сильной жары дѣвицы эти, крашенныя дешевыми косметиками, очень скоро превратились въ татуированныхъ папуасокъ, но это не помѣшало имъ повести атаку на моихъ кавалеровъ, стрѣляя въ нихъ выразительнымъ профессіональнымъ взглядомъ.

10. Киссингенъ.

Жилось намъ въ Парижѣ весело и беззаботно; на душѣ такъ легко и хорошо! Но, вотъ, пора ѣхать мужу на воды въ Киссингенъ, а мнѣ надо возвращаться въ Петербургъ, чтобы печатать мои „Воспоминанія"!

Я собиралась все лѣто не покидать Питеръ, но мужъ скучалъ безъ меня и все вызывалъ телеграммами; наконецъ, онъ написалъ мнѣ, что если я не пріѣду, то онъ броситъ леченіе и вернется въ Ташкентъ. Я тутъ-же рѣшила недѣли на три катнуть заграницу, и два дня спустя была уже на пути въ Киссингенъ.

Ѣхать было очень неудобно, тѣснота въ вагонахъ ужасная; я старалась сузиться до послѣдней возможности, а тутъ еще, тяжело пыхтя, къ намъ лѣзетъ дама монументальныхъ размѣровъ, могущая служить рекламой: *„Кушайте геркулесъ!"*. На германской границѣ таможенные надсмотрщики страшно надоѣдали своими несносными придирками; на мою долю попался особенно непріятный чиновникъ, рыжій и ужасно противный, который отобралъ-таки у меня вкусную коробку конфектъ, за что я такъ посмотрѣла на него, что, еслибъ взглядомъ можно было убить человѣка, то, навѣрно, его уже не было бы на свѣтѣ. До самаго Киссингена сосѣдкой моей была сильно ремонтированная особа, невыносимо надушенная, со взрослой дочерью одѣтой въ короткое платье, которая, по желанію матери, должна была казаться еще ребенкомъ. Дама эта завела со мной разго-

воръ, но я притворилась глухо-нѣмой; это оказалось совершенно лишнимъ, такъ какъ многорѣчивая дама, имѣвшая способность залпомъ выпускать тысячу словъ, все время трещала, не ожидая отвѣта. Въ ранней молодости болтушка, вѣроятно, была не дурна собой, и теперь еще никакъ не могла она отдѣлаться отъ этого воспоминанія, убѣдивъ себя, что ей всего тридцать лѣтъ и что она никогда не доживетъ до сорока. Все время она повѣтствовала о своихъ чарахъ и побѣдахъ. Напротивъ меня сидѣла „mater familas" съ тремя дѣтьми и со страшнымъ количествомъ багажа, которая въ короткіе промежутки болтовни моей сосѣдки разсказывала мнѣ о необыкновенной красотѣ и геніальности своихъ чадъ. Ночью, дѣйствительно, они показали себя во всей красѣ,—спать не давали, вопивъ безъ умолку; грудной младенецъ особенно злостно ревѣлъ.

Вотъ и Киссингенъ! Когда поѣздъ входилъ въ вокзалъ, я высунулась изъ окна и издали увидѣла на платформѣ мужа; онъ хотѣлъ пройти черезъ рѣшетку и вступилъ въ препирательство съ двумя полицейскими, которые его удерживали. И какъ же онъ мнѣ обрадовался! Я рѣдко видѣла его такимъ сіяющимъ.

Мужъ прекрасно устроился въ роскошной виллѣ доктора „Sautier", у котораго онъ лечится. У этого эскулапа громадная практика. На другой день моего пріѣзда я пошла съ мужемъ къ нему на пріемъ; гостинная его была наполнена цѣлой клиникой физическихъ немощей. Больные въ ожиданіи пріема просматривали старые журналы и не особенно дружелюбно другъ друга осматривали.

Киссингенъ весь въ цвѣтущихъ садахъ; кругомъ горы, масса зелени и цвѣтовъ, воздухъ чудный. Я сразу почувствовала себя здѣсь уютно и хорошо.

Рано утромъ проѣзжаетъ мимо нашей дачи громадный почтовый омнибусъ; кучеръ трубитъ пѣсенку, значитъ—пора вставать. Въ 6 часовъ я уже сопровождала мужа въ „Kurhaus", гдѣ музыка играетъ отъ пяти часовъ утра до восьми. Всѣ больные ходятъ со стаканами; на главной аллеѣ очень шумно, особенно много народа толпится около источника „Rakozy Brunnen". Наиболѣе больныхъ возятъ въ креслахъ.

Режимъ установленъ здѣсь очень строгій, больные все должны дѣлать по часамъ; это не люди, а циферблаты какіе-то!

Мужу ежедневно предписано дѣлать длинныя прогулки; отъ большаго моціона у меня является аппетитъ крокодила, а кормятъ здѣсь очень голодно. Мнѣ также пришлось за компанію сѣсть на пищу Св. Антонія; больничный столъ безъ всякихъ приправъ, ужасно приторный, фруктовъ никакихъ не даютъ. Укладываемся мы спать съ курами; по строгому приказанію доктора, въ 9 часовъ надо уже лежать въ постелѣ. Трудно мнѣ поддѣлаться подъ здѣшній больничный ладъ. Я возмущалась противъ такой дисциплинированной системы, и этотъ скучный режимъ началъ казаться мнѣ чѣмъ то вродѣ исправительнаго заведенія, такъ хотѣлось скорѣй удрать отсюда въ Петербургъ, гдѣ можно жить какъ хочется. Лица всѣхъ курортныхъ больныхъ до того мнѣ пріѣлись, что скучно смотрѣть на нихъ. У этихъ людей, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ свѣта, одно только страстное желаніе—выздоровѣть; говорятъ они только о своихъ болѣзняхъ.

Въ Киссингенѣ множество русскихъ. Я познакомилась съ женою Великаго Князя Михаила Михаиловича,—графиней Турба. Отецъ ея графъ Нассау, а мать—дочь Пушкина. Великій Князь посѣтилъ насъ вмѣстѣ съ графиней; такіе они оба привѣтливые, милые,—прелесть!

Погода испортилась, небо все въ тучахъ и дождь зарядилъ на долго. Курортная публика уныло бродитъ подъ зонтиками. Мнѣ стало, если возможно, еще скучнѣе.

11. Возвращеніе въ Ташкентъ.

Мужъ окончилъ курсъ леченія; въ его здоровьи наступилъ теперь видный переломъ къ лучшему, но ему необходимо нужно было еще укрѣпляться, возстановлять силы, а служба требовала его. Въ серединѣ Іюля мужъ вернулся въ Ташкентъ, а я осталась въ Петербургѣ, чтобы печатать мои „Воспоминанія".

Не суждено было мужу спокойно окончить свое леченіе. Начались серьезныя трудовыя служебныя занятія, наполняя все время и поглощая всѣ силы. Тяжело было во всѣхъ отношеніяхъ справляться съ той отвѣтственностью, какая возлагалась на главнаго начальника края, а тутъ еще начали чувствоваться отдаленные раскаты наступающей азіатской грозы. Столько столѣтій дремавшій „Желтый Драконъ" проснулся. Внезапно весь

Китай всколыхнулся „боксерскимъ“ возстаніемъ. Иностранные дипломаты увидѣли себя отрѣзанными отъ всего міра, и осажденными враждебной дикой толпой. Весь цивилизованный міръ встрепенулся. Газеты наполнились описаніями китайскихъ жестокостей. Предательски убитъ былъ въ Пекинѣ Германскій посланникъ; ему вырѣзали языкъ, выкололи глаза и зарыли до головы въ землю. Европейцевъ обливали кипяткомъ и разрѣзывали пополамъ.

На Дальнемъ Востокѣ китайцы напали на Манджурскую желѣзную дорогу. Еще въ Сибири, при постройкѣ этой дороги, когда ни о какой завирухѣ не было и рѣчи, мужъ былъ противъ проведенія ея на чужой территоріи. Онъ всегда говорилъ: „Дай Богъ намъ справиться со своимъ, а потомъ будетъ время думать и о чужомъ“. Его предложеніе о проведеніи Сибирской дороги вдоль Амура, по русской территоріи, было встрѣчено довольно холодно; перевѣсило мнѣніе Петербургское и была построена *русская* желѣзная дорога для всѣхъ кромѣ *русскихъ*, и вотъ сказались плачевныя послѣдствія. Мужъ теперь горячо отстаиваетъ проведеніе желѣзнодорожной линіи отъ Оренбурга до Ташкента, находя необходимымъ соединить желѣзнодорожной сѣтью Европейскую Россію съ отдаленнымъ Туркестаномъ.

А я все время жила въ Петербургѣ, работая безъ устали надъ моей книгой. Мужъ долго вѣстей о себѣ не давалъ, и я томилась мыслью, что здоровье его опять ухудшилось. Неспокойно такъ на душѣ! казалось вотъ-вотъ случится что нибудь. Я каждый день придумывала себѣ новыя терзанія, сердце вѣшунъ чуяло недоброе. Предчувствіе меня не обмануло. Я получила отъ мужа тревожное письмо; онъ пишетъ, что все прихварываетъ и сильно тоскуетъ безъ меня, онъ потерялъ сонъ и аппетитъ и утратилъ даже способность улыбаться. Получивъ это письмо, я заволновалась, и захотѣлось мнѣ увидѣть мужа поскорѣе. Всю ночь я проплакала, а утромъ рѣшила ѣхать въ Ташкентъ.

Всю дорогу я себя чувствовала очень неспокойно и не могла дождаться, когда доберусь до Ташкента; поѣздъ, по моему мнѣнію, шелъ возмутительно медленно. Въ Ростовѣ я получила телеграмму, извѣщавшую меня, что мужъ серьезно боленъ. Выплакавъ всѣ слезы, я заснула въ эту ночь тревожнымъ сномъ, меня душилъ кошмаръ. Я совсѣмъ ясно увидѣла себя у входа

въ соборъ, окруженный массой войскъ; выходитъ изъ собора офицеръ и объявляетъ громогласно солдатамъ: „Генералъ Духовской скончался“. Я проснулась съ мучительно бьющимся сердцемъ и вся въ слезахъ.

Волненіе мое усиливадось по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Ташкенту; мнѣ казалось, что не будетъ конца разстоянію, отдѣлявшаго меня отъ мужа. На послѣдней станціи я была поражена, увидѣвъ его пріѣхавшаго мнѣ на встрѣчу, не смотря на то, что онъ боленъ. Я въ страшномъ волненіи соскочила съ вагона; у меня очень, очень стучало сердце. Когда я увидѣла блѣдное, осунувшееся лицо мужа, я старалась овладѣть своими нервами, боясь, что не сумѣю справиться со своимъ лицомъ.

Какъ только мы пріѣхали въ Ташкентъ, я уложила мужа въ постель, но у него хватило терпѣнія пролежать лишь до слѣдующаго утра. Онъ словно ожилъ съ моимъ пріѣздомъ.

Между тѣмъ тучи на политическомъ горизонтѣ все сгущались. Встревоженныя Европейскія державы сообща двинулись на Китай. Надо было быть готовымъ ко всякимъ неблагополучіямъ и со стороны Китайской границы въ Туркестанѣ. Въ Кульджѣ консулу стало не безопасно проживать, послана сотня казаковъ для его охраны.

Мужъ, и безъ того работающій съ разсвѣта до поздней ночи, удвоилъ еще свои силы и рвеніе; онъ требуетъ такой-же работы отъ другихъ, и это многимъ не по вкусу. Начались неудовольствія, критика, и довольно неблаговидныя попытки дискредитировать нѣкоторыя мѣропріятія, которыя мужъ считалъ необходимыми, но онъ въ такихъ случаяхъ говорилъ всегда одно: „Мнѣ не нужно личной преданности какого-нибудь лица, но мнѣ нужна его работа; дѣлалъ-бы свое дѣло, а ко мнѣ пусть относится какъ ему угодно!“. Мужъ все больше сталъ чувствовать, что онъ со стороны другихъ не встрѣчаетъ того содѣйствія, на которое онъ имѣлъ право разсчитывать въ переживаемое тревожное время. Дѣйствительно, легко людей заинтересовать участіемъ въ почестяхъ, наградахъ, но пристрастить ихъ къ неутомимой, тяжелой работѣ,—задача ужъ очень неблагодарная. Понемногу начало складываться у мужа грустное убѣжденіе, что онъ *„одинъ въ полѣ не воинъ“*. Онъ сталъ подумывать объ отъѣздѣ изъ Туркестана. Пора отдохнуть, пора пожить нако-

нецъ для своего личнаго счастія. Когда консиліумъ Ташкентскихъ докторовъ поставилъ мужу ультиматумъ — немедленно выѣхать изъ края снабжившаго его маляріей, мужъ попросилъ Государя объ отозваніи его отъ должности.

12. Переселеніе въ Петербургъ.

Насталъ день отъѣзда, о которомъ я столько мечтала. 21 Ноября мы разстались съ Ташкентомъ. Проводы были очень сердечныя. Адъютанты наполнили мой вагонъ букетами и бонбоньерками. „*До свиданья*“ говорили провожающимъ мои уста. „*Прощайте*“ подсказывало предчувствіе о томъ, что мы больше сюда не возвратимся. При громкихъ пожеланіяхъ счастливаго пути, поѣздъ медленно отошелъ, и все было кончено съ Ташкентомъ. На новый годъ мужъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Давнишняя моя мечта поселиться въ Петербургѣ исполнилась; больше не будемъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, но за то сколько горькихъ, тяжелыхъ минутъ пришлось мнѣ здѣсь пережить! Нѣтъ, это невозможно описать, можно только чувствовать. Дамокловъ мечъ постоянно висѣлъ надо мной. Мужъ худѣлъ, блѣднѣлъ, уходилъ отъ жизни. Ему стало такъ худо, что онъ принужденъ былъ слечь, а я такъ страстно желала передать ему мое здоровье!..

1 Марта мужъ мой скончался. Вѣщій, страшный сонъ мой осуществился. Все мое счастіе рухнуло какъ карточный домикъ, улетучилось какъ дымъ, и въ жизни моей образовалась невыносимая пустота. Счастье всю жизнь слишкомъ баловало меня, вотъ оно — возмездіе! Самый ясный день оканчивается всегда сумерками, наступили онѣ и для меня!

На одной изъ панихидъ присутствовалъ Государь, сказавшій мнѣ нѣсколько словъ утѣшенія. Много сочувствія оказалъ мнѣ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, но въ то время я находилась въ такомъ состояніи, что ничего не видѣла и не слышала. Кончаю мои воспоминанія горькими словами: „Sic transit gloria mundi!“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.